201-94
4765-5
И 141/92
201-17
3330

Протоіерей Дмитрій Садовскій.

ПРОПОВѢДИ

блаженнаго Августина.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ.

(Добавленіе къ книгѣ „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ").

Сергіевъ Посадъ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевы Лавры.
1913.

Отъ С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется Спб., Іюля 22 дня, 1912 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Василій*.

Публ. * Библ. имени В. И. Ленина С.С.С.Р.

(Ф 31-5607.)

Заменено 2/VII-34

2014333957

Отъ переводчика.

Хотя блаженный Августинъ считается однимъ изъ выдающихся проповѣдниковъ древне-христіанской церкви, однако же до настоящаго времени проповѣди его остаются еще не переведенными на русскій языкъ. Переводы отдѣльныхъ проповѣдей его, правда, помѣщались въ нѣкоторыхъ нашихъ церковно-періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Христіанскомъ чтеніи» и «Воскресномъ Чтеніи» за прежніе годы; но доселѣ еще нѣтъ на русскомъ языкѣ особаго сборника проповѣдей блаж. Августина. И нужно сознаться, что это является немалымъ пробѣломъ въ русской богословской литературѣ. Имя иппонскаго пастыря, какъ великаго учителя церкви, налагаетъ на насъ обязанность внимательно прислушиваться къ его голосу, тщательно изучать его творенія. По глубинѣ религіознаго сознанія и по силѣ благочестиваго восторга блаж. Августинъ поставляется наряду съ высшими образцами религіознаго творчества (См. сочиненіе проф. Герье — «Зодчіе и подвижники Божьяго царства». Часть I. «Блаженный Августинъ», стр. XIV, Москва 1910 г.). Особенно полезно изученіе твореній блажен. Августина, а равно и другихъ отцовъ и учителей церкви въ настоящее время, время всеобщаго шатанія умовъ, разрушенія всякихъ принциповъ и устоевъ, переоцѣнки цѣнностей, когда самую вѣру христіанскую и ученіе Христово каждый хочетъ разумѣть по-своему и свое разумѣніе старается выдавать за истинное. Въ такое время весьма благопотребно намъ обращаться къ классическимъ образцамъ древне-христіан-

ской мысли и этими образцами повѣрять наши собственные взгляды и сужденія. Въ своихъ твореніяхъ отцы и учители древне-христіанской церкви даютъ намъ разумѣніе вѣры Христовой, разумѣніе наиболѣе истинное и авторитетное, въ силу вѣками освященнаго и признаннаго всѣмъ христіанскимъ міромъ великаго значенія ихъ, а также и потому, что по своему времени они стояли гораздо ближе, чѣмъ мы, ко времени Іисуса Христа и апостоловъ, чѣмъ естественно въ значительной степени обезпечивается и лучшее, болѣе правильное пониманіе ими Христова ученія.—Предлагая въ своемъ переводѣ собраніе проповѣдей блаженнаго Августина, мы хотѣли, хотя отчасти, восполнить указанный нами пробѣлъ. Говоримъ «отчасти», потому что число оставшихся послѣ блаж. Августина проповѣдей весьма велико, и мы взяли для своего перевода лишь незначительную часть ихъ, именно 23 бесѣды, которыя составляютъ содержаніе четвертаго отдѣла бесѣдъ блаженнаго иппонскаго епископа, того отдѣла, который въ латинскомъ подлинникѣ (по изданію Миня. т. 39) озаглавленъ—«De diversis» (о разныхъ предметахъ). Такое оглавленіе, указывающее на разнообразіе въ содержаніи этого отдѣла, и побудило насъ остановиться на немъ предпочтительно предъ другими отдѣлами, чтобы дать лучшее представленіе о характерѣ проповѣдей блаж. Августина. Охотно соглашаемся, что этотъ нашъ первый опытъ является далеко несовершеннымъ и не чуждъ многихъ недостатковъ, особенно въ отношеніи внѣшняго изложенія. Въ своемъ переводѣ мы старались, во-первыхъ, о томъ, чтобы дать переводъ точный, близкій къ подлиннику, почти буквальный. Хотѣлось намъ оттѣнить всѣ даже мельчайшіе изгибы мысли проповѣдника. Во-вторыхъ, мы заботились о томъ, чтобы дать переводъ, по возможности, въ легкомъ и стилически-правильномъ изложеніи. Но кто, имѣвшій дѣло съ иностранными языками, не знаетъ, какъ трудно бываетъ совмѣстить эти двѣ задачи, т.-е., достигнуть буквальной, по возможности, передачи мыслей подлинника, ихъ теченія и связи и вмѣстѣ изложить это легкимъ литературно-правильнымъ языкомъ? Не удивительно отсюда, если нашъ опытъ заставляетъ желать въ этомъ отношеніи весьма многаго. Не легко языкъ мертвый обращать въ живой, особенно языкъ такого писателя, каковъ блаж. Августинъ,

слѣдить за утонченными сочетаніями мыслей котораго, по свидѣтельству извѣстнаго церковнаго писателя, преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго (См. Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 43, С.-ПБ.. 1859 г.), вообще весьма трудно. И мы обращаемся къ благосклоннымъ читателямъ предлагаемаго сборника проповѣдей блаженнаго иппонскаго пастыря съ покорнѣйшей просьбой не судить насъ строго, въ виду указанныхъ трудностей работы, за нашу, болѣе, чѣмъ смѣлую, попытку и покрыть усмотрѣнные недостатки своею любовію и снисхожденіемъ.

Въ наше время «мелочной суетности, обыденной прозы и блужданія безъ свѣточей въ идеалахъ» (См. «Миссіонерское Обозрѣніе» 1911 г., № 6, статья прот. о. Д. Бѣликова «Апостолъ Павелъ въ изображеніи Фаррара», стр. 327), когда не лишнимъ, безъ сомнѣнія, является всякое указаніе «на высокое и святое въ исторіи», можетъ быть, не лишнимъ и не безполезнымъ окажется также и этотъ нашъ скромный трудъ.

Бесѣда 1-я.

О томъ, что Христосъ въ Писаніи изображается неодинаково. Противъ аріанъ [1]).

1. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, братія, неодинаково обозначается въ Писаніи, поскольку могли проникнуть мы въ смыслъ священныхъ страницъ, говорится ли о Немъ въ законѣ и пророкахъ, или въ посланіяхъ апостольскихъ, а также въ событіяхъ, о которыхъ повѣствуетъ Евангеліе. Во-первыхъ, изображается Онъ, какъ Богъ, по божеству равный Отцу и совѣчный Ему прежде воплощенія Своего. Во-вторыхъ, съ принятіемъ плоти, Онъ изображается столько же Богомъ, какъ и человѣкомъ, и столько же человѣкомъ, какъ и Богомъ, хотя, по нѣкоторому свойству превосходства, и не сравнивается съ прочими людьми, будучи ходатаемъ и главою церкви. Въ-третьихъ, иногда Христосъ изображается въ смыслѣ всей полноты церкви, т.-е. какъ глава и тѣло, по образу нѣкоего мужа совершеннаго, коего мы являемся отдѣльными членами. Все это несомнѣнно для вѣрующихъ и для разумныхъ вполнѣ понятно. Конечно, не всѣ многочисленныя свидѣтельства Писанія, за недостаткомъ времени, можемъ мы привести и изъяснить здѣсь, свидѣтельства, которыя говорятъ о трехъ указанныхъ способахъ изображенія Христа. Однако, не хотимъ и опустить нѣкоторыхъ, чтобы, зная ихъ, остальныя вы сами могли подмѣтить и отыскать въ Писаніи.

---

[1]) Въ общемъ порядкѣ проповѣдей блаж. Августина бесѣда эта считается 341-ой. Порядокъ бесѣдъ блаж. Августина здѣсь тотъ же, что и въ подлинникѣ.

2. Къ первому способу изображенія Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя, Единороднаго Сына Божія относится то, что̀ является самымъ главнымъ и самымъ выдающимся въ Евангеліи отъ Іоанна, а именно: «Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть. Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его» (Іоан. I, 1—5). Замѣчательны и дивны слова эти, и, прежде чѣмъ изъяснить ихъ, необходимо хорошенько продумать. Если бы, напр., предложена была вамъ пища, то одинъ одну часть ея взялъ бы, другой другую. Всѣ вкушали бы одну пищу, но не всѣмъ досталась бы вся пища. Такъ и теперь, какъ бы нѣкоторая словесная пища и питье предлагаются вамъ. Но до всѣхъ и вся доходитъ она. Развѣ, когда говорю я, одинъ изъ васъ получаетъ одинъ слогъ, а другой иной? Или развѣ одинъ воспринимаетъ одно слово, другой другое? Если такъ, то мнѣ нужно было бы сказать столько словъ, сколько людей здѣсь, чтобы до каждаго дошло хотя по одному слову. На самомъ дѣлѣ я безпрепятственно высказываю гораздо больше словъ, чѣмъ сколько предстоитъ предо мной людей, и все это дѣлается достояніемъ всѣхъ. Итакъ, слово человѣческое не удѣляется по слогамъ каждому, но всѣ его слышатъ. Слово ли Божіе можетъ дѣлиться на части такъ, чтобы вездѣ быть понемногу? И неужели, братія, можно приравнять звучащія и преходящія слова наши къ тому, неизмѣнно пребывающему Слову? И неужели я уже приравнялъ, когда привелъ вышеуказанный примѣръ слова? Но я въ возможной мѣрѣ хотѣлъ убѣдить васъ только, что Богъ употребляетъ явленія изъ чувственнаго міра, для увѣренія васъ въ томъ, чего вы не видите въ мірѣ духовномъ. Впрочемъ, остановимся на другомъ, болѣе важномъ. Вѣдь, слова наши звучатъ и преходятъ. Представьте изъ духовныхъ отвлеченныхъ предметовъ, напр., справедливость. Вотъ одинъ, помышляющій о справедливости, на западѣ, другой—на востокѣ. Откуда происходитъ, что и тотъ представляетъ всю справедливость и этотъ? И тотъ созерцаетъ всю ее и этотъ? Кто думаетъ о справедливости, сообразно съ которой слѣдуетъ поступать ему, справедливо поступаетъ. Созерцаетъ онъ ее внутренно,

а проявляетъ внѣшне. Какъ онъ созерцаетъ внутренно, когда нѣтъ ничего передъ нимъ? И ужели, если онъ находится въ одномъ мѣстѣ, до того мѣста не дойдетъ помышленіе другого? И вотъ, когда ты, находясь здѣсь, мысленно созерцаешь то же, что и другой, находящійся въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, и притомъ все представляешь ты, все и тотъ, такъ какъ, что сверхчувственно и безтѣлесно, всюду все, вѣрь тогда, что Слово (Божіе) все во Отцѣ, все въ матери (in utero). Вѣрь этому о Словѣ Божіемъ, которое есть Богъ у Бога.

3. Но выслушай далѣе и о другомъ способѣ изображенія Христа въ Писаніи. То, что выше сказалъ я, относится къ Нему прежде Его вочеловѣченія. Теперь же послушай, что̀ еще говоритъ Писаніе: «и Слово стало плотью и обитало съ нами». Тотъ, кто сказалъ раньше: «Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все чрезъ Него начало быть и безъ Него ничто не начало быть», напрасно сталъ бы изображать намъ божество Слова, если бы умолчалъ о Его человѣчествѣ. Для того, чтобы можно было видѣть то Слово, Оно здѣсь со мною вселяется. Чтобы сдѣлать способнымъ меня къ созерцанію того (божества), Богъ Самъ нисходитъ къ моему недостоинству. Принявъ естество человѣческое отъ естества же человѣческаго, Онъ сталъ Человѣкомъ, приходитъ съ бременемъ плоти къ тому, кто лежалъ израненный на пути (Лук. X, 30—37), чтобы таинствомъ воплощенія Своего утвердить слабую вѣру нашу, просвѣтить нашъ разумъ, сдѣлать его способнымъ къ созерцанію того, чего никогда не лишался Онъ черезъ то, что принялъ. Началъ быть Человѣкомъ, но не пересталъ быть и Богомъ. Вотъ это есть изображеніе Христа Іисуса, какъ ходатая нашего, и какъ Главы церкви, именно, что Богъ сталъ человѣкомъ, который вмѣстѣ является и Богомъ, по слову св. Іоанна: «и Слово стало плотью и обитало съ нами».

4. Теперь узнайте о томъ и другомъ способѣ изображенія Христа изъ слѣдующихъ словъ апостола Павла: «Онъ, будучи образомъ Божіимъ, говоритъ апостолъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу». Это то же, что «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ». Какъ апостолъ сказалъ бы: «не почиталъ хище-

ніемъ быть равнымъ Богу», если бы Онъ (Сынъ) былъ не равенъ Богу? и если Отецъ Богъ, а Тотъ не Богъ, то какъ же Онъ равенъ Ему? Тамъ евангелистъ говоритъ: «Слово было Богъ», а здѣсь апостолъ говоритъ: «не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу». И гдѣ тотъ пишетъ: «и Слово стало плотью, и обитало съ нами», тамъ этотъ сказалъ: «но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба» (Филип. II, 6—7). Обратите вниманіе: чрезъ то именно, что сдѣлался человѣкомъ, чрезъ то, что «Слово стало плотью и обитало съ нами», черезъ это Сынъ Божій «уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба». Чѣмъ уничижилъ? Не тѣмъ, что потерялъ божество, но тѣмъ, что принялъ человѣчество, явившись людямъ тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, пока не сдѣлался человѣкомъ. Такъ явленіемъ Своимъ Онъ уничижилъ Себя, т.-е. сохраняя достоинство величія, принялъ плоть—одѣяніе человѣчества. Черезъ то именно, что Себя Самого уничижилъ, принявъ образъ раба (не образъ Бога принялъ. Объ образѣ Бога, когда говоритъ апостолъ, не сказалъ: принявъ,—но «будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу»), черезъ это именно Онъ явился посредникомъ (mediator) и Главою церкви. При посредствѣ Его мы соединяемся съ Богомъ чрезъ таинство воплощенія, чрезъ Его страданія, воскресеніе, вознесеніе на небо и будущее славное пришествіе Его, когда услышимъ тѣ два рѣшенія, которыя нѣкогда произнесъ Господь [1]). Когда услышатся эти два рѣшенія? Когда воздастъ Онъ каждому по дѣламъ его (Матѳ. XVI гл., 27 ст.).

5. Итакъ, помня это, не увлекайтесь пустословіемъ людей, которое, какъ ракъ, распространяется, какъ сказалъ объ этомъ апостолъ (II Тимоѳ. II, 17), но оберегайте слухъ вашъ и цѣлость мысли вашей, какъ торжественно обрученные одному мужу - Христу. Если тѣлесное цѣломудріе бываетъ лишь у немногихъ членовъ церкви, то цѣломудріе духовное, чистота мысли должна быть у всѣхъ; этой чистоты и хочетъ лишить васъ змѣй, о чемъ тотъ же апостолъ говоритъ: «я обручилъ васъ единому мужу, чтобы представить Христу чистою дѣвой. Но боюсь, чтобы, какъ змѣй хитростію своей

[1]) Имѣется въ виду пророчество Господа Іисуса Христа о судѣ надъ праведниками и грѣшниками (Матѳ. XXV, 34—45.)

прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонившись отъ простоты во Христѣ» (II Кор. II, 2—3). Боится апостолъ, чтобы не повредились умы, т.-е. мысли наши, и не оказалась поврежденной чистота вѣры.

Итакъ, бодрствуй, душа, храни чистоту свою, имѣющая плодоносить потомъ въ объятіяхъ твоего жениха. Ограждайте отъ терній слухъ вашъ. Вотъ, смутила немощныхъ членовъ церкви ересь аріанская. Но, по милости Божіей, побѣдила вѣра каѳолическая. Не оставилъ Онъ (Господь) церкви Своей. Если и послалъ ей на нѣкоторое время испытанія, то для того послалъ, чтобы она молилась Тому, чрезъ Кого утверждается на твердомъ основаніи. И доселѣ еще шипитъ змѣй и не смолкаетъ. Старается обѣщаніемъ какого-то знанія увлечь изъ рая церкви того, кого не хочетъ допустить возвратиться въ тотъ рай, откуда изгнанъ былъ первый человѣкъ.

6. Замѣтьте, братія: что было въ томъ раю, это есть теперь въ церкви. Пусть же никто обманомъ какимъ-либо не увлекаетъ васъ изъ этого рая. Довольно того, что тогда мы пали. Опытомъ извѣдавъ это, хоть теперь исправимся. Лукавый всегда старается ввести насъ въ искушеніе и соблазнъ. Иногда успокаиваетъ онъ безнаказанностью, какъ и тамъ успокаивалъ, говоря: «неужели смертію умрете» (Быт. III, 4)? Того лишь хочетъ онъ, чтобы христіане проводили порочную жизнь. Неужели всѣхъ, говоритъ онъ, погубитъ Богъ? Неужели всѣхъ осудитъ? Да, говоритъ Господь, осужу; прощу лишь тѣхъ, которые измѣнятся. Пусть оставятъ порочныя дѣла свои,—и Я измѣню угрозы. Онъ же (лукавый) обольщаетъ и внушаетъ именовать Отца бо́льшимъ Сына. Вотъ, говоритъ онъ, написано: «Отецъ Мой болѣе Меня» (Іоан. XIV, 28), а ты называешь Его равнымъ Отцу. Соглашаюсь съ тобой. Но слѣдуетъ признать не только это, но и другое, потому что о томъ и о другомъ написано. Почему же одно ты признаешь, а другого не хочешь принять? Вѣдь, о томъ и другомъ можно читать въ Писаніи. Вотъ говорится въ одномъ мѣстѣ: «Отецъ Мой болѣе Меня». Принимаю это не отъ тебя, а отъ Евангелія. Но и ты также признай съ апостоломъ, что Сынъ равенъ Богу Отцу. Соедини вмѣстѣ и то и другое,—и то и другое можетъ быть согласовано; потому что Кто говоритъ чрезъ евангелиста въ

Евангеліи, Тотъ же Самый говоритъ и чрезъ апостола въ посланіи. Не можетъ Онъ противорѣчить Самъ Себѣ, а ты не хочешь допустить согласія въ Писаніи, такъ какъ самъ любишь разногласить. Но вотъ въ Евангеліи говорится: «Отецъ болѣе Меня». И я изъ Евангелія доказываю, что Сынъ и Отецъ равны («Я и Отецъ—одно»—Іоан. X, 30). Какъ же согласить и то и другое? Такъ, какъ говоритъ апостолъ: «Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба». Вотъ я доказываю, почему Отецъ болѣе. Ты же докажи, въ чемъ Онъ не равенъ? Вѣдь, и о томъ и другомъ читаемъ мы въ Писаніи. Меньше Онъ Отца, поскольку есть Сынъ Человѣческій. Равенъ Отцу, поскольку есть Сынъ Божій, потому что Слово было Богъ. Онъ (Сынъ) посредникъ: Богъ и Человѣкъ. Какъ Богъ, Онъ равенъ Отцу; какъ Человѣкъ, менѣе Его. Равенъ въ образѣ Бога, меньше въ образѣ раба. Теперь ты докажи: почему Онъ (Сынъ) не равенъ Отцу и менѣе Его? Или, думаешь ты, что въ одной части равенъ, а въ другой—не равенъ? Покажи мнѣ, какъ Онъ, съ принятіемъ плоти, является и равнымъ Отцу и меньшимъ Его. Хотѣлось бы знать, какъ это сталъ доказывать бы ты.

7. Но обратите вниманіе на безуміе плотскихъ помышленій, о которыхъ сказано, что они (помышленія плотскія) «суть смерть» (Римл. VIII, 6). Не буду говорить пока о воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія. Останавливаюсь на словахъ: «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога». Останавливаюсь и на словахъ апостола: «Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу» (Филипп. II, 6). Вотъ тутъ покажи мнѣ бо́льшаго и меньшаго. Что скажешь? будешь ли различать Бога по свойствамъ тѣлеснымъ или духовнымъ, коими опредѣляемъ мы разные предметы? Именно, — могу сказать я. Но такъ ли и вы мыслите, Богъ знаетъ. Итакъ, какъ я уже сказалъ, прежде принятія плоти, прежде, чѣмъ Слово стало плотью и обитало среди насъ, покажи меньшаго, покажи равнаго. Неужели въ томъ и другомъ случаѣ Сынъ былъ бы Богъ, хотя бы въ одномъ отношеніи былъ меньше Отца, а въ другомъ равнымъ,—какъ, напримѣръ,

говоримъ мы о какихъ-нибудь тѣлахъ: меньше одно другого въ отношеніи длинноты, но равно въ отношеніи крѣпости? Такими ли какими-либо тѣлами слѣдуетъ представлять намъ Бога и Его Сына? Такъ ли будемъ представлять себѣ Того, Который весь былъ въ Маріи, Весь у Отца, Весь во плоти и Весь превыше ангеловъ? Но пусть отвратитъ Господь такіе помыслы отъ сердецъ христіанскихъ. Или, можетъ быть, такъ ты будешь мыслить, что по длинѣ и крѣпости они равны, но различны по цвѣту? Но гдѣ цвѣтъ, какъ не въ тѣлахъ? А тамъ сіяніе мудрости. Покажи мнѣ, каковъ цвѣтъ правды? Если же онѣ (мудрость и правда) не имѣютъ цвѣта, не скажешь того ты и о Богѣ, если только есть въ тебѣ совѣсть.

8. Итакъ, что же ты скажешь теперь? Могуществомъ Они равны, но меньше Сынъ мудростію?! Однако, если мудростію Они равны, но меньше Сынъ могуществомъ, то Богъ выходитъ завистливымъ, если равному въ отношеніи мудрости Онъ даетъ меньшую власть. Но въ Богѣ все, что ни мыслится, равнозначно (idipsum). Не одно въ Богѣ могущество и другое мудрость, одно сила и другое правда или чистота. Что изъ всего этого ни назовешь ты, не отдѣльно все это мыслится и ничѣмъ таковымъ не опредѣляется достойно существо Божіе, потому что всѣ эти свойства суть свойства душъ, которыя свѣтъ тотъ проникаетъ нѣкоторымъ образомъ и по ихъ качествамъ вліяетъ на нихъ подобно тому, какъ это бываетъ, когда поднимается надъ тѣлами свѣтъ этотъ видимый. Если онъ исчезаетъ, всѣ тѣла получаютъ одинъ цвѣтъ темный, или, лучше сказать, лишаются совсѣмъ цвѣта. Когда же, поднявшись, онъ снова освѣтитъ тѣла, хотя самъ и одинаковъ, однакоже освѣщаетъ тѣла, соотвѣтственно ихъ свойствамъ, различнымъ блескомъ. Такъ и состоянія тѣхъ душъ, которыя производятся и образуются свѣтомъ изначальнымъ и непроизводнымъ.

9. И все это, братія, говоримъ мы о Богѣ потому, что не можемъ высказаться лучше. Называю Бога праведнымъ, потому, что на языкѣ человѣческомъ не нахожу ничего лучшаго: Онъ выше правды. «Ибо Господь праведенъ, любитъ правду»,—говорится въ Писаніи (Псал. X, 7). Но тамъ говорится, что и кается Богъ (Быт. VI, 7), говорится, что и не знаетъ Богъ (Быт. XVIII, 21).

Кто однакоже не устрашится этого? Неужели не знаетъ Богъ? Неужели кается Богъ? Но потому Писаніе снисходитъ до такихъ выраженій, чтобы не думалъ ты, что и тѣмъ, что считаешь ты за великое, достойно обозначаются свойства Божіи. Такимъ образомъ, когда ты спросишь: «Чѣмъ достойно обозначается Богъ?» быть можетъ, кто-нибудь отвѣтитъ тебѣ и скажетъ, что Богъ праведенъ. Другой же, болѣе его понимающій, скажетъ, что и это слово далеко отъ сіянія славы Его, такъ что, когда тотъ начнетъ доказывать отъ Писанія и будетъ говорить: такъ тамъ написано,—справедливо ему будетъ отвѣчено, что въ томъ же Писаніи написано, что и кается Богъ. И какъ это послѣднее употребляется тамъ не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ люди, такъ и то, когда Богъ называется праведнымъ, не обнимаетъ величія Его. Впрочемъ, Писаніе хорошо установило, чтобы хотя черезъ такія слова духъ постепенно восходилъ къ тому, чего нельзя выразить. Праведнымъ ты называешь Бога, по представляй себѣ то, что больше праведности. Писаніе назвало Бога праведнымъ, но оно назвало Бога кающимся и незнающимъ, чего ты, однакоже, не хочешь сказать. Итакъ, какъ то, чего ты не хочешь приписать Богу, сказано по причинѣ твоей немощи, такъ и это сказано вслѣдствіе нѣкоторой, хотя и меньшей, немощи. Кто же и это преступитъ и о Богѣ, насколько то доступно человѣку, будетъ мыслить достойно, тотъ въ несказанномъ голосѣ сердца найдетъ достойное похвалы молчаніе.

10. Итакъ, братія, такъ какъ въ Богѣ то же благость, что и правда, нельзя говорить, поэтому, что Сынъ равенъ Отцу въ отношеніи правды и не равенъ въ отношеніи благости, или равенъ въ отношеніи могущества (per virtutem), и не равенъ въ отношеніи вѣдѣнія, и все, что бы ты ни сказалъ о Богѣ,, все въ Немъ едино и равнозначно. Такимъ образомъ, довольно того, что ты не можешь сказать, какимъ образомъ Сынъ можетъ быть не равнымъ Отцу, если только не хочешь допускать какихъ-либо разностей въ самомъ существѣ Ихъ. Когда же признаешь эти разности, то согрѣшаешь противъ истины и удаляешься отъ того общенія съ Богомъ, когда присутствіе Его становится наиболѣе ощутительнымъ. Если же невозможно говорить о Богѣ, что Онъ равенъ въ одномъ отношеніи и не равенъ въ другомъ, то

невозможно утверждать, что Онъ въ одномъ отношеніи таковъ, а въ другомъ меньше, потому что въ Богѣ нѣтъ разностей. Нельзя именовать Бога равнымъ иначе, какъ только во всѣхъ отношеніяхъ, и если можно называть Его меньшимъ, то почему, какъ не потому, что Онъ принялъ образъ раба?

Итакъ, братія, постоянно помните это. Если будете руководиться Писаніемъ, все вамъ объяснитъ оно. И когда станете читать тамъ, что Сынъ равенъ Отцу, относите это къ Божеству. По воспринятой же Имъ на Себя формѣ раба почитайте Его меньшимъ Отца,—примѣнительно къ словамъ: «Я есмь сущій» (Исх. III, 14) и къ другимъ: «Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова» (тамъ же ст. 15),—первое относится къ Его существу, второе—къ Его милосердію. Теперь, думаю, достаточно сказано о томъ, почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, нашъ Спаситель, Глава Церкви, ставши посредникомъ, чрезъ Котораго мы соединяемся съ Богомъ, именуется въ Писаніи Богомъ и человѣкомъ.

11. Третій способъ, когда Христосъ обозначается въ Писаніи Главою и тѣломъ, указываетъ на отношенія Его къ Церкви. Здѣсь Глава и тѣло единъ Христосъ не потому, что безъ тѣла Ему недостаетъ цѣлостности, но потому, что единымъ съ нами благоволилъ быть Тотъ, Кто и безъ насъ всегда остается невредимымъ не только въ томъ, что касается Его Божества, но и въ томъ, что касается Его человѣчества, когда Онъ сталъ вмѣстѣ и Богомъ, и человѣкомъ. Однако, братія, какимъ образомъ мы составляемъ Его тѣло, и Онъ едино есть съ нами? Гдѣ находимъ мы, что Единый Христосъ есть и глава, и тѣло, т.-е. корпусъ вмѣстѣ съ Главою? Послушайте, что говоритъ Исаія: «Какъ на жениха возложилъ (Онъ) вѣнецъ и, какъ невѣсту, украсилъ убранствомъ» (Ис. LXI, 10). Вотъ и женихъ и невѣста. Одного и того же называетъ пророкъ и женихомъ въ отношеніи къ главѣ и невѣстой въ отношеніи къ тѣлу. Повидимому, два и вмѣстѣ одинъ. Но какимъ образомъ мы члены Христовы? Апостолъ весьма ясно говоритъ: «вы тѣло Христово, а порознь члены» (1-е Кор. XII, 27). Тѣло Христово и члены Его всѣ мы, не мы только, которые здѣсь находимся, но всѣ вообще, не нынѣ только жившіе, но всѣ праведные, начиная съ Авеля праведнаго, жившіе, живущіе и имѣющіе жить до конца

вѣка, всѣ—одно тѣло Христово. Если же всѣ тѣло, то порознь члены. Но, конечно, должна быть и глава, тѣломъ коей являемся мы. «И Онъ (Сынъ Божій) есть глава тѣла—Церкви. Онъ начатокъ, первенецъ изъ мертвыхъ, дабы имѣть Ему во всемъ первенство» (Колосс. I, 18). И такъ какъ о Немъ также говоритъ далѣе апостолъ, что Онъ есть «глава всякаго начальства и власти» (тамъ же II, 10), то, слѣдовательно, Церковь земная, воинствующая (peregrina), присоединяется къ той небесной Церкви, гдѣ мы имѣемъ своими согражданами ангеловъ, съ коими непостыдно, какъ раньше, соединимся по воскресеніи тѣла, согласно обѣтованію, что сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ, будутъ равны ангеламъ (Лук. XX, 36), и будетъ единая Церковь, царство Великаго Царя.

12. Итакъ, Христосъ изображается въ Писаніи иногда, какъ Слово, равное Отцу, иногда, какъ посредникъ, когда говорится, что «Слово стало плотью и обитало съ нами» (Іоанн. I, 14), или когда говорится, что Единородный Сынъ Божій «не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной» (Филипп. II, 6—8). Иногда же изображается Іисусъ Христосъ такъ, что мы видимъ главу и тѣло, когда апостолъ объясняетъ, наприм., слова, сказанныя о мужѣ и женѣ въ книгѣ «Бытія»: «и будутъ двое одна плоть». Вникните въ объясненіе апостола.—«Будутъ, говоритъ, двое одна плоть», и далѣе прибавляетъ: «тайна сія велика». И чтобы кто не подумалъ тутъ о плотскомъ соединеніи мужескаго и женскаго пола, апостолъ добавляетъ: «я говорю по отношенію ко Христу и къ Церкви» (Ефес. V, 31—32). Сообразно съ этимъ нужно понимать и слова Евангелія: «и будутъ два одною плотью, такъ что они уже не двое, а одна плоть» (Матѳ. XIX, 5—6). И что женихъ и невѣста, то глава и тѣло, потому что мужъ есть глава жены. Итакъ, скажу ли я: глава и тѣло, или: женихъ и невѣста, считайте это за одно. И потому тотъ же апостолъ, когда былъ еще Савломъ, услышалъ такія слова: «Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня» (Дѣян. IX, 4), такъ какъ тѣло едино съ главою. И когда, будучи уже апостоломъ Христовымъ, онъ сталъ терпѣть отъ другихъ то, что самъ причинялъ, будучи гонителемъ, онъ говоритъ: «нынѣ восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ» (Колосс. I, 24), тѣмъ показывая, что къ страданіямъ Самого Христа относится то, что претерпѣвалъ онъ. Этого нельзя относить къ главѣ, которая на небѣ и уже ничего такого не терпитъ, не къ тѣлу, т.-е. къ Церкви, которая, будучи соединена со своею главою, есть единый Христосъ.

13. Итакъ, постарайтесь представить изъ себя достойное тѣло для такой главы, достойную невѣсту для такого жениха. Не можетъ имѣть глава та иного тѣла, какъ только достойнаго себя, ни мужъ столь великій не можетъ имѣть иной, кромѣ какъ только достойной жены, «чтобы представить ее себѣ, какъ сказано, славною Церковью, не имѣющей пятна или порока, или чего-нибудь подобнаго» (Ефес. V, 27). Церковь—эта невѣста Христова, не имѣющая пятна или порока. Не хочешь имѣть пятна?—Исполняй, что написано: омойтесь, очиститесь, удалите нечистоту изъ сердецъ вашихъ» (Исаіи, I, 16). Не хочешь имѣть порока?—распинай себя; не только нужно, чтобы ты омывался, но чтобы старался быть безъ пятна и порока. Чрезъ баню омовенія очищаются грѣхи, чрезъ распятіе является желаніе будущаго блаженства (спасенія), ради коего и Христосъ пострадалъ. Слушай самого апостола, котораго, по его словамъ, спасъ Господь «не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по своей милости, банею возрожденія» (Тит. III, 5). Слушай его, сораспеншагося Христу: «я, говоритъ онъ, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ» (Филипп. III, 13—14).

Бесѣда 2-я [1]).

О жертвѣ вечерней.—Изъясненіе Евангелія отъ Іоанна, (прологъ).

Въ настоящій разъ, братіе, должна быть рѣчь о жертвѣ вечерней. Молились мы, воспѣвая, и, молясь, воспѣвали: «да направится молитва моя, какъ ѳиміамъ, предъ лице Твое, воздѣянія рукъ моихъ, какъ жертва вечерняя» (Пс. 140-й, 2). Въ молитвѣ познаемъ мы здѣсь человѣка, въ воздѣяніи рукъ—крестъ. Это есть знакъ, который изображаемъ мы на челѣ, знакъ, коимъ спасаемся. Знакъ осмѣянный, чтобы сдѣлаться достойнымъ почтенія, презрѣнный, чтобы стать славнымъ. Богъ является, чтобы, подобно человѣку, молиться объ избавленіи отъ опасности. Богъ приходитъ, чтобы, подобно человѣку, умереть. И если бы познали Его люди, никогда «не распяли бы Господа славы» (1-е Коринѳ. II, 8). Это жертвоприношеніе, гдѣ священнодѣйствующій есть въ то же время и жертва, избавляетъ насъ пролитою кровію Создателя. Создалъ насъ, когда былъ безкровнымъ, а искупилъ насъ кровію. Создалъ насъ Тотъ, о Комъ говорится въ словахъ: «въ началѣ было Слово, и Слово было Богъ, и Богъ было Слово». Имъ мы созданы. «Все, говорится, далѣе, чрезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть». Вотъ Кѣмъ созданы мы. Теперь послушай, кѣмъ мы избавлены. Въ Немъ, говоритъ евангелистъ,

[1]) По общему счету 342-я.

была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объяла». Все это относится еще къ Божеству, къ тому, что пребываетъ неизмѣннымъ, къ тому, для созерцанія чего должно имѣть сердце предочищенное. «Свѣтъ, говоритъ, во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объяла». Но пусть мракъ объиметъ Его, чтобы не было мрака. Мракъ—это грѣшники, невѣрующіе. Итакъ, чтобы не было мрака, Слово стало плотью и обитало съ нами. Видите Слово, видите Слово—плоть, видите Слово прежде плоти. «Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Все чрезъ Него начало быть». Гдѣ тутъ кровь? Вотъ Онъ виновникъ бытія твоего, но еще не цѣна твоя. Когда же сталъ Онъ Спасителемъ твоимъ? Когда Слово стало плотью и обитало съ нами?

2. Но усильте ваше вниманіе. «Свѣтъ, говоритъ, во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его». Такъ какъ тьма не могла объять свѣта, потребовалось для людей свидѣтельство отъ людей. Не могли люди видѣть свѣта дневного. Быть можетъ, могли они вынести свѣтъ свѣтильника. Такъ какъ для воспріятія истиннаго свѣта (diem) они были менѣе способны, а свѣтъ свѣтильника все-таки кое-какъ выносили, явился человѣкъ, «посланный отъ Бога, имя ему Іоаннъ. Онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ». Кто же такой онъ? Откуда приходитъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ? Почему не былъ онъ свѣтомъ, а только свѣтильникомъ? Прежде узнай, что такое былъ этотъ свѣтильникъ. Хочешь ли слышать о свѣтильникѣ отъ свѣта и о свѣтѣ отъ свѣтильника? Вы, говоритъ Господь, посылали къ Іоанну и хотѣли малое время порадоваться при свѣтѣ его. «Онъ былъ свѣтильникъ горящій и свѣтящій» (Іоанн. V, 33, 35). Но что же видѣлъ тотъ Іоаннъ, который говоритъ о свѣтильникѣ? «Онъ не былъ свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ». О какомъ свѣтѣ? «Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ». Если всякаго человѣка, слѣдовательно, и Іоанна. Тотъ, кто не хотѣлъ оказать въ себѣ свѣта дневного, явилъ свѣтильникъ свой, какъ бы, свидѣтелемъ для себя. Но таковъ это былъ свѣтильникъ, который могъ возгорѣться лишь отъ самого свѣта. Послушай самого Іоанна, исповѣдующагося; «И отъ полноты Его,

говоритъ онъ, всѣ мы приняли». Признавали его, Іоанна, за Христа, а онъ себя признаетъ человѣкомъ, признавали Господомъ, а онъ исповѣдуетъ себя рабомъ. Хорошо, свѣтильникъ, исповѣдуешь ты смиреніе свое, такъ что не погасило тебя дуновеніе гордости, потому что «былъ свѣтъ истинный», который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ, т.-е. всякое живое существо, способное къ воспріятію свѣта, всякаго человѣка, имѣющаго разумъ, при посредствѣ коего онъ можетъ быть причастникомъ «Слова».

3. Гдѣ же былъ тотъ свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, имѣющаго разумную душу и приходящаго въ міръ? Онъ «въ мірѣ былъ». Но, вѣдь, и земля была въ мірѣ, солнце и луна были въ мірѣ. Слушай, однакоже, о свѣтѣ твоемъ, свѣтъ мысли человѣческой!—«Въ мірѣ былъ и міръ чрезъ Него началъ быть». Такъ былъ онъ, что нельзя думать, что не было какъ бы мѣста для Него прежде, чѣмъ міръ не сталъ быть. Богъ все содержитъ, но Самъ ничѣмъ не содержится (Deus enim habitando continet, non continetur). Итакъ, дивнымъ и несказаннымъ образомъ пребывалъ Онъ въ этомъ мірѣ. «И міръ чрезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ». Какой же это міръ, который чрезъ Него началъ быть? «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю» (Быт. I, 1), и все чрезъ Него начало быть. Какой міръ не позналъ Его? Есть разница въ словахъ: міръ и міръ, подобно тому, какъ подъ словомъ «домъ» можно разумѣть разное: домъ, какъ строеніе, и домъ, какъ обитающихъ въ немъ. Когда говорится о домѣ, какъ зданіи, говорятъ: «большой домъ сдѣланъ», «прекрасный домъ». Когда говорятъ объ обитающихъ въ домѣ, говорятъ: «добрый домъ, благословитъ его Богъ»,—или «дурной домъ, пусть помилуетъ его Богъ». Когда говорится, что міръ чрезъ Него началъ быть, разумѣется міръ, какъ жилище вмѣстѣ съ обитающими въ немъ. А когда говорится: «и міръ Его не позналъ»,—имѣются въ виду живущіе.

4. Зачѣмъ же приходитъ Онъ, какъ бы не вѣдая, что свои не примутъ Его? Слушай, для чего приходитъ. «Тѣмъ, которые приняли Его...» Свои не приняли и свои приняли. Міръ не увѣровалъ въ Него и весь міръ увѣровалъ. Вѣдь, когда говоримъ мы, наприм.: «все дерево покрыто листьями»,—неужели слѣдуетъ изъ этого, что на деревѣ нѣтъ мѣста для плодовъ? И то и другое можно понимать тутъ, и то и другое признается—и то, что дерево покрыто листьями, и то, что оно полно плодовъ. Дерево одно и въ томъ, и въ другомъ: и въ листьяхъ, и въ плодахъ. Итакъ, вѣрующіе въ Него, рабы Его, любящіе Его, для коихъ является Онъ славою и надеждой, не скорбите, когда слышите о томъ, что свои Его не приняли, потому что чрезъ вѣру и вы становитесь для Него своими. Кто разумѣется здѣсь подъ своими? Надо полагать, что Іудеи, нѣкогда изведенные изъ Египта, перешедшіе чудесно чрезъ Чермное море, странствовавшіе по пустынѣ, избавившіеся отъ враговъ преслѣдующихъ, напитавшіеся манной, освобожденные отъ рабства, приведенные въ землю обѣтованную и осчастливленные столь многими благодѣяніями. Вотъ кто свои, которые Его не приняли и чрезъ это непріятіе стали Ему чужими. Были они вѣтвью масличною, но возгордились и стали отверженными. Весь остальной міръ былъ дикой маслиной, пренебрегаемой вслѣдствіе горечи ея ягодъ. Горечью той дикой маслины пропитанъ былъ міръ, но за смиреніе она была привита, а настоящая вѣтвь вслѣдствіе гордости была отрублена (Римл. XI, 17). Смотри на вѣтвь гордящуюся и готовую отломиться. «Мы сѣмя Авраамово, и не были рабами никому никогда»... «Если бы вы были дѣти Авраама, сказалъ имъ Господь, то дѣла Авраамовы дѣлали бы... Если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете. Вы считаете себя свободными. Но всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха» (Іоанн. VIII, 33—39). Видите, насколько безопаснѣе для человѣка быть рабомъ другого человѣка, нежели быть въ рабствѣ грѣховной страсти. Тѣ, іудеи, вслѣдствіе гордости, отвергли смиреннаго. А смотри, какъ дикая вѣтвь дѣлается достойной прививки, смотри на сотника не изъ среды израильтянъ, а изъ язычниковъ. «Господи, говоритъ онъ, я недостоинъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой»... Истинно говорю вамъ, сказалъ Господь, и въ Израилѣ не нашелъ я такой вѣры» (Матѳ. VIII, 8, 10). Въ родной вѣтви не нашелъ Я того, что нашелъ въ дикой. Такъ родная вѣтвь чрезъ гордость отсѣкается, а дикая чрезъ смиреніе

прививается. Смотри на вѣтвь прививающуюся и на вѣтвь отсѣкаемую: «Говорю же вамъ, что многіе придутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковымъ въ царствѣ небесномъ»—вотъ дикая вѣтвь, прививающаяся чрезъ смиреніе. А вотъ вѣтвь родная, отсѣкаемая гордостью: «А сыны царства, говоритъ Господь, извержены будутъ во тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ». (Матѳ. VIII, 11, 12). Почему? Потому что свои не приняли Его. Почему дикая вѣтвь прививается? Потому что «тѣмъ, которые приняли Его, далъ власть быть чадами Божіими» (Іоанн. I, 12).

5. Ободрись же сердцемъ своимъ, родъ человѣческій; дохни дыханіемъ жизни и блаженной свободы. Что слышишь ты, и что обѣщается тебѣ? «Далъ имъ власть». Какую власть? Можетъ быть, ту, коей гордятся люди, власть жизни и смерти, права приговоровъ надъ виновными и невинными? «Далъ, сказано, власть быть чадами Божіими». Были они раньше не чадами и стали чадами, потому что Тотъ, чрезъ Кого дѣлаются люди дѣтьми Божіими, будучи Сыномъ Божіимъ, сталъ Сыномъ Человѣческимъ, и сыны человѣческіе становятся дѣтьми Божіими. Нисходитъ Онъ до того, чѣмъ не былъ. Возвелъ тебя въ то, чѣмъ ты не былъ. Ободрись! Великое обѣщано тебѣ и отъ Великаго обѣщано. Невѣроятнымъ кажется и какъ бы невозможнымъ, чтобы сыны человѣческіе становились сынами Божіими. Но болѣе невозможное случилось, когда Сынъ Божій сдѣлался Сыномъ Человѣческимъ. Ободрись же, человѣкъ, удали невѣріе отъ сердца твоего. Случилось уже болѣе невѣроятное, чѣмъ то, что обѣщано тебѣ. Дивишься ты, что человѣкъ будетъ имѣть жизнь вѣчную; дивишься, что онъ можетъ достигнуть ея. Но дивись скорѣе тому, что Богъ за тебя снисходитъ до смерти. Зачѣмъ сомнѣваешься въ обѣщаніи, получивши такое ручательство? Смотри, какъ онъ (евангелистъ) поддерживаетъ тебя, какъ подкрѣпляетъ обѣщаніе Божіе. «Тѣмъ, говоритъ, которые приняли Его, далъ власть быть чадами Божіими». По какому рожденію? Не по обычному, не по ветхому, тлѣнному или плотскому. «Которые, говорится далѣе, не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились» (Іоанн. I, 13). Дивишься?!

Не вѣришь?! Но вотъ «Слово стало плотью и обитало съ нами...» Вотъ что означаетъ, братія, «жертва вечерняя». Приблизимся къ ней! Пусть возносится съ нами Тотъ, Который, какъ жертва, принесенъ былъ за насъ. Пусть съ вечерней жертвой прежняя жизнь проходитъ и является, какъ бы съ разсвѣтомъ, новая.

Бесѣда 3-я [1]).

О Сусаннѣ и Іосифѣ, съ увѣщаніемъ о цѣломудріи.

1. Святыя чтенія и божественныя изреченія, которыя мы только что слышали, братія, пусть напечатлѣются въ мысляхъ нашихъ. Пусть не исчезнутъ они безъ слѣда для насъ, но послужатъ намъ къ нѣкоторому назиданію; потому что, если и «птичка находитъ себѣ жилье, и ласточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ» (Псал. LXXXIII, 4), то не тѣмъ ли болѣе слово Божіе и милосердіе Божіе должны находить мѣсто у насъ?

Вотъ мы слышали чтеніе о Сусаннѣ. Пусть же возрастаетъ стыдливость супружеская; пусть опирается она на такой крѣпкій фундаментъ и укрѣпляется такою стѣною, чтобы изгонять всѣхъ злоумышляющихъ противъ нея и изобличать лживыхъ свидѣтелей. Осталась чистой женщина, которая должна бы умереть, если бы не было того, кто видѣлъ, что скрыто было отъ судей. Записаны слова, сказанныя ею въ саду, мѣстѣ ея прогулки, каковыя слова не слышалъ никто, кромѣ тѣхъ двухъ, хотѣвшихъ посягнуть на честь чужой женщины и измыслившихъ ложное свидѣтельство на нее. Только они двое слышали эти слова: «тѣсно мнѣ отовсюду; ибо если я сдѣлаю это, смерть мнѣ; а если не сдѣлаю, то не избѣгну отъ рукъ вашихъ. Лучше для меня не сдѣлать этого и впасть въ руки ваши, нежели согрѣшить

[1]) По общему счету 343-я.

предъ Господомъ» (Дан. XIII, 22). Съ презрѣніемъ отнеслась она къ тому, что слышала, потому что боялась Того, Кого не видѣла. Конечно, Божественному взору Его она была видима, а не такъ, чтобы Богъ не видѣлъ ея, какъ она не видѣла Бога. Видѣлъ Богъ то, что Самъ создалъ, наблюдалъ за созданіемъ Своимъ, обиталъ въ храмѣ Своемъ, Самъ былъ въ немъ и отвѣчалъ злоумышленникамъ. Потому что, если бы оставилъ женщину—источникъ цѣломудрія, погибло бы и самое цѣломудріе ея. Тѣсно мнѣ отовсюду, говоритъ она. Однакоже, знала Того, Кто могъ удержать ее отъ малодушія и оградить отъ коварства лукавыхъ свидѣтелей, какъ бы отъ пагубнаго вѣтра. Цѣломудріе ея не потерпѣло крушенія, потому что Господь былъ кормчимъ. Вотъ послышался крикъ, сбѣжались и пошли на судъ. Домашніе повѣрили лживымъ свидѣтелямъ. И хотя прежняя ея чистота, незапятнанная жизнь, казалось, представляла достаточное доказательство ея цѣломудрія, однако не вѣрить тѣмъ старѣйшинамъ (свидѣтелямъ) казалось нечестіемъ. Никакого подобнаго слуха никогда не было о Сусаннѣ. Они—ложные свидѣтели, но пока это было извѣстно лишь Богу. Одному вѣрили домашніе, а другое видѣлъ Богъ. Но что видѣлъ Господь, того не знали люди. Казалось справедливымъ вѣрить старѣйшинамъ—лжесвидѣтелямъ. Итакъ, предстояло для Сусанны умереть. Впрочемъ, даже если бы и умерла плоть, цѣломудріе все-таки было бы увѣнчано. Но услышалъ Господь молящуюся, не допустилъ умереть ей, удержалъ ее отъ прелюбодѣянія. Господь возбудилъ святый духъ Даніила, юнаго возрастомъ, но крѣпкаго благочестіемъ. Такъ какъ почивалъ въ немъ духъ пророческій, онъ тотчасъ же замѣтилъ коварство свидѣтелей. Но нужно было доказать другимъ то, что ему самому было видно. «Они—ложные свидѣтели, сказалъ пророкъ, возвратитесь въ судъ». Но что они были ложные, это зналъ лишь тотъ, коему открыто было Духомъ Святымъ. Нужно было показать это другимъ. И вотъ, желая обличить лжесвидѣтелей, Даніилъ проситъ, чтобы они отдѣлены были одинъ отъ другого. Затѣмъ спросилъ ихъ поодиночкѣ. Хотя и была у нихъ одна страсть, но не успѣли они придти еще къ полному единомыслію. Одинъ, будучи спрошенъ, подъ какимъ деревомъ видѣлъ онъ прелюбодѣевъ, отвѣтилъ, что подъ мастиковымъ, а другой,—

что подъ дубомъ. Разногласіе свидѣтелей открыло истину и спасло невинность.

2. Впрочемъ, невинность, какъ я сказалъ уже, братія, все равно была бы увѣнчана и прославлена, хотя бы тѣло, нѣкогда имѣющее умереть, и было умерщвлено. Вѣдь, всѣ мы умремъ. И всякій, кто хочетъ избѣжать смерти, не то дѣлаетъ, чтобы уничтожить смерть, но лишь откладываетъ то, что должно быть. Всѣхъ держитъ смерть въ своей власти. Всѣ мы должны воздать долгъ, унаслѣдованный нами отъ Адама. И если не умираемъ, Заимодавцемъ дается не освобожденіе отъ этого долга, а лишь нѣкоторая отсрочка его. Сусанна была благочестивая женщина и цѣломудренная супруга, а все же нѣкогда должна была умереть. Но если бы она и умерщвлена была даже, то въ чемъ пострадало бы ея цѣломудріе, когда бы тѣло предано было погребенію, а невинность ея была бы принесена Богу и награждена Имъ? И станете ли вы думать, что безцѣннымъ чѣмъ-то является то, что ложные свидѣтели не одержали верха надъ невинной? Нѣтъ, не составляетъ это чего-нибудь особенно великаго. Великая заслуга ея въ томъ, что она не погрѣшила предъ Богомъ. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ оклеветанъ и распятъ. Но хотя ложные свидѣтели на одинъ моментъ и восторжествовали, однако, какой вредъ могли причинить они имѣющему воскреснуть Господу? Итакъ, примѣромъ Своимъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ немощной плоти Своей, въ образѣ раба, который принялъ для освобожденія раба, для отысканія заблудшаго, для искупленія тлѣннаго, для спасенія погибающаго, показалъ примѣръ рабу, чтобы не страшиться ложныхъ свидѣтелей и не бояться, когда другіе вѣрятъ имъ. Могутъ они пустить ложный слухъ, но не могутъ уязвить чистую совѣсть. Вѣдь, спасены же были три отрока изъ пещи огненной; Господь былъ съ ними. Въ огнѣ ходили они невредимыми, кругомъ охваченные пламенемъ, и не сгорая, въ самомъ пламени воздавая хвалу Богу, и вышли оттуда цѣлыми; Господь былъ съ ними (Дан. III). Но развѣ не былъ Господь и съ братьями Маккавейскими (II Макк. VII)? Тѣ вышли изъ огня невредимыми, а эти скоро сгорѣли. И тѣ и другіе испытаны были,—эти, лишившись своей плоти, а тѣ, оставшись съ неповрежденнымъ тѣломъ, но тѣ и другіе получили награду. Навуходоносоръ

далъ обѣщаніе, что, если три мужа останутся цѣлыми въ пламени, онъ увѣруетъ въ Бога ихъ. И Кто могъ спасти ихъ на глазахъ всѣхъ, могъ и увѣнчать втайнѣ. Но если бы Онъ прославилъ ихъ втайнѣ, не спасъ бы царя, который былъ столь жестокимъ. Спасеніе тѣла ихъ, такимъ образомъ, послужило къ спасенію его души. Тѣ, прославляя Бога, избѣжали огня вещественнаго; этотъ же, увѣровавъ въ Бога, избѣжалъ геенны огненной. Больше, слѣдовательно, дано было царю, нежели отрокамъ. Антіохъ же, подвергшій мученію Маккавеевъ, не былъ достоинъ такой милости. Поэтому, въ то время, какъ они умирали отъ огня и мученій, онъ ликовалъ. Но «всякій возвышающій самъ себя, униженъ будетъ» (Лук. XVIII, 14).

3. Кто избавилъ цѣломудренную Сусанну, вѣрную жену, отъ ложнаго свидѣтельства старѣйшинъ, Онъ же очистилъ и Дѣву Марію отъ ложнаго подозрѣнія обручника Своего. Оказалась Она непраздной, хотя и не имѣла мужа. Чрево Ея было непраздным, а дѣвственное цѣломудріе оставалось нетронутымъ. Начальника вѣры зачала Она вѣрою, приняла въ тѣло Свое Бога, Который не допустилъ до оскверненія этого тѣла. Обручникъ же Ея, какъ человѣкъ, пришелъ въ подозрѣніе. Онъ, съ одной стороны, зналъ, что это не отъ него; съ другой,—подозрѣвалъ прелюбодѣяніе и вразумленъ былъ уже ангеломъ. Почему онъ достоинъ былъ получить вразумленіе отъ ангела? Потому что подозрѣніе въ немъ было не злорадное, не то лукавое подозрѣніе, о которомъ говоритъ апостолъ (I Тимоѳ. 6, 4). Лукавыя подозрѣнія свойственны клеветникамъ, доброжелательныя подозрѣнія—руководителямъ. Позволительно всякому имѣть дурныя подозрѣнія о сынѣ, но неприлично клеветать на сына, и хотя подозрѣваютъ иногда дурное, но все же желаютъ найти доброе. Кто имѣетъ доброжелательное подозрѣніе, тотъ хочетъ, чтобы оно не оправдалось, и очень радуется, когда подозрѣніе его окажется ложнымъ. Таковъ былъ Іосифъ по отношенію къ Маріи, съ Которой онъ не имѣлъ тѣлесной связи, хотя духовно (вѣрою) и былъ соединенъ съ Нею. Такъ явилось ложное подозрѣніе и относительно Дѣвы Маріи. Но какъ Сусанну въ лицѣ Даніила защитилъ Духъ Святой, такъ и Дѣву Марію защитилъ ангелъ, который сказалъ Іосифу: «не бойся принять Марію, жену твою, ибо родившееся въ Ней есть

отъ Духа Святаго» (Матѳ., I, 20). Снято подозрѣніе, потому что нашлось заступленіе.

4. Итакъ, если нѣсколько ранѣе могли радоваться супруги за Сусанну, то пусть также теперь радуются и дѣвы за Марію. И тѣ и другія пусть хранятъ цѣломудріе, первыя—супружеское, вторыя—дѣвическое: то и другое имѣетъ цѣну въ очахъ Божіихъ, хотя дѣвическое цѣломудріе и бо́льшую, нежели супружеское. Однако, то и другое пріятно Богу, потому что есть даръ Божій. И тѣ, и другіе достигаютъ вѣчной жизни, но не одну и ту же честь получатъ, не одно и то же достоинство, не одну и ту же награду. Вѣдь, такъ же точно будетъ въ жизни вѣчной и въ царствѣ небесномъ, какъ бываетъ, напр., на небѣ. На небѣ сіяютъ звѣзды,—такъ и въ царствѣ небесномъ будутъ одни лишь достойные вѣрующіе. Жизнь будетъ равно вѣчная для всѣхъ. Не будетъ жить тамъ одинъ больше, другой—меньше, когда всѣ мы будемъ жить безконечно. Динарій, который получатъ дѣлатели въ виноградникѣ и тѣ, которые пришли въ виноградникъ рано, и тѣ, которые пришли поздно (Матѳ. XX, 9, 10),—означаетъ награду жизни вѣчной, которая одинаково будетъ для всѣхъ. Но посмотрите на небо, вспомните слова апостола: «есть, говоритъ онъ, тѣла небесныя и тѣла земныя, но иная слава небесныхъ, иная земныхъ, иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды разнятся во славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ» (I Кор. XV, 40—42). Итакъ, братія, каждый пусть подвизается въ этомъ вѣкѣ, соотвѣтственно тѣмъ способностямъ, какія получилъ, чтобы наслѣдовать блаженство въ вѣкѣ будущемъ. Въ супружествѣ ты ожидай меньшаго блаженства, низшей награды, но не отчаявайся въ вѣчномъ царствѣ. Однакоже удовольствія супружества должны быть, по возможности, уменьшены у тебя. Развѣ отъ того, что женатъ ты, не слѣдуетъ сознавать тебѣ, что ты странникъ въ этомъ мірѣ, развѣ не должно помнить о смерти и о томъ, что придется оставить ложе удовольствія? Будь внимателенъ и смотри, куда ты направляешься,—къ бѣдствіямъ ли мученій или къ блаженству вѣчности. Будь же бдителенъ и сохраняй, что получилъ; неси бремя свое, потому что легко оно, если любишь его, и тяжело, если ненавидишь. Потому что не напрасно говоритъ Господь и только истинно воздержаннымъ

говоритъ: «пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Матѳ. XI, 28—30),—легко для любящаго, тяжко для отвергающаго. Возложилъ ли ты иго Господне на шею свою? Легко оно, если охотно принимаешь, и тяжко, если неохотно возлагаешь его. И развѣ Сусанна та не искушалась въ своемъ цѣломудріи оттого, что была замужемъ? Неужели тѣ только въ этомъ отношеніи не испытываются, которыя состоятъ въ замужествѣ? Вотъ Сусанна имѣла мужа, однако искушалась и боролась въ своемъ искушеніи. «Тѣсно мнѣ отовсюду», говоритъ она. Страшилась умереть вслѣдствіе ложнаго свидѣтельства, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшилась получить дѣйствительную духовную смерть отъ Бога. Вслѣдствіе ложнаго свидѣтельства лишилась бы она этой временной жизни, а судомъ Божіимъ подвергнута была бы вѣчному наказанію. Взвѣшиваетъ она свое положеніе, борется. Испугалась сначала и обдумываетъ; обдумываетъ и борется, борется и побѣждаетъ. Тѣмъ самымъ научила она женщинъ, состоящихъ въ супружествѣ, противиться искушенію, научила бороться, научила страдать и молиться.

5. Но если такія свидѣтельства Священное Писаніе представляетъ о женщинахъ, то не забыло оно и о мужахъ и у нихъ находитъ оно примѣръ для подражанія. Мы видѣли Сусанну, подвергшуюся соблазну со стороны мужей, посягавшихъ на ея честь, видѣли ее, борющуюся. Это чтеніе о Сусаннѣ было какъ бы зрѣлищемъ для души нашей; видѣли мы борца, съ цѣломудреннымъ духомъ, вступившую въ битву героиню. Будемъ же торжествовать вмѣстѣ съ побѣдительницей побѣду надъ побѣжденнымъ. Вотъ имѣютъ благочестивыя жены примѣръ, которому могутъ подражать. Но пусть они считаютъ себя обязанными Богу тѣмъ, что сохраняютъ, Тому, Кто видитъ то, чего супругъ можетъ и не замѣтить. Мужъ часто отсутствуетъ, а Богъ всегда видитъ. И если иногда супругъ, такъ какъ онъ—человѣкъ, подозрѣваетъ ложное, пусть молится тогда жена за мужа своего, подозрѣвающаго ложное. Пусть молится, чтобы онъ избавился отъ подозрѣнія. Ложное подозрѣніе мужа не замыкаетъ очей Божіихъ. Совѣсть ея открыта передъ Творцомъ.

За временныя страданія воздаетъ Онъ вѣчное блаженство. Но пусть молится она и за мужа и постарается имѣть не только добрую жизнь, но и добрую славу. Доброй жизнью невинность освобождается отъ осужденія, а добрая слава и другихъ спасаетъ отъ заблужденія и грѣха, отъ ошибочнаго приговора, подобнаго тому, какъ ошиблись судьи, осудившіе Сусанну; и Даніилъ, или лучше, чрезъ Даніила Господь избавилъ отъ грѣховной смерти скорѣе судей тѣхъ, нежели Сусанну. Избавилъ ее, но отъ временной муки. Избавилъ ихъ, чтобы они, вслѣдствіе дурного суда и осужденія, не подверглись вѣчному наказанію отъ Того Судьи, Коего никто не можетъ обольстить, и отъ Котораго никакъ нельзя укрыться.

6. Я уже сказалъ о мужахъ, что и они не оставлены безъ примѣра. Мужи цѣломудренные, мужи боящіеся Бога, мужи, довольствующіеся своими женами, мужи, не оскверняющіе того, относительно чего не желаете, чтобы оно у васъ было осквернено, мужи, соблюдающіе вѣрность, которую требуете отъ другихъ, ждите и вы отъ меня того, чего ожидали жены ваши во время чтенія о Сусаннѣ. Не оставило и васъ безъ примѣра Божественное Писаніе. Онѣ, жены, слышали о Сусаннѣ и радовались ея побѣдѣ. Посмотрите на Іосифа, не того Іосифа, коему обручена была Дѣва Марія, родившая Христа, потому что и онъ подвергся искушенію подозрѣнія и исправленъ былъ послѣ того ангеломъ. О другомъ Іосифѣ Писаніе свидѣтельствуетъ еще, о томъ, коего хотѣла обольстить жена безстыдная. Полюбила она его, прекраснаго, не чистымъ, но развращеннымъ пожеланіемъ, не способнымъ видѣть красоты внутренней, духовной. Полюбила красоту тѣла, но не чистоту духа. Полюбила чужого, раба своего мужа, но не возлюбила хранящаго вѣрность господину своему. Какъ тебѣ кажется, его ли любила она или скорѣе себя самое? Я думаю, что ни его, ни себя. Если бы его любила, зачѣмъ хотѣла его погубить? Если бы себя любила, зачѣмъ хотѣла погибнуть? Такимъ образомъ, не любила она ни его, ни себя. Ядомъ похоти горѣла она, а не огнемъ любви. Но онъ могъ видѣть то, чего она не могла. Еще прекраснѣе онъ былъ душою, чѣмъ тѣломъ, прекраснѣе красотою сердца, нежели наружной красотою тѣла. Куда не могли проникнуть взоры той женщины, тамъ самъ

наслаждался онъ собственною красотою. Дорожа внутреннею красотою цѣломудрія, какъ онъ могъ бы допустить осквернить ее, обезчестить грязнымъ поползновеніемъ той женщины? Любила она, но любилъ и онъ; и выше было то, что онъ любилъ, нежели, что любила она, потому что видѣлъ онъ, чего она не видѣла.

7. Если хочешь знать ты, что такое духовная красота цѣломудрія, если имѣешь нѣкоторую способность глазъ различать ее, я нѣсколько поясню тебѣ это: красоту ту любишь, вѣдь, ты и въ женѣ твоей. Не старайся же издѣваться въ чужой женѣ надъ тѣмъ, что любишь въ своей. Но что именно любишь ты въ твоей женѣ? Конечно, цѣломудріе. Не терпишь его въ чужой женѣ и любишь въ своей?! Его, цѣломудрія, не терпишь въ чужой, когда хочешь погубить чистоту ея. Но не то́ ли хочешь погубить въ чужой женѣ, что цѣнишь въ своей? Какъ будешь требовать чистоты, будучи убійцей цѣломудрія? Охраняй же и въ другой то, что̀ оберегаешь въ твоей. Люби цѣломудріе болѣе, нежели тѣло. Но, можетъ быть, воображаешь ты, что въ женѣ твоей болѣе цѣнишь ты тѣло ея, а не чистоту души,—низкое это оправданіе. Но и здѣсь я не оставляю тебя безъ примѣра, такъ какъ, думаю, что ты именно цѣломудріе болѣе цѣнишь въ женѣ твоей, нежели красоту ея тѣла. Но чтобы показать тебѣ, что ты безусловно цѣнишь чистоту души болѣе, нежели тѣло, вотъ указываю тебѣ на дочь твою, въ которой ты цѣломудріе уважаешь болѣе, нежели красоту тѣла. Кто изъ людей не хочетъ, чтобы дочери ихъ были цѣломудренными? Кто не радуется цѣломудрію дочерей своихъ? Неужели и здѣсь любишь ты тѣло? Но развѣ ты вожделѣешь прекраснаго тѣла тамъ, гдѣ ужасаешься преступнаго кровосмѣшенія? Вотъ доказалъ я тебѣ, что ты цѣнишь чистоту душевную. Если же такъ, то чѣмъ ты досадилъ себѣ, что не любишь чистоты душевной въ себѣ самомъ? Вѣдь, ты же получаешь пользу отъ этого. Итакъ, люби въ себѣ то, что любишь въ твоей дочери,—это же люби и въ чужой женѣ, потому что и дочь твоя будетъ нѣкогда чужою женою. Люби чистоту и въ себѣ самомъ. Если полюбишь ты чужую жену, не будешь тотчасъ имѣть ея. Если же полюбишь цѣломудріе, тотчасъ будешь владѣть

имъ. Итакъ, люби цѣломудріе, чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства.

8. Но можетъ быть, случится тебѣ подвергнуться такому искушенію: полюбитъ тебя женщина безстыдная, поймаетъ тебя гдѣ-нибудь наединѣ и постарается вынудить у тебя объятія. Если не согласишься, будетъ угрожать наказаніемъ вслѣдствіе наговора. Такъ поступили лжесвидѣтели съ Сусанной. Такъ же поступила съ Іосифомъ жена господина его. Но взирайте при этомъ на Того, на Кого взирали Сусанна и Іосифъ. Неужели оттого, что нѣтъ ни одного свидѣтеля, и Бога нѣтъ тамъ? Его именно взора не хотѣлъ оскорбить Іосифъ, взора Господа Своего, пребывающаго съ нимъ. Не хотѣлъ онъ согласиться на недозволенное соложничество съ безстыдной женщиной, отгналъ чужое вожделѣніе, сохранилъ свое цѣломудріе. Сдѣлала она, однако, то, чѣмъ угрожала, наклеветала мужу своему, и онъ повѣрилъ ей, до такой степени долготерпитъ Господь. Іосифъ заключается въ темницу, содержится какъ преступникъ, хотя и не согрѣшилъ предъ Господомъ. Но и тамъ Господь былъ съ нимъ, потому что онъ не былъ виновенъ. Помогалъ Господь Іосифу, страждущему. А что не тотчасъ помогъ, сдѣлалъ это для того, чтобы больше прославить его, и достойно прославилъ того, кого испыталъ терпѣніемъ. Правда, долженъ былъ праведный Іосифъ за свое цѣломудріе претерпѣть нѣчто жестокое и обидное. Но если бы полюбилъ онъ бестыдную женщину, готовъ былъ бы, конечно, претерпѣть за нее горечи; и она не оцѣнила бы его любви къ ней, если бы онъ не готовъ былъ потерпѣть за нее, и не отвѣчалъ бы взаимностью на любовь ея, или, лучше сказать, не на любовь, а на злую похоть. Еще болѣе она воспылалала бы къ нему, когда бы видѣла, что онъ возгорѣлся такою любовью къ ней, что не отказался бы перенесть за то какія бы то ни было страданія. Если такъ за безстыдную женщину, то насколько же болѣе слѣдовало быть готовымъ пострадать за цѣломудріе? Поэтому, хорошо, что Господь не поспѣшилъ здѣсь со своей помощью, съ цѣлію ободрить человѣка, чтобы онъ и самъ собой доходилъ до сознанія истинной славы. Отъ Бога же ничто не скрыто.

9. Итакъ, въ томъ хочу убѣдить любовь вашу, братія, чтобы прежде всего вожделѣніямъ плотскимъ и радостямъ

этого вѣка, суетѣ, непостоянству и прелестямъ настоящей жизни предпочитали вы красоту, сладость и удовольствіе мудрости, красоту стыдливости и чистоты. Это—сокровища, хранящіяся въ сокровищницѣ небесной. Это—драгоцѣнные свѣтлые алмазы, блестящіе предъ очами Божіими, и вы увидите ихъ, если взоры ваши будутъ способны къ тому. Предпочитайте же ихъ превратнымъ и непозволеннымъ удовольствіямъ. И если испытаніе достигнетъ такой мѣры, что вамъ нужно пострадать, братія мои, то кто не будетъ страдать за свои сокровища? Кто не будетъ страдать за поле свое и даже за одну пядь земли своей? Если готовы страдать вы за эти предметы, коими вы даже не можете распорядиться, которыхъ часто еще при жизни лишаемся мы, и которые послѣ нашей смерти переходятъ къ нашимъ врагамъ,—если за эти блага (если только можно назвать благами то, что не дѣлаетъ никого блаженнымъ) люди спокойно переносятъ разныя невзгоды, то почему не страдать за сокровища небесныя, за тѣ сокровища, которыхъ никакія несчастья не могутъ лишить насъ? Праведникъ, лишившійся имущества, становится и бѣднымъ и богатымъ.

10. Такимъ богатствомъ изобиловалъ праведный Іовъ. Все погибло у него вдругъ; ничего не осталось въ домѣ, чѣмъ богатъ онъ былъ передъ тѣмъ. Внезапно сталъ онъ нищимъ, во прахѣ, съ головы до ногъ покрытый червями. Что больше этого несчастія? Но что больше и внутренняго блаженства Іова? Потерялъ онъ все, что далъ ему Богъ, но имѣлъ Самого, давшаго все Бога. «Нагъ, сказалъ онъ, я вышелъ изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь. Господь далъ, Господь и взялъ; какъ угодно было Господу, такъ и сдѣлалось... Да будетъ имя Господне благословенно!» Конечно, онъ былъ бѣденъ? Конечно, ничего не имѣлъ. И если ничего не имѣлъ, то о какомъ сокровищѣ возносились эти драгоцѣнныя хвалы Богу? Послѣ того, какъ уже было все отнято, Онъ оставилъ ему еще жену—искусительницу, оставилъ Еву. Но то былъ не Адамъ. И какимъ онъ оказался тогда? Какъ отвѣчалъ на злословіе жены? «Ты говоришь, сказалъ онъ ей, какъ одна изъ безумныхъ. Неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злаго не будемъ принимать?» О, мужъ, сгнивающій и невредимый! О, зловонный и прекрасный! О, изъязвленный и здравый! О, въ пеплѣ

сѣдящій и на небѣ царствующій! Если любимъ мы его, будемъ ему подражать, а чтобы подражать, будемъ терпѣть. И если въ терпѣніи станемъ ослабѣвать, будемъ молиться о помощи. Поможетъ борющемуся Тотъ, Кто допустилъ борьбу. Не такъ требуетъ Богъ отъ тебя борьбы, какъ толпа отъ гладіатора: кричитъ, но не умѣетъ помочь; не такъ, какъ любитель зрѣлищъ ожидаетъ атлета,—приготовляетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, но не знаетъ, какъ поддержать силы атлета, когда онъ будетъ ослабѣвать, не знаетъ, потому что человѣкъ онъ, а не Богъ. И, можетъ быть, самъ онъ, пока смотритъ, болѣе страдаетъ, нежели тотъ, кто борется. Богъ же помогаетъ слугамъ Своимъ, когда они взываютъ къ Нему. Вотъ голосъ подвижника Его въ псалмѣ: «Когда я говорилъ: колеблется нога моя, милость Твоя, Господи, поддерживала меня». (Псалом. 93, 18).

Итакъ, не будемъ же лѣниться, братія мои—станемъ просить, искать, стучать. «Ибо всякій просящій получаетъ, ищущій находитъ, и стучащему отворятъ (Матѳ. VII, 8).

Бесѣда 4-я [1]).

О любви къ Богу и о любви къ міру.

1. Два рода любви существуютъ въ этомъ мірѣ, которые постоянно между собою враждуютъ: любовь къ міру и любовь къ Богу. Которая изъ нихъ побѣдитъ, та и влечетъ любящаго какъ бы своею тяжестью. Потому что не на крыльяхъ или не на ногахъ, но чувствомъ, приближаемся мы къ Богу. Равнымъ образомъ не тѣлесными путами или узами, но противоположными тѣмъ чувствами привязываемся мы къ землѣ. И Христосъ приходитъ для того, чтобы измѣнить твои привязанности и, вмѣсто любви къ земному, возбудить въ тебѣ любовь къ жизни небесной. Сдѣлался по причинѣ насъ Человѣкомъ Тотъ, Кто создалъ человѣка; Богъ принимаетъ образъ человѣка, чтобы обожествить человѣка. Здѣсь, на землѣ, предстоитъ намъ борьба, борьба съ плотью, борьба съ діаволомъ, борьба съ міромъ. Но станемъ надѣяться, что Тотъ, Кто установилъ эту борьбу, не оставитъ насъ безъ Своей помощи; Онъ увѣщеваетъ насъ не кичиться своими силами. Кто надѣется на свои силы, надѣется на силы человѣческія. Но «проклятъ человѣкъ, который надѣется на человѣка» (Іерем. XVII, 5). Пылая пламенемъ этой чистой святой любви, мученики силою духа сжигали сѣно плоти. Невредимые духомъ восходили они къ Тому, отъ Кого были вдохновлены. Полная же слава получена будетъ ими вмѣстѣ съ самою презрѣнною ими плотью въ воскресеніе мертвыхъ. Потому и сѣется въ уничиженіи, чтобы возстать во славѣ (1-е Коринѳ. XV, 43).

---

[1]) По общему счету 344-я.

2. Возбужденнымъ этой любовью или, скорѣе, для того, чтобы возбудить, Господь говоритъ слѣдующее: «Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня: и кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня» (Матѳ. X, 37—38). Не уничтожаетъ Онъ любви къ родителямъ, женѣ и дѣтямъ, но упорядочиваетъ ее. Не сказалъ: «кто любитъ», но: «кто любитъ болѣе Меня». Это есть то же, что и Церковь говоритъ въ книгѣ «Пѣснь Пѣсней»: «и знамя его надо мною любовь» (Пѣснь Пѣсней— II, 4). Люби отца своего, но не болѣе Господа. Люби родителя, но не болѣе Создателя. Отецъ хотя и родилъ, но не самъ образовалъ тебя. Потому что, кто и каковъ ты будешь,—не зналъ онъ, когда ты рождался. Отецъ воспиталъ тебя, но не онъ произвелъ хлѣбъ для тебя, голодающаго. Въ концѣ концовъ, кое-что оставивъ для тебя на землѣ, отецъ твой уходитъ, чтобы ты послѣдовалъ ему, и смертью своею освобождаетъ мѣсто для твоей жизни. Отецъ же—твой Богъ все, что ни сохраняетъ для тебя, сохраняетъ вмѣстѣ съ Собой, какъ что ты получаешь наслѣдство вмѣстѣ съ отцомъ и не ждешь въ ожиданіи наслѣдства, когда владѣлецъ уйдетъ, но соединяешься съ Тѣмъ, Кто всегда пребываетъ, ты, имѣющій также всегда пребывать. Люби отца, но не болѣе Бога твоего. Люби мать твою, но не болѣе Церкви, которая родила тебя для жизни вѣчной. Изъ самой любви къ родителямъ заключи, наконецъ, какъ нужно любить Бога и Церковь. Если такъ должно любить тѣхъ, которые родили тебя для того, чтобы ты умеръ, то какъ же слѣдуетъ любить тѣхъ, кои родили тебя для вѣчности, чтобы ты всегда пребывалъ. Люби жену твою, люби дѣтей твоихъ во имя Бога, научая ихъ чтить вмѣстѣ съ тобою и Бога, съ Коимъ, когда соединишься ты, не будешь бояться никакого раздѣленія. Поэтому не слѣдуетъ любить дѣтей своихъ болѣе Бога, и худо любилъ бы ты ихъ, если бы не позаботился привести къ Богу вмѣстѣ съ собою. Придетъ и для тебя, быть можетъ, часъ мученичества. Ты захочешь исповѣдывать Христа. Исповѣдавъ, получишь, можетъ быть, временную смерть. Но вотъ отецъ, жена или сынъ соблазняютъ тебя, чтобы ты избѣгъ страданій, но прельщеніями своими производятъ они то, что ты дѣйствительно умираешь. Тогда лишь исполняешь слова Христовы:—«кто любитъ отца или мать, жену или дѣтей болѣе, нежели Меня, тотъ не достоинъ Меня»,—когда такія прельщенія не дѣйствуютъ на тебя.

3. Однако на прельщенія отъ своихъ все же склоняется иногда плотское чувство, и нѣкоторымъ образомъ поддается имъ наша впечатлительность. Но исправь неровности тлѣнной одежды и опояшься добродѣтелью. Терзаетъ ли тебя любовь плотская?—Возьми крестъ свой и слѣдуй за Господомъ. Вѣдь, и Самъ Спаситель твой, хотя и Богъ во плоти, хотя и Богъ вмѣстѣ съ плотью, однакоже показалъ немощь человѣческую, когда говорилъ: «Отче Мой, если возможно, да минуетъ Меня чаша сія» (Матѳ. XXVI, 39). Зналъ Онъ, что не минуетъ Его эта чаша. Для испитія ея и пришелъ Онъ по волѣ Своей, а не по принужденію долженъ былъ выпить эту чашу. Былъ Онъ всемогущъ и, если бы желалъ, могъ бы миновать ея, потому что Онъ—Богъ со Отцомъ, и потому что—Онъ и Отецъ—одинъ Богъ. Но будучи въ образѣ раба, въ томъ именно, что воспринялъ отъ тебя и за тебя, Онъ издалъ голосъ плоти. Тебя въ Себѣ благоволилъ Онъ изобразить, такъ что и въ Немъ находишь ты немощь, чтобы научиться терпѣнію. Показалъ Онъ желаніе, коимъ можешь и ты искушаться, и въ то же время научилъ, какую волю и какому желанію ты долженъ отдавать предпочтеніе. «Отче Мой, говоритъ Онъ, если возможно, да минуетъ Меня чаша сія». Это—воля человѣческая; «человѣка показываю», какъ бы говоритъ Господь, въ формѣ раба говорю: «Отче Мой, если возможно, да минуетъ Меня чаша сія». Это та воля, о которой и Петру сказано: «а когда состарѣешься, другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь» (Іоанн. XXI, 18). Но тѣмъ ли мученики побѣждали, когда волѣ плотской предпочитали волю духовную? Любили они эту жизнь и заключали отсюда, какъ нужно любить ту вѣчную жизнь, если такъ любится эта преходящая. Имѣющій умереть не хочетъ умирать, и все-таки неизбѣжно умретъ, хотя постоянно отгоняетъ мысль о смерти. Ничего не подѣлаешь, хотя и не хочешь умереть, ничего не можешь предпринять, потому что нѣтъ у тебя никакой возможности избѣжать смерти. Противъ твоего желанія придетъ то, чего ты боишься. Случится то, чего ты избѣгаешь. Много трудишься ты, чтобы отсрочить смерть. Но неужели

хочешь совсѣмъ избѣжать ея? Итакъ, если привязанные къ этой жизни такъ много заботятся о томъ, чтобы только отсрочить смерть, то какъ много слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы избѣгнуть смерти? Вотъ, не хочется умереть тебѣ?! Измѣни свои привязанности и увидишь, что есть есть смерть, не та, которая будетъ, хочешь ты или не хочешь ея, но та, которой избѣгнуть отъ твоей воли зависитъ.

4. Итакъ, наблюдай, есть ли въ сердцѣ твоемъ и какая любовь, блеститъ ли искра изъ пепла плоти, крѣпко ли сердце твое настолько, чтобы не только не падать подъ тяжестью искушенія, но еще болѣе горѣть любовію, наблюдай, не тлѣешь ли ты, какъ пакля, которая гаснетъ отъ легкаго дуновенія, или горишь, какъ твердое дерево, какъ уголь, отъ дуновенія сильнѣе разгорающійся. Пойми, что есть двѣ смерти: одна временная, — это смерть первая, а другая вѣчная—это смерть вторая. Первая смерть опредѣлена для всѣхъ, а вторая только для злыхъ, нечестивыхъ, невѣрующихъ, ругателей и всѣхъ противящихся здравому ученію. Смотри же, помни объ этихъ двухъ родахъ смерти. Можетъ быть, обѣихъ ихъ хотѣлъ бы избѣгнуть ты. Знаю, что любишь жизнь и не хочешь умереть, и изъ этой жизни такъ хотѣлъ бы перейти ты въ другую жизнь, лучшую, чтобы живымъ измѣниться къ лучшему, а не воскресать, предварительно умерши. Этого хотѣлъ бы ты. Такъ настроено чувство человѣческое. Таковы, какъ бы, воля и вожделѣнія самой души нашей. Любя жизнь, она ненавидитъ смерть, любитъ тѣло свое и не желаетъ, чтобы съ нимъ произошло то, что она ненавидитъ. «Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти» (Ефес. V, 29). На это свойство апостолъ указываетъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: «мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Оттого мы и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище... потому что не хотимъ совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью». Не хочешь ты совлечься, но хочешь быть облеченнымъ. Но о томъ слѣдуетъ заботиться, чтобы, совлекшись, вслѣдствіе смерти, плотской одежды, ты оказался облеченнымъ въ броню вѣры, на что указывая, апостолъ говоритъ: «только бы намъ и одѣтымъ не оказаться нагими» (2-е Коринѳ. V, 1—4). Первая смерть совлечетъ съ тебя плоть, которая истлѣетъ и въ свое время опять возстанетъ. Хочешь—не хочешь, будетъ это, такъ какъ не потому ты воскреснешь, что хочешь этого, а если не хочешь или не вѣришь тому, то и не воскреснешь. Старайся лучше о томъ, чтобы по воскресеніи имѣть то, что хочешь имѣть. Вѣдь, Самъ Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: «наступаетъ время, въ которое всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ»,—безъ различія и добрые, и злые,—всѣ находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, — и изыдутъ, изринуты будутъ изъ бездны. Никакая тварь не въ состояніи будетъ удержать мертвыхъ, когда раздастся голосъ Творца. «Всѣ, говоритъ Господь, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Его и изыдутъ». Сказавъ «всѣ», Онъ какъ бы произвелъ сліяніе или смѣшеніе. Но слушай дальше о раздѣленіи. «Изыдутъ, говоритъ, творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія»—(Іоанн. V, 28—29). Это осужденіе, для котораго воскреснутъ нечестивые, и есть вторая смерть. Зачѣмъ, христіанинъ, боишься ты этой первой смерти? Придетъ она непремѣнно къ тебѣ, противъ воли твоей придетъ. Вотъ, хочешь освободиться ты отъ варваровъ, чтобы не быть убитымъ. Хочешь избавиться отъ сильнаго, не щадишь имѣнія твоего, заставляешь терпѣть лишенія дѣтей твоихъ и, избавившись, на другой день умираешь. Должно болѣе стараться тебѣ о томъ, чтобы избавиться отъ власти діавола, который влечетъ тебя вмѣстѣ съ собою ко второй смерти, когда нечестивые, стоящіе по лѣвую сторону, услышатъ: «идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его» (Матѳ. XXV, 41). Объ избавленіи отъ этой второй смерти и слѣдуетъ позаботиться тебѣ. Можетъ быть, скажешь: «какъ?» Не имуществомъ, конечно, не деньгами; будь лишь справедливъ, если хочешь избѣжать второй смерти. Деньги можетъ отнять у тебя врагъ твой и потомъ уведетъ тебя въ плѣнъ, и ты не будешь имѣть, чѣмъ выкупить себя, такъ какъ всѣмъ имуществомъ твоимъ владѣть будетъ тотъ, кто будетъ владѣть и тобой. Справедливости же не потеряешь ты, если не захочешь. Во внутренней сокровищницѣ сердца твоего обитаетъ она. Ее старайся имѣть, ею старайся овладѣть, чтобы потомъ избавиться отъ второй смерти. Если ты не

захочешь этой второй смерти, ея не будетъ, такъ какъ будетъ у тебя, если захочешь, средство, коимъ можешь избавиться отъ нея. Правду же получаетъ воля наша отъ Бога и пьетъ ее, какъ бы, изъ своего источника. Всякій безпрепятственно приближается къ этому источнику, если достойно приближается. Обрати вниманіе и на помощь, которая подается тебѣ. Отъ непріятеля спасаетъ тебя серебро твое. Отъ первой смерти избавляешься ты иногда имѣніемъ твоимъ. Отъ второй смерти избавляетъ тебя кровь Господа твоего. Имѣлъ Онъ кровь и для того принялъ кровь, чтобы пролить для спасенія нашего. Кровь Господа твоего за тебя проливается, если хочешь, и не за тебя, если ты не хочешь этого. Можетъ быть, скажешь ты: имѣлъ кровь Господь мой, чтобы избавить меня. Но когда страдалъ, Онъ всю ее отдалъ. Что осталось еще у Него, чтобы Онъ могъ дать еще и за меня? Но однажды проливши кровь, Онъ пролилъ ее за всѣхъ. Кровь Христа—спасеніе для слѣдующихъ за Нимъ и наказаніе для отвергающихся отъ Него. Будешь ли сомнѣваться еще ты, боящійся смерти, что лучше избавиться отъ второй смерти? А отъ нея избавляешься тогда, если берешь крестъ твой и слѣдуешь за Господомъ, потому что Онъ подъялъ Свой крестъ и взыскалъ раба Своего.

5. И не убѣждаютъ ли васъ, братія мои, въ томъ, что нужно любить жизнь вѣчную, тѣ, которые такъ привязаны къ настоящей временной жизни? Сколь многое дѣлаютъ люди для того только, чтобы жить эти немногіе дни? Кто можетъ исчислить труды и усилія всѣхъ, желающихъ жить и вскорѣ потомъ умирающихъ? Сколь многое дѣлаютъ они даже изъ-за немногихъ дней? А что дѣлаемъ мы для жизни вѣчной? Что сказать, если вспомнишь, что дѣлается изъ-за этихъ немногихъ дней на землѣ? Можетъ быть, нынѣ живущій завтра умретъ?! И вотъ, изъ-за неизвѣстнаго, ради немногихъ дней неизвѣстныхъ,—что дѣлаютъ люди, что измышляютъ? И если вслѣдствіе болѣзни тѣла, впадаютъ они въ руки врача, если ожидается спасеніе отъ знающихъ и опытныхъ лицъ, если находится врачъ, могущій утѣшить отчаявшагося,—чего только не обѣщаютъ ему и сколь многое отдаютъ впередъ, хотя бы ничего еще не было извѣстно!. Чтобы только немного пожить,

отдаютъ средства, на которыя живутъ. Или когда кто впадетъ въ руки непріятеля и разбойника, если это будетъ отецъ, то сыновья, желая защитить и избавить его, спѣшатъ къ нему на помощь и отдаютъ то, что оставилъ бы онъ имъ, думая спасти его, чтобы схоронить затѣмъ. Сколько домогательствъ, сколько просьбъ, сколько усилій употребляютъ они—кто можетъ исчислить все это? Но я хочу сказать нѣчто болѣе ужасное и даже невѣроятное, если бы оно не случалось. Для чего говорить, что люди отдаютъ, лишь бы жить, и ничего не оставляютъ себѣ?! Чтобы прожить только немногіе неизвѣстные дни подъ постояннымъ страхомъ и въ трудахъ—сколь многое они тратятъ? Сколь многое отдаютъ? О, люди! люди! я сказалъ уже, что тратятъ они даже и то, чѣмъ живутъ, лишь бы продлить жизнь свою. Но выслушайте о худшемъ и болѣе тяжкомъ, болѣе преступномъ, даже маловѣроятномъ, какъ я сказалъ, если бы оно не случалось. Чтобы только немного пожить, жертвуютъ они даже тѣмъ, чѣмъ могли бы обезпечить себѣ постоянную жизнь. Выслушайте и вникните въ то, что скажу я. Вотъ еще не сказано это, и однако многіе уже заволновались изъ тѣхъ, коимъ Господь напередъ благоволилъ открыть это, хотя оно еще и не высказано мной. Оставьте тѣхъ, кои для того, чтобы пріобрѣсти возможность недолго пожить, отдаютъ и губятъ то, чѣмъ поддерживаютъ самую жизнь свою. Посмотрите на тѣхъ, кои, чтобы пріобрѣсти себѣ возможность недолгой жизни, губятъ то, чѣмъ обезпечивали бы себѣ право вѣчной жизни, а именно: вѣру и благочестіе, что есть какъ бы имущество, коимъ пріобрѣтается жизнь вѣчная. Вотъ неожиданно выйдетъ къ тебѣ врагъ и, устрашая тебя, скажетъ не такъ: «дай мнѣ денегъ, и ты будешь живъ», а заставитъ тебя отвергнуться отъ Христа, обѣщая сохранить тебѣ жизнь. Но когда ты сдѣлаешь это, то, хотя и получишь право пожить еще немного, однако лишишься права на вѣчную жизнь. Скажи ты, боящійся смерти, это ли значитъ любить жизнь? Почему ты испугался смерти, если не потому, что любишь жизнь? Но Христосъ есть жизнь. И зачѣмъ ты домогаешься этой ничтожной, непродолжительной жизни, чтобы потерять жизнь блаженную? Или, можетъ быть, ты не терялъ вѣры и не имѣлъ чего терять?! Итакъ, держись же того, чѣмъ мо-

жешь достигнуть вѣчной жизни. Посмотри на ближняго твоего, сколь многое дѣлаетъ онъ для того, чтобы хотя немногое время прожить. Подумай ты, уже отрекшійся отъ Христа, какое великое зло сдѣлано тобой ради этихъ немногихъ дней жизни? И неужели не хочешь ты презрѣть эти недолгіе дни, чтобы уже никогда не умирать, чтобы пребывать въ вѣчномъ днѣ, и чтобы подъ покровомъ Создателя твоего, въ вѣчномъ царствѣ, сдѣлаться равнымъ ангеламъ? Что погубилъ ты, чего не сдѣлалъ? Не взялъ ты креста твоего для того, чтобы слѣдовать за Господомъ.

6. Смотри же, сколь благоразумнымъ хочетъ видѣть тебя Тотъ, Кто сказалъ тебѣ: «возьми крестъ свой и слѣдуй за Мной» (Лук. IX, 23), и еще: «сберегшій душу свою потеряетъ ее; а потерявшій душу свою ради Мене сбережетъ ее» (Матѳ. X, 39). Кто сбережетъ душу душу свою, тотъ потеряетъ ее. А кто потеряетъ, тотъ сбережетъ ее. Для того, чтобы погубить душу, будешь беречь ее, а когда погубишь, въ концѣ концовъ сбережешь ее. Два есть способа сбереженія, и между ними указывается одна погибель. Никто не можетъ потерять души своей ради Христа, если сначала не сбережетъ ее. И никто не можетъ сберечь души своей во Христѣ, если сначала не погубитъ ее. Итакъ, береги, чтобы потерять. Теряй, чтобы сберечь. Но какимъ образомъ ты прежде сберегаешь ее, такъ что имѣешь ту, которую теряешь? Когда думаешь, что ты въ одномъ лишь отношеніи дѣйствительно смертенъ, когда помышляешь о Томъ, Кто создалъ тебя и вдуновеніемъ создалъ тебѣ душу, и помнишь, что ею обязанъ Тому, Кто далъ ее, что Тому должна быть она возвращена, Кто направилъ ее и устроилъ. Сберегаешь ты душу свою, когда содержишь ее въ вѣрѣ; если вѣруешь, сбережешь ее. Ты былъ погибшимъ, прежде, нежели сталъ вѣровать. Сберегъ ты душу свою, бывши мертвымъ въ невѣріи и оживши въ вѣрѣ. Таковъ ты теперь, что можно сказать тебѣ: «былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся» (Лук. XV, 32). Обрѣлъ ты душу свою въ вѣрѣ истинной, когда ожилъ отъ смерти невѣрія. Вотъ что значитъ, что сберегъ ты душу свою. Губи ее, но пусть душа твоя будетъ сѣменемъ для тебя. Потому что и земледѣлецъ молотьбою и вѣяніемъ находитъ пшеницу и опять при посѣвѣ теряетъ ее. Находится на гумнѣ

то, что погибаетъ въ сѣмени. Погибаетъ при посѣвѣ то, что находится въ жатвѣ. Итакъ, тотъ сбережетъ душу свою, кто потеряетъ ее. Но если хочешь жать, зачѣмъ лѣнишься сѣять?

7. Замѣчай же, когда сберегаешь душу свою, и когда губишь ее. Но какъ ты сберегъ бы ее, если бы не возжегъ въ тебѣ свѣта Тотъ, о Комъ говорится въ псалмѣ: «Ты возжигаешь свѣтильникъ мой, Господи» (Пс. XVII, 29)? И сберегъ ты душу свою, если только Онъ возжигаетъ въ тебѣ этотъ свѣтильникъ. Смотри также, какъ ты можешь губить ее. Не слѣдуетъ легкомысленно терять того, что такъ тщательно должно оберегаться. Не сказалъ Господь: «кто потеряетъ ее, тотъ сбережетъ». Но: «кто потеряетъ ее ради Меня». Можетъ быть, когда увидишь на берегу тѣло потерпѣвшаго кораблекрушеніе торговца, съ сожалѣніемъ поплачешь о немъ и скажешь: «Несчастный человѣкъ! Изъ-за золота погубилъ ты душу свою». Справедливо скорбишь тутъ, справедливо жалѣешь. Поплачь о томъ, кому не можешь теперь оказать помощи. Вотъ изъ-за золота могъ потерять онъ душу свою, изъ-за золота не могъ сберечь ея. Къ погибели души своей былъ онъ способенъ, къ пріобрѣтенію ея оказался менѣе годнымъ. Слѣдуетъ подумать при этомъ не о томъ, что погубилъ, но почему погубилъ. Если изъ-за корысти, то вотъ лежитъ бездыханное тѣло, и гдѣ то, что казалось такъ привлекательнымъ? И все-таки возобладала корысть, ради золота погублена душа, ради же Христа она не погибла и о, если бы погибла! Не будь же неразуменъ и будь твердъ: слушайся Творца своего. Тотъ научитъ тебя и сдѣлаетъ мудрымъ, Кто создалъ тебя. Не смущайся ради Христа потерять душу свою. Создателю своему ввѣряешь то, что, повидимому, теряешь. Конечно, теряешь ты; но беретъ Тотъ, у Кого ничто не пропадетъ. И если любишь ты жизнь, губи ее, чтобы сберечь. Потому что, когда сбережешь, хотя уже и не будетъ того, что губилъ ты, но останется навсегда причина, изъ-за которой губилъ. Во всякомъ случаѣ сберегается при этомъ та жизнь, которая уже не можетъ погибнуть. Потому что и Христосъ, Который показалъ тебѣ примѣръ въ рожденіи, смерти и воскресеніи, «воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ: смерть уже не имѣетъ намъ Нимъ власти» (Римл. VI, 9).

Бесѣда 5-я [1]).

О презрѣнію къ міру.

1. Хочу говорить любви вашей, братія, о томъ, что относится къ презрѣнію жизни настоящей и надеждѣ жизни будущей. Если хочешь знать, что слѣдуетъ презирать, то посмотри на мучениковъ, которые презрѣли эту земную жизнь. Если хочешь знать, на что нужно надѣяться, то указываю тебѣ на воскресеніе, такъ какъ нынѣ Господь воскресъ изъ мертвыхъ [2]). И если ты, человѣкъ, колеблешься теперь, то будь твердъ въ надеждѣ, и если смущаетъ тебя трудъ, пусть ободритъ награда. Къ этому призываетъ насъ апостолъ, когда заповѣдуетъ Тимоѳею, говоря: «богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ увѣщевай, чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго намъ все обильно для наслажденія; чтобы они благодѣтельствовали, богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны, собирая себѣ сокровище, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни» (1-е Тимоѳ. VI, 17—19). Это особенно должно помнить богатымъ. Слушайте это, богатые, имѣющіе золото и серебро и пламенѣющіе страстію, богатые, на которыхъ съ упованіемъ взираютъ иногда бѣдные, ропщутъ, вздыхаютъ, хвалятъ, завидуютъ, съ коими хотятъ сравняться, скорбятъ о своемъ неравенствѣ съ ними и среди похвалъ

[1]) По общему счету 345-я.

[2]) Слово, повидимому, произнесено было въ день Пасхи.

богачамъ говорятъ лишь: «вотъ, они одни счастливы, они одни живутъ лишь». Но вы, богачи, берегитесь, чтобы изъ за этихъ словъ, коими льстятъ вамъ люди бѣдные, не впасть вамъ въ гордость; слушайте скорѣе апостола, цѣлителя болѣзни, а не льстеца на словахъ. Настоящая жизнь ваша есть сонъ, и богатства эти, какъ бы во снѣ протекаютъ. Апостолъ Павелъ убѣждаетъ достигать вѣчной жизни. Слушайте же Павла и не гордитесь. Слушай и псалмопѣвца ты, богачъ и вмѣстѣ бѣднякъ. Что имѣешь ты, если Бога нѣтъ у тебя? И чего нѣтъ у тебя, если Богъ съ тобой? О богатыхъ говоритъ псалмопѣвецъ: «уснули сномъ своимъ, и не нашли всѣ мужи силы рукъ своихъ» (Псал. LXXV, 6). Иногда и нищій, лежащій на землѣ и дрожащій отъ холода, во снѣ видитъ сокровища, радуется, восторгается, гордится и даже пренебрегаетъ отцомъ своихъ въ лохмотьяхъ. Сонъ— это то, что видишь ты, нищій, когда спишь и радуешься. Однако пока не проснется онъ, чувствуетъ себя богачемъ. Когда уснетъ, находитъ то, о чемъ, видимо, скорбитъ. Также и богачъ, имѣющій умереть, подобенъ бѣдняку, спящему и видящему во снѣ сокровища. Вѣдь, и тотъ богачъ, который одѣвался въ порфиру и виссонъ, и остался неизвѣстнымъ по имени, презиралъ бѣдняка, лежащаго у воротъ, каждый день пирпествовалъ блистательно, потомъ, умерши и будучи погребенъ, онъ очнулся и увидѣлъ себя въ пламени. (Лук. XVI, 19—24). Провелъ онъ время сна своего и послѣ сна ничего не нашелъ, потому что не далъ никакого разумнаго употребленія богатству своему.

2. Для жизни ищется богатство, но не жизнь для богатства. Какъ многіе примиряются со своими врагами, выговаривая себѣ одну только жизнь? И что ни имѣютъ, все отдаютъ, лишь бы жизнь сохранить. Все ли отдалъ ты, братъ, врагамъ своимъ? Все, говоритъ, отдалъ, остался голымъ, и хотя голымъ, но все же живымъ. А почему? Потому отдалъ все, чтобы самому не оказаться убитымъ. И какъ съ тобой это случилось? Хочешь—скажу тебѣ, какъ? Оттого это случилось, что прежде, нежели пришелъ къ тебѣ врагъ, ты самъ не оказывалъ помощи нищему, такъ—чтобы милостыня твоя восходила чрезъ бѣднаго ко Христу. Христу не далъ ты немногаго, а врагу отдалъ все, что имѣлъ, и отдалъ навсегда. Христосъ проситъ и не получаетъ. Тотъ

требуетъ и все отнимаетъ. Если такъ дорого платишь ты за эту преходящую жизнь, то какъ же должна быть цѣнима жизнь вѣчная? Давай же ты, который даешь врагу, чтобы жить хотя нищимъ, хоть что-нибудь Христу, чтобы жить счастливо. Для того, чтобы жить въ теченіе немногихъ дней, вотъ ты отдаешь, что требуетъ врагъ твой, а чего хочетъ Христосъ, этого ты не дѣлаешь. Не велико число дней жизни человѣка отъ дѣтства до старости; и если бы Адамъ умиралъ сегодня, все равно, дни его были бы немноги, потому что всѣ они были бы уже окончены имъ: пусть онъ жилъ бы шесть тысячъ лѣтъ, и однако не велико было бы число дней жизни его, въ виду того, что они всѣ были бы прожиты. Во власти твоей большое число дней, полныхъ труда и искушеній, немного земли имѣешь ты и виллу. Вотъ, врагъ, который плѣнилъ тебя, говоритъ: «все, что имѣешь, дай мнѣ»; и для того, чтобы жить, ты все отдаешь, ты, сегодня избавившійся отъ смерти, а завтра умирающій, отъ одного избавившійся, отъ другого, быть можетъ, имѣющій принять смерть. Вотъ сколь многое претерпѣваютъ люди изъ-за настоящей временной жизни и не хотятъ пострадать даже сколько-нибудь за жизнь вѣчную! Пусть вразумятъ насъ, братія, хоть эти постоянныя опасности. Вотъ все отдалъ ты, отъ всего отказался и радуешься тому, что живъ, и говоришь: «хотя я и бѣденъ, нагъ, хотя нуждаюсь, нищенствую, однако, радуюсь тому, что я живъ и не лишился этого радостнаго свѣта. Пусть же явится Христосъ, пусть и Онъ примирится съ тобою, не варваръ, который плѣнилъ тебя, но Тотъ, Кто Самъ плѣненъ былъ и благоволилъ даже умереть за тебя. Тотъ, Кто Самъ Себя отдалъ за тебя, призываетъ тебя къ миру съ Собою. «Хочешь ли жить ты?! Живи со Мною», говоритъ Онъ. «Слѣдуетъ только, чтобы ты возненавидѣлъ себя и полюбилъ Меня. Теряя жизнь свою, найдешь ее, а оберегая ее, погубишь».

3. Что касается богатства твоего, коимъ тебѣ пріятно владѣть, и которое готовъ отдать ты за жизнь настоящую, то вотъ я даю совѣтъ тебѣ, какъ поступить съ нимъ. Если любишь его, то не теряй. Однакоже, если любишь богатство только на землѣ, здѣсь, то оно погибнетъ вмѣстѣ съ тобою. Если любишь сокровища, то переноси ихъ туда, куда и самъ пойдешь, чтобы не потерять ихъ здѣсь, на землѣ, не-

смотря на всю твою привязанность къ нимъ, или еще при жизни, или по смерти. Вотъ я далъ тебѣ совѣтъ: не сказалъ: «губи», но «сохраняй». Хочешь собирать сокровища? Хорошо. Не говорю: «не собирай», но указываю мѣсто, гдѣ собирать. Смотри на меня, какъ на совѣтника, а не какъ на врага твоего. Написано: «собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ» (Матѳ. VI, 20). Но, можетъ быть, скажешь ты: «не вижу я мѣста на небѣ, гдѣ бы положить. Какую гору, какую машину долженъ найти я, чтобы коснуться неба, чтобы видѣть, гдѣ положить тамъ деньги мои?» Но что говоришь ты?! Знаешь же на землѣ ты мѣсто, гдѣ спрятать? Знаю, говоришь. Хорошо, довольно. Если спокоенъ бываешь ты, когда прячешь на землѣ, то какъ же не довѣряешь ты Богу, Который сотворилъ небо и землю? Давай Богу смѣло, Ему ввѣряй себя, ибо Онъ сохраняетъ для тебя сокровище на небѣ. Онъ же промышляетъ о тебѣ и на землѣ, пока ты живешь. Хочешь сохранить деньги? Сохраняй, какъ знаешь. Если найдешь лучшаго стража, чѣмъ Христосъ, ему ввѣряй свои деньги. Ввѣряю, говоришь, рабу моему. Хорошо. Насколько же больше долженъ вѣрить ты твоему Господу? И неужели Господу предпочитаешь ты раба? О, христіанинъ! Рабъ твой, можетъ быть, украдетъ и исчезнетъ. А развѣ Христосъ это сдѣлаетъ? Многіе рабы являлись неожиданно врагами по отношенію къ господамъ своимъ и предавали ихъ вмѣстѣ съ ихъ золотомъ. Итакъ, кому же ввѣряешь свои сокровища? Рабу, говоритъ, моему. Я знаю вѣрность раба своего и потому довѣряю ему. Хорошо. Высоко чтишь ты раба своего, золото свое ввѣряешь ему. А душу свою кому? Душу свою ввѣряю я Господу моему. Но не гораздо ли лучше, человѣкъ, и золото твое ввѣрить Тому, Кому ввѣряешь свою душу? Или, можетъ быть, вѣренъ Онъ въ храненіи души твоей и невѣренъ въ храненіи денегъ твоихъ?! Но сохранитъ ихъ для тебя Тотъ, Кто и тебя сохраняетъ. Хвалишь ты вѣрность раба своего?! Да, я знаю, говоришь ты, вѣрность раба своего. Но вся эта вѣрность состоитъ въ томъ, что онъ не обманываетъ, не беретъ твоего, но не въ состояніи не потерять его. Но, вотъ, положилъ онъ сокровища твои, не сумѣлъ спрятать, другой находитъ ихъ и уноситъ. Ужели это можетъ случиться и со Христомъ?

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

Оставь же нерадѣніе и пріими совѣтъ. Дай Христу голодающему, собирай сокровище на небѣ. И какой трудъ собирать для себя сокровище на небѣ? Хотя бы и трудно было это, все же слѣдовало бы полагать сокровища въ мѣстѣ безопасномъ, откуда никто не могъ бы взять ихъ. И когда говоритъ Христосъ: «собирай сокровища на небѣ», не говоритъ тебѣ: «ищи горъ, строй машины, поддѣлывай крылья»,—а говоритъ лишь: «давай Мнѣ на землѣ, и Я сберегу для тебя на небѣ. Для того Я и являюсь на землѣ въ бѣдности, чтобы ты богатымъ явился на небѣ. Сдѣлай же переправу для себя. Быть можетъ, боишься ты обманщиковъ, чтобы не потерять своего и ищешь, кто бы могъ перенести, кто бы могъ переправить. Вотъ, Христосъ помощникъ твой. Не обманетъ Онъ и перенесетъ.

4. Но гдѣ, спроситъ кто-нибудь, найти мнѣ Христа на землѣ? Гдѣ найти Его, чтобы дать Ему. Какъ учитъ меня вѣра моя, что я слышу и чему научился въ церкви, Онъ пострадалъ, умеръ и погребенъ, воскресъ въ третій день и въ сороковой день по воскресеніи вознесся на небо, возсѣлъ одесную Бога Отца, а при скончаніи міра снова придетъ. Когда же здѣсь я могу увидѣть Его? Кому могу дать изъ моего имущества, чтобы тотъ перенесъ къ Нему? Не безпокойся! Неужели ты не читалъ или никогда не слыхалъ, что сказалъ Савлу, когда онъ еще преслѣдовалъ церковь,—гордый и жестокій, пылая ненавистью къ христіанамъ, что сказалъ ему Тотъ, Кого ты исповѣдуешь сидящимъ на небѣ? Вспомни, что сказалъ Онъ ему? «Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня»—(Дѣян. IX, 4)? Кого Павлъ не видѣлъ и не касался, Тотъ говоритъ съ неба: «что ты гонишь Меня?» Не говоритъ: «что гонишь родныхъ Моихъ, рабовъ Моихъ, святыхъ или братьевъ Моихъ». Ничего такого не говоритъ. А что сказалъ? «Что ты гонишь Меня», т.-е., терзаешь члены Моего тѣла. За нихъ, попираемыхъ на землѣ, Глава говоритъ съ неба. Потому что и у тебя, если кто-нибудь наступитъ тебѣ на ногу, языкъ твой говоритъ: «ты наступилъ на меня». Итакъ, что сомнѣваешься, что препираешь? Кто сказалъ Павлу: «что ты гонишь Меня», говоритъ и тебѣ: «питай меня». На землѣ Павелъ свирѣпствовалъ и Христа на небѣ преслѣдовалъ; такъ и ты давай на землѣ и тѣмъ самымъ будешь питать Христа на небѣ. Вѣдь, и этотъ вопросъ, который смущаетъ тебя, разрѣшилъ Господь.

Въ святомъ Евангеліи повѣствуется, что смутятся при всеобщемъ судѣ тѣ, которые будутъ стоять по правую сторону, когда скажетъ имъ Господь: «алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть», они скажутъ Ему: «Господи! когда мы Тебя видѣли алчущимъ?»—И тотчасъ же услышатъ на это: «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ» (Матѳ. XXV, 35—40). Если ты слышалъ это, скажи открыто, что не хочешь дать, и тогда не будешь имѣть извиненія и голосомъ своимъ осудишь себя. Вотъ о богатствѣ твоемъ учитъ тебя Господь Богъ твой и далъ совѣтъ, какъ поступать съ нимъ. Любишь ли богатство? Люблю, говоришь. Переправляй же его и, когда переправишь, самъ слѣдуй за нимъ сердцемъ твоимъ, пока живешь, потому что «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Матѳ. VI, 21). Если же къ землѣ привязываешь сердце твое, стыдись, когда лжешь, отвѣчая на слова: «горѣ имѣемъ сердца» (Sursum cor.). Потому что въ отвѣтъ на эти слова говорится: «имамы ко Господу» (habemus ad Dominum). Лжешь ты передъ Богомъ. Даже въ теченіе одного часа въ церкви не хочешь говорить истины, лжешь передъ Богомъ, какъ поступаешь всегда и передъ людьми. Говоришь: «имамы ко Господу», а сердце твое сокрыто въ землѣ, потому что «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше».

5. Если же ты поступаешь съ богатствомъ твоимъ такъ, какъ слышалъ, если будешь такимъ богачемъ, о какомъ говоритъ апостолъ, не будешь высоко думать о себѣ и полагаться на богатство невѣрное, такъ чтобы собирать себѣ сокровище—доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни, то тогда уже имѣй дерзновеніе ко Господу Богу твоему и говори Ему: «вотъ я, Господи, переправилъ на небо, что имѣлъ, или, если и имѣю что, такъ имѣю, какъ бы не имѣлъ. Такъ ли цѣнно царство небесное, какъ имѣніе твое? Конечно, болѣе цѣнно. И не таково оно, чтобы такъ оцѣнивалось. Это говоритъ тебѣ Господь твой, Коего вопрошаешь ты объ имѣніи своемъ. Только до времени будешь жить ты, а потомъ умрешь; въ царствѣ же Моемъ, говоритъ Господь, никогда не умрешь, но будешь жить вѣчно. Тамъ будешь истиннымъ богачемъ, гдѣ пи-

когда не будешь имѣть нужды. Вѣдь, потому ты ищешь для ѣзды животныхъ, для пропитанія—обильныя кушанья, для одѣянія—драгоцѣнныя одежды, чтобы не ослабѣть. Но развѣ на самомъ дѣлѣ, имѣя многое, ты богатъ, а ангелъ, напр., бѣденъ? Вѣдь, ничего не имѣетъ онъ, ни конемъ, ни колесницей не пользуется, ни столомъ, полнымъ богатыми яствами, ни одеждъ не дѣлается для него, потому что облекается вѣчнымъ свѣтомъ. Старайся же богачъ, пріобрѣтать истинное богатство. Эти земныя богатства хочешь имѣть ты для того, чтобы было у тебя довольно пищи, потому что безъ нея ты ослабѣваешь. Богъ же истинно дѣлаетъ тебя богатымъ, потому что дѣлаетъ тебя сытымъ вовѣкъ. Вѣдь, сколько много ни имѣешь ты, все же, когда наступаетъ время обѣда, ты предъ обѣдомъ чувствуешь голодъ и ослабѣваешь, такъ какъ ты немощенъ. Но развѣ это же самое испытываютъ ангелы? Разумѣется, нѣтъ. Ни голода, ни слабости не испытываетъ ангелъ. Въ концѣ концовъ, ты начинаешь роскошествовать своими обѣдами; это не есть уже удовлетвореніе нужды, а ненужный трудъ (funus curarum). И спокойно ли спишь ты, когда помышляешь объ умноженіи богатства? Если не обманываюсь, я, то, какъ только пріобрѣлъ ты богатство, потерялъ и покой свой. Когда бодрствуешь, помышляешь объ умноженіи богатства; когда спишь, представляются тебѣ разбойники. Днемъ безпокойство, ночью—страхъ, постоянно несчастенъ ты. Истиннымъ богачемъ хочетъ сдѣлать тебя лишь Тотъ, Кто обѣщаетъ тебѣ царство небесное. Но такъ же ли дорого думаешь ты покупать тѣ истинныя богатства, ту истинную, блаженную жизнь, какъ готовъ покупать эти несчастные и полные труда дни? Конечно, гораздо больше должно значить то, что гораздо бо́льшимъ является само по себѣ, именно, царство небесное.

6. Но что же дѣлать мнѣ?—Недоумѣваешь ты. Вотъ, святый епископъ, выслушалъ я увѣщаніе твое, повиновался совѣту твоему, не пренебрегъ повелѣніемъ Божіимъ. Что имѣлъ, отдалъ бѣднымъ, и что имѣю, дѣлю съ нуждающимися. Что большее могу сдѣлать?! Но имѣешь и еще нѣчто, имѣешь себя самого. Самъ ты больше еще. Пусть остаешься ты безъ имѣнія твоего, но ты долженъ отдать еще себя самого. Исполнилъ ли ты совѣтъ Господа твоего? Исполнилъ,

отвѣчаешь. Но что же ты лжешь? Не все ты исполнилъ. Съ одной стороны исполнилъ, а съ другой даже и не пытался. Слушай, что повелѣваетъ Господь: «пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ». Все ли? Нѣтъ. Чтобы не воображалъ тотъ, кто отдаетъ бѣднымъ имѣніе свое, что тѣмъ самымъ вредитъ себѣ, Господь тотчасъ успокоилъ его, говоря: «и будешь имѣть сокровище на небесахъ». Но только ли это? Нѣтъ. Что же еще? «И приходи, и слѣдуй за Мной» (Матѳ. XIX, 21). Любишь ли и хочешь ли слѣдовать за Тѣмъ, Кого любишь? Но Онъ (Господь) удалился, вознесся, и неизвѣстно, гдѣ теперь?! О, христіанинъ! неужели не знаешь, куда ушелъ Господь твой? Сказать ли тебѣ, какъ слѣдовать за Нимъ? Чрезъ гоненія, чрезъ поношенія, чрезъ страданія отъ ложныхъ обвиненій, чрезъ оплеванія, чрезъ удары по щекамъ и удары плетей, чрезъ вѣнецъ терновый, чрезъ крестъ и чрезъ смерть. Что медлишь? Вотъ указалъ тебѣ путь. Тяжелъ, говоришь, путь этотъ. Кто можетъ слѣдовать по нему? Но стыдись, стыдись, отважный, ты, который называешься мужемъ отъ мужества (a virtute vir diceris). Вотъ послѣдовали даже жены, коихъ страданія сегодня прославляемъ мы. Празднество женъ мученицъ Субурбитантскихъ [1]) совершаемъ мы. Гладкимъ, безопаснымъ и надежнымъ этотъ тѣсный и тернистый путь сдѣлалъ для васъ предшествовавшими прохожденіями по нему Господь нашъ и вашъ, Господь нашъ Спаситель, Господь Іисусъ Христосъ, Который царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Какъ думаютъ нѣкоторые, Перпетуи и Фелицаты.

Бесѣда 6-я [1]).

О нашемъ хожденіи вѣрою въ настоящей жизни.

1. Вспомните, братія возлюбленные, что говоритъ апостолъ: «водворяясь въ тѣлѣ, мы устранены отъ Господа. Ибо мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ» (2-е Коринѳ. V, 6—7). И Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который сказалъ: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Іоанн. XIV, 6), восхотѣлъ, чтобы мы направлялись въ своемъ хожденіи черезъ Него и къ Нему. Гдѣ итти намъ, если не по пути? И куда итти, какъ не къ истинѣ и жизни? Вѣдь, по сравненію той жизни съ настоящей, преходящей, коей живемъ мы теперь, эта послѣдняя является смертью,—такъ много перемѣнъ въ ней, такъ мало постоянства, и столь краткимъ временемъ ограничивается она. Недаромъ Господь тому богачу, который спросилъ Его: «Учителю благій? что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?»—отвѣтилъ: «аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди» (Матѳ. XIX, 16—17). Находился онъ, богачъ, въ нѣкоторой жизни, такъ какъ не трупу, хотя все же и не живущему человѣку, говорилъ Господь. Но такъ какъ тотъ спрашивалъ о наслѣдованіи жизни вѣчной, не сказалъ ему Господь: «аще хощеши внити въ животъ вѣчный», но: «аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди», давая, разумѣется, понять этимъ, что

[1]) По общему счету 346-я.

не слѣдуетъ называть жизнью ту жизнь, которая не вѣчна, потому что истинная жизнь не можетъ быть иною, какъ только вѣчною. Отсюда и апостолъ, когда увѣщеваетъ богатыхъ быть милостивыми, заповѣдуетъ, «чтобы они (богатые) благодѣтельствовали, богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны, собирая себѣ сокровище, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни» (1-е Тимоѳ. VI, 18—19). Какую жизнь назвалъ онъ истинной, если не вѣчную жизнь, которая одна только и можетъ быть названа жизнью, потому что она только и есть блаженная жизнь? Вѣдь, во всякомъ случаѣ тѣ богачи, коихъ, по его словамъ, слѣдуетъ увѣщевать достигать вѣчной жизни, въ изобиліи богатствъ пользовались настоящей жизнью. Если бы ее однако апостолъ считалъ истинной жизнью, онъ не сказалъ бы: «собирая себѣ сокровища, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной (veram) жизни», давая этимъ знать, что неистинна жизнь настоящая, жизнь богачей, жизнь, которая глупцами считается не только истинной, но даже блаженною жизнью. Но какъ можетъ быть блаженной жизнь неистинная?! Итакъ, нѣтъ блаженной жизни, кромѣ какъ только вѣчной, которой богачи еще не владѣютъ, какъ бы весело ни проводили настоящую жизнь, и потому они увѣщеваются достигать ея чрезъ дѣла милосердія, чтобы могли услышать на послѣднемъ судѣ слова Господа: «пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть». А что это царство есть жизнь вѣчная, немного послѣ Господь показываетъ то, говоря: «и пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную» (Матѳ. XXV, 34, 35, 40).

2. Пока мы не достигли этой жизни, «мы устранены отъ Господа». «Ибо мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ» (2-е Коринѳ. V, 6—7). «Я есмь путь и истина и жизнь» (Іоанн. XIV, 6), говоритъ Господь. Въ вѣрѣ Онъ—для насъ путь, въ видѣніи же—истина и жизнь. «Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно»,—это есть вѣра; «тогда же лицомъ къ лицу» (1-е Коринѳ. XIII, 12)—это есть видѣніе. Такъ же точно апостолъ говоритъ: «да дастъ вамъ... во внутреннемъ человѣкѣ вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши»,—это есть путь, гдѣ мы познаемъ отчасти. Потомъ,

немного послѣ, онъ добавляетъ: «чтобы вы могли уразумѣть превосходящую разумѣніе любовь Христову, дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіей» (Ефес. III, 16, 17, 19)—это будетъ видѣніе, такъ какъ въ той полнотѣ, когда достигнуто будетъ совершенство, прекратится то состояніе, въ которомъ познаемъ мы отчасти. Далѣе, апостолъ говоритъ еще: «Ибо вы умерли, и жизнь ваша скрыта со Христомъ въ Богѣ»,—это вѣра; а затѣмъ онъ продолжаетъ: «когда же явится Христосъ—жизнь ваша, тогда и вы явитесь съ Нимъ во славѣ» (Колосс. III, 3—4),—это будетъ видѣніе. И св. Іоаннъ говоритъ: «Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ»,—это вѣра. Затѣмъ онъ присовокупляетъ: «знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1-е Іоанн. III, 2),—это будетъ видѣніе. Поэтому и Самъ Господь, Который называетъ Себя путемъ, истиной и жизнью, говоритъ, направляя Свою рѣчь къ іудеямъ, между которыми были увѣровавшіе въ Него, обращаясь именно къ этимъ послѣднимъ: «если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными». Они уже увѣровали въ Него, потому что евангелистъ говоритъ такъ: «тогда сказалъ Іисусъ къ увѣровавшимъ въ Него Іудеямъ: если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоанн. VIII, 31—32). Они уже вѣровали и ходили, какъ бы, по пути, во Христѣ, и Онъ убѣждаетъ ихъ, такимъ образомъ, чтобы, оставаясь на этомъ пути, они стремились далѣе. Къ чему стремились, какъ не къ тому, на что указываетъ Онъ, когда говоритъ: «и истина сдѣлаетъ васъ свободными». Какое это освобожденіе, если не освобожденіе отъ всякой суеты, отъ всякаго поврежденія смерти? Это и есть истинная жизнь, вѣчная жизнь, которой мы еще не достигли, пока «устранены отъ Господа», но достигнемъ со временемъ, потому—что въ Самомъ Господѣ вѣрою ходимъ, если твердо пребываемъ въ словѣ Его. Вѣдь, соотвѣтственно словамъ: «если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики»; а соотвѣтственно словамъ: «и истина и жизнь»,—говоритъ также: «и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными». Въ этомъ странствованіи по-

указанному Христомъ пути, въ этой вѣрѣ чѣмъ буду утверждать васъ, какъ не словами апостола: «итакъ, возлюбленные, имѣя такія обѣтованія, очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, совершая святыню въ страхѣ Божіемъ» (2-е Кор. VII, 1). Тѣ, которые хотятъ достигнуть того свѣта чистѣйшей и неизмѣнной истины, помимо вѣры, хотя нельзя взирать на Него иначе, какъ только очищеннымъ вѣрою сердцемъ, потому что «блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ» (Матѳ. V, 8), подобны людямъ слѣпымъ, которые вещественный свѣтъ этотъ сначала хотятъ видѣть для того, чтобы исцѣлиться отъ слѣпоты, хотя не могутъ его видѣть, прежде чѣмъ не исцѣлятся.

Бесѣда 7-я [1]).

О страхѣ Божіемъ.

1. Много наставленій для насъ имѣется, братія, о страхѣ Божіемъ, и какъ полезно бояться Бога, объ этомъ слово Божіе говоритъ многократно. Насколько позволитъ краткость времени, выслушайте меня со вниманіемъ, меня, желающаго припомнить кое-что изъ этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ и сдѣлать нѣкоторыя поясненія къ тому. Кто не радуется своему разумѣнію или не желаетъ его? Но что говоритъ Писаніе? «Начало мудрости—страхъ Господень» (Псал. 110, 10). Кому не пріятно царствовать? Но послушаемъ, чему поучаетъ Духъ Святой въ псалмѣ: «Итакъ, вразумитесь, цари, научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхомъ и радуйтесь (предъ Нимъ) съ трепетомъ» (Псал. II, 10—11). Поэтому и апостолъ говоритъ: «со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе» (Филипп. II, 12). Читаемъ мы также въ Писаніи: «если желаешь премудрости, храни правду, и Господь подастъ ее тебѣ» (Сир. I, 26). Многихъ мы встрѣчаемъ весьма равнодушныхъ къ правдѣ и въ то же время жаждущихъ мудрости. Такихъ Божественное Писаніе научаетъ, что нельзя достигнуть этого иначе, какъ только исполненіемъ того, чѣмъ они пренебрегаютъ. «Соблюдай, сказано, правду (въ русскомъ текстѣ—заповѣди), и Господь подастъ ее тебѣ». Но кто можетъ, не имѣя страха Божія, хранить правду? И въ другомъ мѣстѣ

[1]) По общему счету 347-я.

говорится: «не имѣющій страха не можетъ оправдаться» (Сир. I, 21). Такимъ образомъ, если Господь не подаетъ премудрости никому, какъ только соблюдающему правду, и если не имѣющій страха не можетъ и оправдаться, то естественно слѣдуетъ отсюда, что «начало мудрости — страхъ Господень».

2. И пророкъ Исаія, когда говоритъ о семи важнѣйшихъ дарахъ Св. Духа, начинаетъ съ премудрости и кончаетъ страхомъ Божіимъ, какъ бы съ высоты спускаясь къ намъ внизъ, чтобы научить насъ, какъ восходить вверхъ. Началъ онъ съ того, до чего мы хотимъ достигнуть, и приходитъ туда, откуда намъ слѣдуетъ начинать. «И почіетъ на Немъ, говоритъ пророкъ, Духъ Господень, Духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Божія» (въ русскомъ текстѣ—«и страхомъ Господнимъ исполнится») (Исаіи, XI, 2—3). Итакъ, какъ пророкъ не вслѣдствіе сознанія своей немощности, но чтобы научить насъ, нисходитъ отъ премудрости до страха Божія, такъ намъ не по гордости какой-либо, но для преспѣянія нашего слѣдуетъ восходить отъ страха къ премудрости. «Начало премудрости—страхъ Господень». Онъ есть именно та долина плача, о которой упоминаетъ псалмопѣвецъ, когда говоритъ: «восхожденія въ сердцѣ своемъ положи во юдоль плачевную»... (LXXXIII, 6). Подъ образомъ долины обозначается, конечно, смиреніе. Но кто смиренъ, если не боящійся Бога и вслѣдствіе этой боязни сокрушающійся о грѣхахъ своихъ въ слезахъ покаянія и исповѣданія? Сердца сокрушеннаго и смиреннаго Богъ не презираетъ (Пс. L, 19). Но пусть не боится таковый, что останется онъ въ долинѣ плача. Въ самомъ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ, коего не презираетъ Господь, положилъ Онъ (Господь) восхожденія, чтобы мы восходили къ Нему. Потому что такъ говоритъ псалмопѣвецъ: «восхожденія въ сердцѣ своемъ положи, во юдоль плачевную, въ мѣсто, еже положи...» (Псал. LXXXIII, 6—7). Гдѣ совершаются восхожденія? Въ сердцѣ. Но откуда же нужно восходить? Отъ долины плача. А куда? «Въ мѣсто, сказано, еже положи». Какое это мѣсто, какъ не мѣсто покоя и мира? Тамъ именно и пребываетъ чистая, всегда славная премудрость. Поэтому Исаія въ цѣляхъ назиданія нашего нисходитъ отъ премудрости до страха, именно

отъ мѣста непрестаннаго мира до долины временнаго плача, чтобы мы, исповѣдуя грѣхи свои со скорбію, воздыханіями и плачемъ, не оставались все время въ скорби, стенаніяхъ и плачѣ, но, восходя отъ этой долины къ духовному возвышенію, на которомъ воздвигнуто святое царство Іерусалима, вѣчная матерь наша, наслаждались тамъ невозмутимою радостію. Итакъ, онъ (пророкъ) послѣ того, какъ назвалъ премудрость, то-есть неизсякающій свѣтъ мысли, называетъ затѣмъ разумъ; и какъ бы на вопросъ: «отъ чего мы переходимъ къ премудрости?»—отвѣчаетъ: отъ разума. А отъ чего къ разуму? Отъ совѣта. Отъ чего къ совѣту? Отъ крѣпости. Отъ чего къ крѣпости? Отъ вѣдѣнія. Отъ чего къ вѣдѣнію? Отъ благочестія; къ благочестію—отъ страха. Итакъ, до мудрости доходимъ мы отъ страха, потому что «начало премудрости—страхъ Господень». Такъ отъ долины плача поднимаемся мы до вершины мира.

3. Вотъ смиренные именно и находятся въ долинѣ плача, когда съ трепетомъ приносятъ Богу сердце свое сокрушенное и смиренное. Отсюда поднимаются они до благочестія, такъ что уже не противятся Его волѣ, ни въ словѣ Его, когда не разумѣютъ Его смысла, ни въ жизни, хотя бы многое совершалось здѣсь иначе, чѣмъ хочетъ того единичная воля человѣка. Въ этомъ именно случаѣ слѣдуетъ говорить: «впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты, Отче» (Матѳ. XXVI, 39). «Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю» (Матѳ. V, 5), не землю мертвыхъ, но ту, о которой сказано: «Ты прибѣжище мое и часть моя на землѣ живыхъ» (Псал. 141, 5). Этимъ благочестіемъ своимъ они пріобрѣтаютъ затѣмъ способность вѣдѣнія, такъ что не только становятся способными сознавать силу грѣховъ своихъ прежнихъ, о коихъ горько сокрушались на первой ступени покаянія, но узнаютъ также, въ какомъ худомъ состояніи омертвѣнія и отчужденія находятся они, хотя бы земное счастье и улыбалось имъ. Не даромъ же написано: «кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь» (Еккл. I, 18). Но «блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся» (Матѳ. V, 4). Отсюда восходятъ они къ духу крѣпости, когда міръ умираетъ для нихъ, и они для міра, такъ что среди превратностей этой жизни и множества неправды любовь въ нихъ не оскудѣваетъ, но возрастаетъ иска-

ніе и жажда правды, пока не насытятся въ безконечномъ царствѣ святыхъ и общеніи съ ангелами. Потому что «блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся» (Матѳ. V, 6). Однакоже вслѣдствіе тяжести искушеній и соблазновъ, такъ какъ сказано: «горе міру отъ соблазновъ» (Матѳ. XVIII, 7), человѣческая слабость можетъ поддаваться обольщеніямъ, и поэтому необходимо имѣть духъ совѣта. Потому что не такъ сильна бываетъ въ этой преходящей жизни способность крѣпости, чтобы, если кому предстоитъ борьба съ лукавымъ противникомъ, онъ не терпѣлъ иногда пораженій, особенно чрезъ искушеніе языка, такъ какъ если кто скажетъ брату своему: «безумный», подлежитъ геенне огненной» (Матѳ. V, 22). Итакъ, что же есть духъ совѣта, если не то, на что указываетъ Господь, когда говоритъ: «прощайте, и прощены будете» (Лук. VI, 37). Поэтому, какъ въ порядкѣ даровъ Духа Святаго духъ совѣта полагается на пятомъ мѣстѣ, такъ въ Евангеліи въ пятой заповѣди блаженствъ ублажаются милостивые: «блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ» (Матѳ. V, 7). Шестымъ считается у пророка Исаіи (въ обратномъ порядкѣ) духъ разума, когда сердца очищаются отъ всякаго призрака плотской суеты, и до конца человѣкъ руководится чистымъ стремленіемъ. Поэтому и въ 6-ой заповѣди блаженствъ Господь говоритъ: «блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ» (Матѳ. V, 8). Когда же достигнетъ человѣкъ послѣдней степени совершенства, онъ останавливается, успокоивается, наслаждаясь блаженнымъ миромъ. Но кто является концемъ для насъ, какъ не Христосъ Богъ? «Потому что конецъ закона Христосъ къ праведности всякаго вѣрующаго» (Римл. X, 4). И кто премудрость Божія, кто Сынъ Божій, какъ не Христосъ? Въ немъ дѣлаются всѣ, кто бы они ни были, мудрецами и дѣтьми Божіими, и это есть полный и вѣчный миръ. И потому, какъ у Исаіи даръ мудрости считается седьмымъ для восходящихъ снизу вверхъ, хотя самъ онъ, научая насъ спускается, наоборотъ, сверху внизъ, такъ и Господь въ утѣшеніе насъ въ седьмой заповѣди блаженствъ ублажаетъ миротворцевъ: «блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими» (Матѳ. V, 9). Итакъ, имѣя такія обѣтованія и восходя по этимъ степенямъ къ Богу, бу-

демъ переносить мужественно всѣ обиды и жестокости міра, и пусть не одолѣваетъ насъ его злоба, побѣдивъ которую, мы будемъ наслаждаться вѣчнымъ миромъ. Къ этому и призываетъ насъ, въ концѣ концовъ, восьмая заповѣдь блаженствъ: «блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное» (Матѳ. V, 10).

Бесѣда 8-я [1]).

О страхѣ Божіемъ.

1. Не сомнѣваюсь, братія возлюбленные, въ томъ, что въ сердцахъ вашихъ коренится страхъ Божій, которымъ можете достигать вы истинной, дѣйствительной крѣпости. Хотя храбрымъ называется тотъ, кто никого не боится, ошибочно однако называется храбрымъ тотъ, кто не боится Бога, такъ чтобы, боясь, слушаться Его, слушаясь, любить и, любя, уже не бояться. Тогда Онъ будетъ истинно безстрашнымъ, не вслѣдствіе горделивой самонадѣянности (duritia), но вслѣдствіе безтрепетной справедливости. «Въ страхѣ предъ Господомъ — надежда твердая», говорится въ Писаніи (Притч. XIV, 26). Когда страхъ поддерживается опасностью наказанія, коимъ угрожаютъ, научаются любить награду, которая обѣщается, и такимъ образомъ чрезъ страхъ предъ наказаніемъ устанавливается добрая жизнь, а чрезъ добрую жизнь воспитывается добрая совѣсть, для которой не страшно никакое наказаніе. Поэтому пусть научается бояться тотъ, кто не хочетъ бояться. Пусть нѣкоторое время побудетъ въ тревогѣ тотъ, кто хочетъ пользоваться вѣчнымъ покоемъ. Потому что, какъ говоритъ апостолъ, «въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ» (Іоан. IV, 18). Правильно, истинно сказалъ онъ. Если не хочешь имѣть страха, подумай прежде, имѣешь ли любовь совершенную, которая изгоняетъ страхъ. Если же прежде этого совершен-

---

[1]) По общему счету 348-я.

ства изгоняется страхъ, въ такомъ случаѣ вдохновляетъ тебя гордость, а не любовь назидающая. И какъ при добромъ здоровьѣ голодъ устраняется не пренебреженіемъ къ пищѣ, а вкушеніемъ ея, такъ и при нормальномъ состояніи духа въ человѣкѣ страхъ изгоняется не самомнѣніемъ, а любовью.

2. Изслѣдуй же свою совѣсть всякій, не желающій имѣть страха. Не заботься только о своей наружности, войди въ себя, внутрь сердца своего. Тщательно изслѣдуй, не всасываетъ ли и не впитываетъ ли какая-нибудь отравленная тамъ вена любви порочной, не возбуждаешься ли и не увлекаешься ли ты какой-либо приманкой плотского удовольствія, не надмеваешься ли какою-либо пустою кичливостью, не поглощаешься ли какими пустыми заботами, можешь ли сказать, что ты видишь себя чистымъ и безупречнымъ, какія бы ни находилъ извиненія для себя въ своей совѣсти, отъ дѣлъ, словъ и помышленій худыхъ. И если ты чистъ отъ какой-либо неправды, не овладѣваетъ ли тобой равнодушіе къ правдѣ. Если ты отъ всего этого свободенъ, справедливо радуешься, радуйся, что ты безъ страха. Пусть изгонитъ его любовь къ Богу, Котораго любишь ты всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Пусть изгонитъ его любовь къ ближнему, коего любишь ты, какъ себя самого, и о коемъ ты много хлопочешь затѣмъ, чтобы и онъ вмѣстѣ съ тобою любилъ Бога всѣмъ сердцемъ, и всею душею, и всѣмъ разумѣніемъ. Потому что не въ иномъ случаѣ правильно любишь ты себя самого, какъ только если любишь Бога, такъ любишь, чтобы любить Его не менѣе и въ томъ случаѣ, когда обращаешься къ себѣ самому. Когда же, пусть даже внутри не возбуждаешься ты никакою страстью (кто однако осмѣлится утверждать это о себѣ), любишь ты самого себя въ самомъ себѣ и любуешься самъ собой, то вотъ этого самаго и бойся больше всего, именно того, что ты ничего не боишься. Не всякою любовью изгоняется страхъ, но любовью истинной, когда мы всецѣло любимъ Бога и потому любимъ ближняго, чтобы и онъ также любилъ Бога. Любить же себя самого въ себѣ самомъ и любоваться самимъ собой,—это не любовь истинная, а пустое киченіе гордости. Потому и апостолъ справедливо упрекаетъ людей самолюбивыхъ и себѣ самимъ нравящихся (2-е къ Тимоѳ. III, 1—5). «Но совершенная любовь изгоняетъ страхъ». Однако ту любовь лишь можно назвать любовью, которая не есть любовь суетная. Но что суетнѣе человѣка безъ Бога? Суетная любовь у того, кто любитъ себя самого въ себѣ самомъ, а не въ Богѣ. Справедливо поэтому говорится: «не гордись, но бойся» (Римл. XI, 20). Кто гордится и потому не боится, во всякомъ случаѣ подвергается опасности, не въ безопасномъ мѣстѣ находится онъ, вдохновляясь духомъ гордости. Не кротокъ и не благочестивъ тотъ, кто самъ себя только любитъ и хвалитъ, но надменъ и дерзокъ. Не хочетъ знать онъ словъ Писанія: «Господомъ будетъ хвалиться душа моя; услышатъ кроткіе и возвеселятся» (XXXIII, 3). Что же добраго, когда кто, любя такъ себя самого, ничего не боится? Не въ разумѣ онъ можетъ найти оправданіе себѣ въ такомъ случаѣ, а лишь въ ожесточеніи. Вотъ, напр., возьмемъ какого-либо отчаяннаго изъ разбойниковъ. Насколько безумно онъ храбръ, настолько гибельно для себя жестокъ, потому что вслѣдствіе любви къ себѣ, изъ-за которой онъ ничего не боится, совершаетъ тяжкія преступленія, такъ что не только развиваетъ страсть свою, но, развивая, хочетъ укрѣпить ее. И насколько больше будутъ преступленія его, настолько бо́льшая будетъ въ немъ дерзость. Не должно, слѣдовательно, считать за великое благо то, что можно найти въ человѣкѣ самомъ испорченномъ.

3. Поэтому заслуживаютъ посмѣянія философы этого міра, и не только эпикурейцы, которые продаютъ самую правду за цѣну плотскихъ удовольствій. Для того, говорятъ эти послѣдніе, нужно быть мудрымъ и справедливымъ, чтобы находить и пользоваться удовольствіями тѣлесными. Они также считаютъ себя неустрашимыми и говорятъ, что ничего не боятся, потому что не допускаютъ, чтобы Богъ имѣлъ какое-либо попеченіе о дѣлахъ человѣческихъ, и не вѣрятъ, что послѣ этой жизни наступитъ другая. И если какія-либо превратности случаются съ ними въ этой жизни, они думаютъ вознаградить себя тѣмъ, что могутъ соуслаждаться въ душѣ помышленіемъ о плотскихъ удовольствіяхъ, когда не могутъ пользоваться ими на самомъ дѣлѣ, и такимъ услажденіемъ хотятъ достигать блаженства плотскихъ утѣшеній, находясь подъ бременемъ скорбей тѣлесныхъ. Развѣ и у нихъ любовь не изгоняетъ страха? Но это—любовь къ не-

чистымъ удовольствіямъ, скорѣе—любовь пустой постыдной суеты. Потому что, когда являющаяся скорбь лишитъ тѣло его удовольствія, остается въ душѣ только представленіе о немъ и одинъ лишь образъ пустоты. Эта пустота и любится только, такъ что, когда пустой человѣкъ ухватывается за нее всѣмъ сердцемъ, отъ того будто бы и тяжесть скорби смягчается. И не только они (эпикурейцы) достойны осмѣянія, но даже и стоики. Представители этихъ именно двухъ направленій, какъ читаемъ мы въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, осмѣлились бросать суесловіе свое противъ нашего Павла (Дѣян. XVII, 18). Вѣдь, и стоики считаютъ себя неустрашимыми, не по причинѣ удовольствій тѣлесныхъ, но по причинѣ отваги (стойкости) духа, т.-е. хотятъ избѣжать страха по причинѣ изгнанія способности къ страху, надмеваясь злобой, будучи не мудростію научены, а ожесточившіеся въ своемъ заблужденіи. И, конечно, постольку они являются малоразумными, поскольку воображаютъ, что больной духъ можетъ стать здоровымъ именно у нихъ. Здоровье же души, полагаютъ они, состоитъ въ томъ, что мудрый, по ихъ словамъ, не долженъ имѣть состраданія. Потому что, если кто страдаетъ, говорятъ они,—тотъ скорбитъ. А кто скорбитъ, того нельзя назвать здоровымъ. О, безумное ослѣпленіе! Что же если онъ тѣмъ меньше скорбитъ, чѣмъ менѣе здоровъ?! Другое дѣло, когда не бываетъ скорби по причинѣ совершеннаго здравія, каковымъ будетъ тѣло и духъ святыхъ, по воскресеніи мертвыхъ, въ которое они (стоики) не вѣрятъ, потому что имѣютъ невѣжественныхъ наставниковъ, выдавая за учителей себя самихъ. Есть разница,—является ли скорбь вслѣдствіе здоровья, или вслѣдствіе слабости. Судя по состоянію настоящей тлѣнности, здоровое тѣло, когда мучится, скорбитъ. Таковъ же и духъ, который, будучи уязвленъ несчастіемъ страждущаго, соболѣзнуетъ своимъ милосердіемъ. Но тѣло, оцѣпенѣвшее по причинѣ тяжкой болѣзни, или сдѣлавшись мертвымъ по причинѣ потери духа, уже, хотя и болѣетъ, не чувствуетъ однако боли. Таковъ же и духъ тѣхъ, которые мудрствуютъ или, скорѣе, гибнутъ безъ Бога. Какъ тѣло оживляется духомъ, такъ и духъ самъ живетъ, будучи оживляемъ Богомъ. Пусть же подумаютъ тѣ, кои не скорбятъ и не боятся, о томъ, что, можетъ быть, они не здравы, но мертвы.

4. Итакъ, пусть имѣетъ страхъ христіанинъ, прежде чѣмъ совершенная любовь не изгонитъ страха. Пусть вѣритъ и знаетъ, что онъ «устраненъ отъ Господа», пока живетъ въ тѣлѣ, которое тлѣнно и отягощаетъ душу. И тѣмъ меньше пусть будетъ страха, чѣмъ ближе будетъ отечество, куда мы стремимся. Большій страхъ долженъ быть у находящихся вдали, меньшій—у приближающихся, никакого страха нѣтъ у достигающихъ. Такъ страхъ приводитъ къ любви, и совершенная любовь изгоняетъ страхъ. Пусть же боится христіанинъ, но не тѣхъ, которые убиваютъ тѣло и не могутъ больше что сдѣлать, но Того, Кто можетъ и тѣло и душу ввергнуть въ геенну огненную (Лук. XII, 4—5). Есть однако другой страхъ, страхъ Господень, чистый, пребывающій вовѣкъ (Псал. XVIII, 10). Но не его совершенная любовь изгоняетъ вонъ, иначе онъ не пребывалъ бы во вѣкъ, и не напрасно, когда сказано: «страхъ Господень»,—прибавлено «чистый», а также «пребывающій вовѣкъ». Почему страхъ, который изгоняется вонъ любовію, мучитъ душу, если не потому, что мы боимся потерять послѣ смерти нѣчто изъ того, что нравится намъ, напр., неповрежденность тѣла и его спокойствіе или что-либо подобное. Поэтому и страшны намъ въ царствѣ мертвыхъ наказанія и скорби, и муки геенскія. Когда же духъ бодрствуетъ и его не оставляетъ Богъ, тогда бываетъ страхъ чистый, пребывающій вовѣкъ. Объ этомъ я поподробнѣе сказалъ бы, если бы рѣчь моя, безъ того уже достаточно длинная, не побуждала меня пощадить и свои старческія силы, и ваше вниманіе.

Бесѣда 9-я [1])

О любви и о слѣпцѣ прозрѣвшемъ.

1. Незадолго предъ этимъ, братія, апостолъ, когда читалось его посланіе, говорилъ намъ о любви и такъ ее онъ изображаетъ намъ, что безъ нея всѣ прочія, хотя бы и великія, дарованія Божіи нисколько неполезны. Когда же она есть, она не остается одной. Итакъ, воздадимъ же любви вашей слово о любви. Одна есть любовь божественная, другая — человѣческая. И человѣческая бываетъ позволенная иная, другая—не позволенная. Объ этихъ трехъ родахъ любви (charitatibus vel dilectionibus, потому что два имени имѣетъ она у латинянъ, по-гречески же называется однимъ словомъ ἀγάπη) и постараюсь сказать вамъ, если Господь поможетъ мнѣ. Итакъ, первая обязанность моя, какъ я сказалъ, указать, что есть любовь божеская и человѣческая, и что человѣческая любовь бываетъ двоякая: дозволенная и недозволенная. Сначала я буду говорить о любви человѣческой дозволенной, которая не запрещается; потомъ—о любви человѣческой же, которая осуждается, и, наконецъ—о любви Божеской, которая приводитъ насъ къ блаженству.

2. Если сказать кратко, позволенная любовь есть та, когда мужъ любитъ свою жену, а непозволенная,—когда онъ любитъ блудницу или чужую жену. Въ мѣстахъ увеселительныхъ и на улицахъ въ большомъ почтеніи любовь недозволенная, когда любятъ блудницъ. Въ дому же Бога, въ храмѣ Его, во градѣ Христовомъ, въ Христовомъ тѣлѣ любовь къ блудницѣ ведетъ любящаго къ геенне. Пользуйтесь же любовью дозволенной; человѣческая она, но все же,

[1]) По общему счету 349-я.

какъ сказалъ я, дозволенная. Не только дозволяется она въ видѣ уступки, но такъ дозволяется, что если ея не будетъ, то это ставится въ упрекъ, и она предлагается въ видѣ совѣта. Итакъ, пусть позволительно будетъ вамъ любить женъ вашихъ, дѣтей, друзей вашихъ, любить вашихъ гражданъ. Всѣ эти наименованія имѣютъ характеръ необходимости и какъ бы нѣкоторое притяженіе любви. Но вы знаете, что такая любовь можетъ быть и у нечестивыхъ, т.-е. у язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ. Кто изъ нихъ не любитъ жены, дѣтей, братьевъ, близкихъ, сосѣдей, друзей и т. д.? Это есть именно любовь человѣческая. Отсюда, если кто настолько жестокъ, что защищаетъ въ себѣ человѣческую способность любви и не любитъ своихъ сыновей, не любитъ жены своей, тотъ не имѣетъ права считаться и между людьми. Не заслуживаетъ, правда, и похвалы тотъ, кто любитъ сыновей своихъ, но вмѣстѣ заслуживаетъ осужденія тотъ, кто не любитъ ихъ. Пусть таковой обратитъ вниманіе на то, что, вѣдь, любятъ дѣтей своихъ даже и звѣри, любятъ дѣтей аспиды, любятъ тигры, любятъ львы. Нѣтъ животнаго, которое не ласкало бы дѣтей своихъ. Хотя иное изъ животныхъ и устрашаетъ людей, дѣтей своихъ однакоже лелѣетъ. Рыкаетъ левъ среди лѣсовъ, и никто не проходитъ мимо него. Но вотъ входитъ онъ въ свою пещеру, гдѣ у него дѣтеныши, и оставляетъ ярость своей дикости, оставляетъ ее какъ бы внѣ, не входитъ съ ней туда. Поэтому кто не любитъ дѣтей своихъ, дѣлается даже хуже льва. Естественна эта любовь, слѣдовательно, и дозволена.

3. Но остерегайтесь любви недозволенной. Вы—члены Христовы и тѣло Его. Слушайте апостола и устрашайтесь. Не могъ онъ сказать выразительнѣе, сильнѣе и ярче, чѣмъ когда сказалъ: «Итакъ, отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы»? И, сказавъ это, далѣе говоритъ: «или не знаете, что совокупляющійся съ блудницей становится одно тѣло съ ней». Затѣмъ, приводитъ свидѣтельство отъ Писанія, гдѣ говорится, что «два будутъ одна плоть» (1-е Коринѳ. VI, 15—16 и Быт. II, 24). Сказано это о мужѣ и женѣ по вдохновенію свыше, но лишь касательно того, что дозволено, что допускается, что честно, но не о томъ, что постыдно, что недозволено и достойно осужденія со стороны здраваго смысла. Какъ въ дозволенномъ соеди-

неніи мужа и жены дѣлаются два одною плотью, такъ же точно и въ недозволенномъ сопряженіи блудницы и прелюбодѣя. Если же это такъ, то пусть устрашитъ, пусть заставитъ содрогнуться тебя то, что сказано: «Итакъ, отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы»? Помни о членахъ Христовыхъ ты, христіанинъ, но не ищи въ другомъ членовъ Христовыхъ, въ себѣ самомъ соблюдай ихъ, потому что купленъ ты кровью Христовой. «Итакъ, отниму ли члены Христовы, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы»? Кто не страшится словъ этихъ, тотъ не боится Бога.

4. Горячо, горячо умоляю васъ объ этомъ, братія мои. Предположимъ, чего нѣтъ, именно, что Господь обѣщалъ таковымъ безнаказанность и сказалъ: «кто сдѣлаетъ это, того Я помилую, того не осужу». Допустимъ, что такъ сказалъ Господь. Но даже и при обѣщаніи этой безнаказанности кто осмѣлится отнять члены Христовы и сдѣлать ихъ членами блудницы? Не сдѣлаетъ этого, если есть у него третья любовь—Божеская, потому что три рода любви назвалъ я. О трехъ родахъ, насколько поможетъ мнѣ Богъ, обѣщался я сказать вамъ: о человѣческой дозволенной, о другой человѣческой—недозволенной и, наконецъ, о высшей любви — Божеской. Вопросимъ эту Божескую любовь, положимъ предъ ней тѣ два рода любви и скажемъ: вотъ дозволенная любовь человѣческая, которой любятъ люди своихъ женъ, дочерей и другихъ, въ силу нѣкоторыхъ естественныхъ влеченій. А вотъ другая любовь—недозволенная, когда любятъ блудницъ, чужихъ служанокъ, чужихъ дочерей, не высватанныхъ и не обрученныхъ, когда любятъ чужую жену. Вотъ двѣ любви передъ тобою. Съ которой изъ нихъ хотѣла бы ты быть вмѣстѣ? Если захочешь оставаться съ дозволенной, не будешь имѣть общенія съ той—недозволенной. Никто пусть не говоритъ: «я хочу имѣть обѣ». Если обѣ хочешь имѣть, давая мѣсто и любви къ блудницѣ, наносишь оскорбленіе той любви, которая обитаетъ въ тебѣ,—любви высшей. И думаю, что если ты человѣкъ женатый и любишь блудницу, ты не впускаешь ея въ домъ свой, чтобы жила она тамъ вмѣстѣ съ женою твоею. До этого не доходишь; ищешь тьмы, ищешь мѣстъ закрытыхъ. Не хочешь открывать позора своего. Но и тѣ, которые не имѣютъ женъ, и имѣютъ какъ бы больше правъ на любовь къ блудницамъ (потому

говорю: какъ бы—quasi,—что и они понесутъ осужденіе, если принадлежатъ къ обществу вѣрующихъ),—думаю, что и юноша, еще не имѣющій жены, если любитъ блудницу, не допускаетъ все же, чтобы она жила съ его сестрою или матерью, чтобы не оскорбить ихъ стыдливости, чтобы не унизить благородства своего рода. Итакъ, если ты не допускаешь, чтобы блудница, та, которую ты любишь, жила вмѣстѣ съ твоею матерью или сестрой, чтобы не унизить, какъ сказалъ я, благородства своей крови, станешь ли допускать, чтобы въ сердцѣ твоемъ любовь къ блудницѣ обитала вмѣстѣ съ любовью къ Богу, и оскорблять кровь Христову?

5. Любите же Бога. Ничего нѣтъ лучше Его. Любите вы серебро, потому что оно лучше желѣза и мѣди. Любите болѣе еще золото, потому что оно лучше серебра. Любите еще болѣе драгоцѣнные камни, потому, что они превосходятъ цѣною и золото. Любите, наконецъ, этотъ свѣтъ, лишиться котораго боится всякій, кто боится смерти. Любите, говорю, этотъ свѣтъ, почему его желалъ съ такою сильною страстью тотъ человѣкъ, который кричалъ вслѣдъ Іисусу: «Помилуй меня, Сынъ Давидовъ»! Кричалъ слѣпой, когда Христосъ проходилъ мимо. Боялся, какъ бы не прошелъ Онъ мимо и не оставилъ его безъ исцѣленія. И какъ кричалъ? Не молчалъ даже, когда толпа удерживала его. Побѣдилъ онъ противника, удержалъ Спасителя. Когда толпа перебивала его и удерживала, Христосъ остановился, позвалъ его и сказалъ: «чего ты хочешь отъ Меня»?—«Господи! чтобы мнѣ прозрѣть»... «Прозри! вѣра твоя спасла тебя» (Лук. XVIII, 41—42). Любите же и Христа. Ищите свѣта, который есть Христосъ. Если тотъ слѣпецъ искалъ свѣта тѣлеснаго, насколько болѣе вы должны искать свѣта для сердца своего? Къ Нему взывать будемъ не голосами, а жизнью нашей. Станемъ жить хорошо. Станемъ презирать міръ. Пусть въ ничто вмѣнится для васъ все преходящее. Пусть станутъ упрекать насъ, когда мы будемъ жить такъ, какъ бы изъ сочувствія къ намъ люди этого вѣка, любящіе землю, гонящіеся за прахомъ, нисколько не помышляющіе о небесномъ, вдыхающіе душею и тѣломъ всякія свободныя вѣянія,—будутъ, безъ сомнѣнія, они упрекать насъ и скажутъ, если увидятъ, что мы презираемъ все это человѣческое, земное: «зачѣмъ терпишь? что глупишь?» Толпа та препятствовала, чтобы

слѣпецъ не кричалъ. Есть также много и христіанъ, которые препятствуютъ жить по-христіански,—такъ какъ, вѣдь, и та толпа была со Христомъ и взывающему ко Христу человѣку, ищущему у Него свѣта, препятствовала получить благодѣяніе отъ Него. Есть такіе христіане. Но мы постараемся одолѣть ихъ, будемъ проводить добрую жизнь, и самая добрая жизнь эта пусть будетъ воплемъ нашимъ ко Христу. Онъ остановится, потому что всегда съ нами (quia stat).

6. Великая тайна въ томъ, что проходитъ Христосъ мимо, когда слѣпецъ взывалъ къ Нему,—когда же исцѣлилъ, остановился. Прохожденіе Христа мимо пусть побудитъ насъ усерднѣе взывать къ Нему. Что такое знаменуетъ прохожденіе мимо Христа? Все, что Онъ ни претерпѣлъ за насъ во времени,—все это есть прохожденіе Его мимо. Родился Онъ, и это миновало, такъ какъ теперь уже Онъ не рождается. Возрасталъ,—но неужели и теперь возрастаетъ? Питался сосцами Матери,—но неужели и теперь питается? Пользовался сномъ, когда уставалъ,—неужели и теперь пользуется? Вкушалъ пищу и пилъ воду,—но неужели и теперь дѣлаетъ это? Наконецъ, былъ схваченъ, связанъ, подвергался ударамъ, увѣнчанъ былъ вѣнцемъ терновымъ, получалъ удары по щекамъ, подвергался оплеванію, повѣшенъ былъ на древѣ, умерщвленъ, прободенъ копьемъ и погребенный воскресъ,—во всѣхъ этихъ событіяхъ какъ бы прошелъ мимо Іисусъ. Затѣмъ Онъ вознесся на небо и сѣлъ по правую сторону Бога Отца,—здѣсь сталъ Іисусъ. Взывай же къ Нему, насколько можешь; только когда будешь взывать къ Нему, Онъ просвѣщаетъ. Впрочемъ, и въ отношеніи того, что сказано: «и Слово было у Бога, и Слово было Богъ», конечно остановился Христосъ, потому что въ этомъ отношеніи Онъ былъ неизмѣненъ. Плоть чрезъ прохожденіе Его много перенесла и пострадала, но Слово пребыло неизмѣннымъ. Этимъ именно Словомъ просвѣщается сердце, потому что этимъ же Словомъ прославляется и плоть, которую воспринялъ Онъ (Христосъ). Если отнимешь Слово, что тогда представлять будетъ плоть; то же, что и твоя. И лишь тогда плоть Христа дѣлается достойной прославленія, когда «Слово стало плотью и обитало съ нами» (Іоан. I, 1, 14). Будемъ же взывать ко Христу и проводить добрую жизнь.

7. Любите дѣтей вашихъ, любите женъ вашихъ, хотя бы во время этой жизни (saeculariter). Но слѣдуетъ любить по Христу, имѣть попеченіе о нихъ по Богу и не иначе, какъ чтобы любить въ нихъ Христа и ненавидѣть въ нихъ то состояніе, когда они не захотѣли бы имѣть Христа. Это именно есть любовь Божеская. Какая польза имъ отъ преходящей, мимолетной любви вашей? Поэтому, когда любите и по-человѣчески, все же болѣе любите Христа. Не говорю, чтобы не любилъ ты жены своей, но больше люби Христа. Не говорю, чтобы не любилъ отца, или дѣтей, но сильнѣе люби Христа. Слушай Его, не думай, что это мои слова: «кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня» (Матѳ. X, 37). Неужели не боишься, когда слышишь: «не достоинъ Меня»? Тотъ, о комъ говоритъ Христосъ: «не достоинъ Меня», не будетъ съ Нимъ. А кто не будетъ съ Нимъ, гдѣ же будетъ? Если не любишь быть съ Нимъ, бойся безъ Него остаться. Почему? Потому что будешь съ діаволомъ, если не будешь со Христомъ. Но гдѣ будетъ діаволъ? Слушай Самого Господа, говорящаго: «идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его» (Матѳ. XXIX, 41). Если огнемъ слова Божія не возбуждаешься, бойся огня геенскаго. Если не хочешь быть среди ангеловъ Божіихъ, бойся оказаться среди ангеловъ діавола. Если не хочешь быть въ царствѣ, бойся, чтобы не оказаться въ пещи пылающаго огня, неугасимаго, вѣчнаго. Пусть будетъ въ тебѣ прежде страхъ и затѣмъ любовь. Страхъ пусть будетъ путеводителемъ для тебя; пусть не остается онъ въ тебѣ, но ведетъ тебя къ любви, какъ бы къ нѣкоему учителю.

Бесѣда 10-я. [1])

О любви.

1. Божественнаго Писанія многое изобиліе и широту ученія его воспринимаетъ, братія мои, безошибочно и безъ особеннаго труда тотъ, чье сердце исполнено любви. Потому что апостолъ говоритъ: «любовь есть исполненіе закона» (Римл. XIII, 10). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «цѣль же увѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца и доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры» (1-е Тимоѳ. I, 5). Что же составляетъ цѣль увѣщанія, если не исполненіе заповѣди? И что составляетъ исполненіе заповѣди, какъ не исполненіе закона? Слѣдовательно, что сказалъ онъ тамъ въ словахъ: «любовь есть исполненіе закона»,—то же говоритъ и здѣсь словами: «цѣль же увѣщанія есть любовь». И нельзя сомнѣваться, что человѣкъ, въ которомъ обитаетъ любовь, есть храмъ Божій. Апостолъ Іоаннъ говоритъ, что «Богъ есть любовь» (Іоан. IV, 8). Возвѣщающіе же намъ это апостолы, указывая на превосходство любви, не могли, конечно, говорить иного, кромѣ того, что сами восприняли. Самъ Господь, питая ихъ словомъ любви, потому что Онъ есть хлѣбъ живой, сходящій съ неба, говоритъ: «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга»... и еще: «потому узнаютъ васъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» (Іоан. XIII, 34, 35). Тотъ, Кто пришелъ, чтобы униженіемъ креста спасти насъ отъ тлѣнія и узы смерти разорвать своею смертью, создаетъ новаго человѣка заповѣдью новой. Исконнымъ закономъ было для человѣка, чтобы онъ умиралъ. Но что не всегда имѣло силу даже для человѣка, это совершенно новымъ было для Бога, именно, чтобы Богъ могъ подверг-

1) По общему счету 350-я.

нуться смерти. Но такъ какъ Онъ былъ смертнымъ по плоти, а не по Божеству, то вслѣдствіе вѣчной жизни Божества и плоть Его не могла совсѣмъ уничтожиться. Онъ, какъ говоритъ апостолъ, «преданъ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего» (Римл. IV, 25). Такимъ образомъ, Кто противъ ветхости смерти принесъ новое начало жизни, Онъ же противъ ветхаго грѣха даетъ новую заповѣдь. Поэтому, если хочешь искоренить въ себѣ ветхую грѣховность, новой заповѣдью старайся подавить въ себѣ страсть и возьми въ свои объятія любовь. Какъ корнемъ всѣхъ золъ является грѣховная страсть (cupiditas), такъ корнемъ всѣхъ благъ является любовь.

2. Все величіе и широта Божественныхъ реченій постигается любовью, когда мы любимъ Бога и ближняго. Учитъ насъ Небесный Наставникъ и говоритъ: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ... и возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки» (Матѳ. XXII, 37, 39, 40). Итакъ, если не можешь изслѣдовать всѣхъ священныхъ страницъ и уразумѣть сокровенное въ нихъ, проникнуть въ тайны Писанія, держись любви, на которой все виситъ. Тогда будешь имѣть и то, чему научился тамъ, и то, чего не изучалъ еще. Потому что если позналъ ты любовь, позналъ нѣчто такое, на чемъ утверждается и то, чего, можетъ быть, ты не зналъ еще. Въ томъ, что разумѣешь ты изъ Писанія, открывается любовь, и въ томъ, чего не разумѣешь, скрывается любовь же. Итакъ, кто осуществляетъ любовь въ своей жизни, тотъ овладѣваетъ и тѣмъ, что открывается, и тѣмъ, что скрывается въ Божественномъ Писаніи.

3. Итакъ, братія, послѣдуйте любви, этому сладкому и спасительному союзу душъ, безъ которой богатый бѣденъ, и бѣдный богатъ. Она въ несчастіяхъ терпѣлива, въ счастіи воздержна, въ тяжкихъ страданіяхъ мужественна, въ добродѣтели щедра, въ искушеніяхъ тверда, въ гостепріимствѣ радушна; между истинными братіями она радостна, между лживыми терпѣлива. Въ Авелѣ во время жертвоприношенія угодна, въ Ноѣ во время потопа безопасна, въ переселеніяхъ Авраама тверда, въ Моисеѣ во время огорченій кротка, въ Давидѣ во время гоненій его незлобива. Въ трехъ

отрокахъ она безбоязненно взираетъ на охватывающій ихъ огонь, въ Маккавеяхъ мужественно выноситъ жестокія мученія отъ огня. Чиста она въ Сусаннѣ въ отношеніи къ мужу, въ Аннѣ по смерти мужа, въ Маріи, не имѣющей мужа. Дерзновенна въ Павлѣ къ обличенію, смиренна въ Петрѣ къ послушанію, возвышенна въ христіанахъ для исповѣданія, божественна во Христѣ къ прощенію. Но что о любви большаго могу сказать я въ сравненіи съ тѣми похвалами, какія Господь влагаетъ въ уста апостола, показывающаго превосходнѣйшій путь любви и говорящаго: «если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я—ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ» (1-е Коринѳ. XIII, 1—8). Вотъ какова любовь—душа писаній, сила пророчествъ, огражденіе таинъ, основаніе знаній, плодъ вѣры, богатство бѣдныхъ, жизнь для умирающихъ. Можетъ ли еще быть большее великодушіе, чѣмъ умереть за нечестивыхъ? Что можетъ быть благороднѣе любви ко врагамъ? Только она не тяготится чужимъ счастіемъ, потому что не завидуетъ. Только она не провозносится своимъ счастіемъ, потому что не гордится. Она свободна отъ мученій злой совѣсти, потому что не мыслитъ зла. Среди поношеній она спокойна, среди ненависти доброжелательна, среди гнѣва незлобива, среди коварства чиста, среди неправды она скорбитъ, въ истинѣ утѣшается. Что сильнѣе ея къ прощенію обидъ? Что надежнѣе ея не въ отношеніи къ суетѣ, но въ отношеніи къ вѣчности? Потому и терпитъ она все въ настоящей жизни, что всего ожидаетъ отъ жизни будущей. И переноситъ все, что здѣсь ни случается, потому что надѣется на все, что тамъ обѣщается. Истинно, она никогда не перестаетъ. Итакъ, до-

стигайте любви и, свято мысля о ней, приносите плодъ правды. И что бы вы ни нашли бо́льшаго въ похвалахъ, чѣмъ я могъ высказать, все это пусть явится въ жизни вашей. Намъ же слѣдуетъ позаботиться, чтобы старческая рѣчь наша не только была убѣдительна, но и коротка (Opportet enim, ut senilis sermo non solum sit gravis, sed etiam brevis).

Бесѣда 11-я. [1])

О пользѣ покаянія.

1. Какъ необходимо и полезно покаяніе, это легко поймутъ люди, если помыслятъ о себѣ, что они люди. Написано: «Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать» (Іакова IV, 6). Также и Господь въ Евангеліи говоритъ: «всякій возвышающій самъ себя униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится» (Лук. XVIII, 14), и болѣе оправданнымъ вышелъ изъ храма мытарь, сокрушавшійся о своихъ грѣхахъ, чѣмъ фарисей, спокойный въ сознаніи своей праведности. Хотя онъ и воздавалъ хвалу Богу, говоря: Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь; поцусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что пріобрѣтаю», однакоже предпочтенъ былъ ему тотъ, кто, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; но ударяя себя въ грудь, говорилъ:Боже! будь милостивъ ко мнѣ—грѣшнику» (Лук. XVIII, 10—14)! Не столько фарисей тотъ своимъ здоровьемъ восхищался, сколько сравненіемъ его съ чужими недугами. Полезнѣе было бы ему, такъ какъ онъ пришелъ къ врачу, съ сокрушеніемъ раскрывать то, чѣмъ былъ боленъ, нежели скрывать свои раны, хвалить себя, указывая на чужія раны. Неудивительно, что мытарь, который не устыдился признать свои слабости, вышелъ болѣе оправданнымъ. Въ дѣлахъ видимыхъ, чтобы достигнуть вершины, нужно подниматься вверхъ. Съ Богомъ же, хотя Онъ и выше всего, можно войти въ соприкосновеніе не возношеніемъ, а смиреніемъ. Отсюда и пророкъ говоритъ: «близокъ Господь къ сокрушеннымъ сердцемъ» (Псалом. XXIV,

1) По общему счету 351-я.

19), и еще: «высокъ Господь: и смиреннаго видитъ, и гордаго узнаетъ издали» (CXXXVII, 6). Дальше всего Онъ отъ гордыхъ. Тѣхъ (смиренныхъ) видитъ Онъ, чтобы поднять, а этихъ,—чтобы низринуть. И когда говоритъ, что «гордаго узнаетъ издали», достаточно ясно вмѣстѣ показываетъ, что Онъ смиреннаго видитъ близко. Самъ же Богъ называется высокимъ, такъ что одинъ Богъ не является высокомѣрнымъ, какъ бы Онъ превозносилъ Себя. Пусть же не думаютъ гордые, что они могутъ укрыться отъ глазъ Божіихъ, потому что узнаетъ Богъ гордаго. И пусть опять-таки не считаютъ себя близкими къ Богу, потому что издали узнаетъ Онъ гордаго. Итакъ, кто отвергаетъ смиреніе покаянія, тотъ не хочетъ приблизиться къ Богу. Иное дѣло—подниматься къ Богу и другое—подниматься противъ Бога. Кто передъ Нимъ повергается, тотъ поднимается Имъ. А кто возвышается предъ Нимъ, того Онъ принижаетъ. Одно есть истинное величіе и другое—пустая напыщенность. Кто полнѣетъ снаружи, тотъ хирѣетъ внутри. Кто желаетъ быть лучше «у порога въ домѣ Божіемъ, нежели жить въ шатрахъ нечестія», того удостоиваетъ Богъ обитанія во дворахъ Его. И ничего не беретъ Онъ Себѣ, когда принимаетъ кого-либо въ сѣдалище блаженства. Поэтому въ псалмѣ весьма хорошо и истинно говорится: «Блаженъ человѣкъ, котораго сила въ Тебѣ, Господи!» И не думай, что тотъ, кто унижаетъ себя, всегда остается въ униженіи, потому что сказано: «приходящій отъ силы въ силу». И чтобы не подумалъ ты, что возвышеніе его въ глазахъ людей совершается чрезъ видимое возвышеніе, хотя и сказано: «блаженъ человѣкъ, котораго сила въ Тебѣ, Господи!» послѣдовательно показываетъ далѣе онъ духовную высоту этой силы: «восхожденія въ сердцѣ своемъ положи, во юдоль плачевную, въ мѣсто еже положи». Итакъ, гдѣ положилъ восхожденія? «Въ сердцѣ», именно, въ долинѣ плача. Это значитъ, что кто унижаетъ себя, возвысится. Какъ восхожденіе означаетъ возвышеніе, такъ долина означаетъ плачъ, смиреніе. Какъ спутникомъ покаянія является скорбь, такъ слезы являются доказательствомъ скорби. И далѣе прекрасно сказано: «ибо благословеніе дастъ законополагаяй» (Псал. LXXXIII, 11, 6, 7, 8). Для того законъ данъ, чтобы показать раны грѣшниковъ, которыя могло бы исцѣлить благословеніе благодати. Для того данъ

законъ, чтобы гордому обнаружить его немощь, а немощному доказать необходимость покаянія. Для того данъ законъ, чтобы мы восклицали въ долинѣ плача: «въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ»..., и чтобы вмѣстѣ съ плачемъ восклицали: «Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти»—(Римл. VII, 23—24), и чтобы вмѣстѣ съ апостоломъ, который наученъ былъ Тѣмъ, Кто творитъ судъ обиженнымъ, разрѣшаетъ узниковъ, отверзаетъ очи слѣпымъ (Псаломъ CXLV, 7, 8), мы могли благодарить Бога чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего (Римл. VII, 23—25).

2. Какъ извѣстно намъ съ вами, покаяніе бываетъ трехъ родовъ. Въ церкви Божіей они обычны и извѣстны тѣмъ, которые ко всему хотятъ быть внимательными. Одно, рождающее новаго человѣка, прежде чѣмъ въ крещеніи не произойдетъ окончательнаго спасительнаго омовенія всѣхъ, прежде бывшихъ грѣховъ, подобно тому, какъ при рожденіи ребенка минуютъ скорби для тѣхъ, у которыхъ внутренности страдаютъ, и вслѣдъ за печалью слѣдуетъ радость. Всякій, кто слѣдитъ за движеніями своей воли, когда приступаетъ къ таинствамъ вѣрующихъ, не можетъ начать новой жизни, если не раскается въ прежней. Отъ этого покаянія при крещеніи свободны одни лишь младенцы, потому что они не имѣютъ свободнаго изволенія. Имъ для очищенія и отпущенія первороднаго грѣха полезна вѣра тѣхъ, которыми они приносятся, такъ что отъ всякихъ послѣдствій пороковъ другихъ, отъ коихъ рождаются, они очищаются такъ же точно открытымъ исповѣданіемъ другихъ. Истинно потому говорится въ псалмѣ: «вотъ я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣ родила меня мать моя» (Псал. L, 7); равнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ написано, что «никто не чистъ предъ лицемъ Божіимъ, даже если бы только былъ одинъ день жизни его на землѣ» (Іова XIV, 4). Хотя желаніе узнать большее о состояніи младенцевъ въ будущемъ наслѣдіи святыхъ, которое обѣщается имъ, и превосходитъ мѣру разумѣнія людей, однако благочестиво вѣрится, что полезно для душевнаго спасенія ихъ то, что хранится по всему кругу земли силою церковнаго авторитета. Изъ прочихъ же людей никто не приходитъ къ Христу, если прежде не раскается въ томъ,

что было прежде. Это первое покаяніе и заповѣдуется іудеямъ апостоломъ Петромъ, когда онъ говоритъ: «покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа» (Дѣян. II, 38). Оно же требуется и Самимъ Господомъ, когда Онъ говоритъ: «покайтесь, ибо приблизилось царство небесное» (Матѳ. IV, 17). О томъ же Іоаннъ Креститель, исполненный Духа Святаго Предтеча и Предуготовитель пути Господня, говоритъ такъ: «порожденія ехиднины! Кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва? Сотворите же достойный плодъ покаянія» (Матѳ. III, 7—8).

3. Другое покаяніе, дѣйствіе коего совершается въ теченіе всей жизни, которую проводимъ мы здѣсь, должно сопровождаться постоянной, смиренной молитвой. Потому что всякій, кто истинно желаетъ вѣчной, нетлѣнной, безсмертной жизни, долженъ прежде всего искренно сокрушаться по поводу настоящей жизни, временной, тлѣнной и смертной. И не такъ человѣкъ вступаетъ въ новую жизнь чрезъ таинство крещенія, чтобы подобно тому, какъ освобождается онъ тамъ отъ всѣхъ прежде содѣянныхъ грѣховъ, такъ же точно освобождался отъ смертности и тлѣнности самой плоти. Если же это такъ, истинно, слѣдовательно, то, что написано, и силу чего каждый испытываетъ въ себѣ самомъ, пока живетъ здѣсь, что «тлѣнное тѣло отягощаетъ душу, и эта земная храмина подавляетъ многозаботливый умъ» (Премудр. Солом. IX, 15). Но такъ какъ этого не будетъ въ той блаженной жизни, когда поглощена будетъ смерть побѣдою (1-е Коринѳ. XV, 54), кто станетъ сомнѣваться, какимъ бы временнымъ счастіемъ ни пользовался онъ, что нужно намъ каяться въ этой жизни и со всею ревностію стремиться къ тому нетлѣнію. И апостолъ говоритъ также, «что водворяясь въ тѣлѣ, мы устранены отъ Господа, ибо мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ» (2 Коринѳ. V, 6—7). Но кто хочетъ дѣйствительно возвратиться ко своему отечеству и къ созерцанію Бога лицемъ къ лицу, если не тотъ, кто скорбитъ о своемъ устраненіи отъ Господа? Изъ такого именно чувства кающагося рождается слѣдующій скорбный вопль: «Горе мнѣ, что странствованіе мое продолжительно»! И чтобы ты не думалъ, что это говоритъ еще невѣрующій,— смотри, что слѣдуетъ: «Я пребываю у шатровъ Кидарскихъ. Долго жила душа моя съ ненавидящими миръ. Я миренъ:

но только заговорю, они къ войнѣ» (Псал. CXIX, 5—7). Не только къ человѣку вѣрующему относить можно эти слова, но также и къ ревностнѣйшему проповѣднику истины и къ неустрашимому мученику, святому апостолу Павлу. Вѣдь, тотъ же апостолъ говоритъ слѣдующее: «Ибо знаемъ, что когда земный нашъ домъ, эта хижина разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Оттого мы и вздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище; только бы намъ и одѣтымъ не оказаться нагими. Ибо мы, находясь въ этой хижинѣ, воздыхаемъ подъ бременемъ, потому что не хотимъ совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Коринѳ. V, 1—4). Итакъ, чего желать намъ, какъ не иного бытія, чѣмъ то, какое теперь мы влачимъ? И о чемъ вздыхать, какъ не о своемъ положеніи? Но когда будемъ мы свободны отъ этого, если не тогда, когда, по разрушеніи земной хижины, наслѣдуемъ небесное жилище и духомъ, и тѣломъ, съ обновленіемъ всего человѣка? Поэтому и праведный Іовъ назвалъ искушеніемъ самую жизнь настоящую, восклицая: «не искушеніе ли житіе человѣку на земли»? И далѣе, не касаясь тайны паденія человѣка, онъ говоритъ: «якоже рабъ, боящися Господа своего и улучивъ сѣнь» (въ русскомъ текстѣ слова эти передаются иначе, и смыслъ ихъ другой—Іова VII, 1—2),—справедливо настоящую жизнь называя скорѣе тѣнью ея. Не напрасно и Адамъ послѣ грѣхопаденія, убѣгая, скрылся отъ лица Божія, сдѣлавъ себѣ одежду изъ древесныхъ листьевъ, изъ коихъ изготовляются навѣсы для тѣни, какъ бы убѣгая отъ господина своего и ища тѣни.

4. Все это для того сказано, чтобы кто-нибудь, хотя бы онъ былъ чрезъ крещеніе и очищенъ отъ прежнихъ грѣховъ, не возгордился и не подумалъ, что нѣтъ уже за нимъ ничего, что отдѣляло бы его отъ таинства алтаря, но болѣе хранилъ бы смиреніе, которое является главнымъ руководственнымъ правиломъ для христіанъ,—чтобы не гордились земля и пепелъ (Сир. X, 9), пока не пройдетъ эта ночь, во время которой «бродятъ всѣ лѣсные звѣри; львы рыкаютъ о добычѣ и просятъ у Бога пищу себѣ» (Псал. CIII, 20—21). Въ качествѣ этой пищи суждено было явиться Іову, который говорилъ: «не искушеніе ли житіе человѣку на земли»? И Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: се, сатана просилъ, чтобы

сѣять васъ, какъ пшеницу» (Лук. XXII, 31). Итакъ, кто здравомыслящій не вздыхаетъ о лучшемъ? И почему не проводить время въ покаяніи? Кто со всѣмъ смиреніемъ, моля Бога о помощи, не представитъ себя покорнымъ Ему, пока не пройдутъ искушенія и вся эта земная мишура, и не взойдетъ для насъ тотъ день, который никогда не перестаетъ, и не освѣтитъ скрытое во мракѣ и не обнаружитъ сердечныхъ намѣреній, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога (1-е Коринѳ. IV, 5)? Хотя бы кто и былъ увѣренъ, что онъ укротилъ свое тѣло и, умерши для міра, обуздываетъ порабощенные члены, такъ что грѣхъ уже не царствуетъ въ смертномъ тѣлѣ его для исполненія похотей его, что онъ почитаетъ одного только истиннаго Бога, не дѣлаетъ кумировъ, не чтитъ изображеній ложныхъ божествъ, не призываетъ напрасно имени Господа Бога своего, помнитъ день субботній, во образъ покоя вѣчнаго, почитаетъ родителей, не убиваетъ, не прелюбодѣйствуетъ, не крадетъ, не лжесвидѣтельствуетъ, не оскверненъ пожеланіемъ чужой вещи или чужой жены, не роскошествуетъ и не снѣдается скупостью, не сварливъ, не хульникъ и не злорѣчивъ, продаетъ, наконецъ, все свое и даетъ бѣднымъ, и слѣдуетъ за Христомъ, и укрѣпляетъ въ сердцѣ своемъ корень небесныхъ сокровищъ,—чего, кажется, требовать еще для полной справедливости,—однакоже пусть не превозносится. Пусть помнитъ, что все это дано ему и не отъ него явилось. «Что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ» (1 Коринѳ. IV, 7)? Пусть такой разумно употребляетъ господское имѣніе, пусть заботится о ближнемъ, какъ о себѣ самомъ. Пусть не думаетъ, что довольно сохранить только полученное, чтобы не услышать ему: «лукавый рабъ и лѣнивый!... надлежало тебѣ отдать серебро мое торгующимъ, и я, пришедъ, получилъ бы мое съ прибылью» (Матѳ. XXV, 26—27), чтобы не лишиться полученнаго и не быть ввергнутымъ во тьму внѣшнюю. Если весьма великаго наказанія слѣдуетъ бояться тѣмъ, которые цѣлымъ сохраняютъ то, что получили, то на что надѣются еще тѣ, которые тратятъ полученное неправедно и беззаконно? И въ дѣлахъ чисто-житейскихъ человѣкъ, такимъ образомъ, связывается обязанностью не только плотскаго, но духовнаго пріобрѣтенія. Но хотя бы онъ и не былъ свя-

занъ житейскими дѣлами, все же не долженъ вслѣдствіе того, что служитъ Богу, приходить въ оцѣпенѣніе отъ праздности, чтобы не оказаться отверженнымъ. Пусть даетъ, если можетъ, милостыню доброхотно, даетъ ли когда что-нибудь бѣднымъ для удовлетворенія ихъ житейскихъ нуждъ, или, когда, являясь раздаятелемъ небеснаго хлѣба, созидаетъ въ сердцахъ вѣрующихъ крѣпкіе оплоты противъ діавола. «Доброхотно дающаго любитъ Богъ» (2-е Коринѳ. IX, 7). Пусть не впадаетъ въ малодушіе въ обстоятельствахъ трудныхъ, которыя необходимо случаются, чтобы показать человѣку, что онъ человѣкъ. Пусть не гнѣвается на того, кто со злобой врывается къ нему, или забитый нуждою неумѣло проситъ, или безъ разбора хочетъ подойти къ тебѣ со своими дѣлами въ то время, какъ ты занятъ бо́льшимъ, или на словахъ слѣпо сопротивляется явной справедливости, или когда является непріятно вялымъ. Пусть не обнаруживаетъ чего-либо больше или меньше, чѣмъ слѣдуетъ, пусть не говоритъ больше, чѣмъ нужно или, когда ненужно. «Какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благое» (Римл. X, 15)! Но и они съ земли сухой собираютъ прахъ, который естественно стряхивается ими въ осужденіе тѣмъ, кои вслѣдствіе дурной воли отвергаютъ благовѣстіе. Итакъ, не только по причинѣ того, что жизнь эта скоропреходящая и неизвѣстна и не только по причинѣ той заботы дневной, о коей сказано: «довольно для каждаго дня своей заботы» (Матѳ. VI, 34), и которую мы должны нести на себѣ, ожидая съ твердымъ упованіемъ, пока не пройдетъ это время, и принося плодъ съ терпѣніемъ, но и по причинѣ праха этого міра, праха, который пристаетъ къ ногамъ подвизающихся на нивѣ благовѣстія, а также по причинѣ непріятностей, случающихся даже въ самыхъ нужныхъ дѣлахъ, и вознаграждающихся при помощи Божіей съ избыткомъ, намъ нужно имѣть ежедневное покаяніе.

5. Но если къ этому обязываются служители слова Божія и таинъ Христовыхъ, то насколько болѣе обязываются къ тому всѣ другіе простые подданные Великаго Царя?

Апостолъ Павелъ, этотъ вѣрный и отважный воинъ Христовъ, чтобы избѣгнуть только ложнаго подозрѣнія въ корыстолюбіи, пользовался своимъ содержаніемъ, даже когда, быть можетъ, не было средствъ къ содержанію; «другимъ церквамъ, такъ говоритъ онъ, я причинялъ издержки, получая отъ нихъ содержаніе для служенія вамъ» (2-е Коринѳ. XI, 8). Насколько же болѣе міряне, связанные заботами вѣка, должны совершать ежедневное покаяніе? Хотя бы они и были незапятнанные и чистые отъ воровства, хищеній, обмана, отъ любодѣянія и всякаго излишества, отъ гнуснаго идолослуженія, отъ участія въ пошлыхъ зрѣлищахъ, отъ ересей и раздѣленій и отъ всѣхъ, вообще, подобныхъ пороковъ и преступленій, однако уже вслѣдствіе обычныхъ домашнихъ заботъ и въ области интимныхъ супружескихъ отношеній такъ много грѣшатъ люди, что кажутся уже не только запорошенными пылью этого міра, но какъ бы обмазанными грязью. Это есть то именно, на что указываетъ апостолъ, когда говоритъ къ коринѳянамъ: «и то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія»? Но среди нихъ оказывается то достойное осужденія, о чемъ говоритъ онъ потомъ: «но вы сами обижаете и отнимаете, и притомъ у братьевъ» (1-е Коринѳ. VI, 7, 8). Помимо всякихъ несправедливостей и обмановъ, даже суды и тяжбы имѣть между собою считаетъ апостолъ дѣломъ постыднымъ и увѣщеваетъ, чтобы дѣла такого рода разрѣшались судомъ церковнымъ. Отсюда понятны и слѣдующія слова его: «неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ». То же говоритъ онъ и о женщинахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ увѣщеваетъ мужа и жену быть вмѣстѣ, «чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ». Желая же показать, что это грѣхъ и лишь уступка немощи, онъ тотчасъ затѣмъ прибавляетъ: «впрочемъ, это сказано мной, какъ позволеніе, а не какъ повелѣніе» (1-е Коринѳ. VII, 32, 33, 5, 6). Только смѣшеніе того и другого пола ради рожденія является невмѣняемымъ. Какъ много бываетъ также и другихъ грѣховъ или въ разговорѣ о чужихъ предметахъ и дѣлахъ, до насъ не касающихся, или даже въ одномъ смѣхѣ пустомъ,—какъ написано: «глупый въ смѣхѣ возвышаетъ голосъ свой, а мужъ благоразумный едва тихо улыбнется»—(Сир. XXI, 23), или въ самой пищѣ, предназначенной для поддержанія этой жизни, наблюдается неумѣренность и невоздержаніе, сопровождающееся разстрой-

ствомъ желудка на другой день;—или въ куплѣ и продажѣ, когда даются лживыя увѣренія въ цѣнности и дешевизнѣ предметовъ. Долго перечислять все это, что каждый въ себѣ лучше можетъ замѣтить и увидѣть, если внимательно будетъ держать предъ собой зеркало Божественнаго Писанія. Хотя бы и не было отдѣльныхъ за нами смертныхъ грѣховъ, въ родѣ убійства, прелюбодѣянія или другихъ подобныхъ, однако, въ совокупности они смертоносны своею многочисленностью и такъ обезображиваютъ насъ, что отдѣляютъ отъ чистѣйшихъ объятій прекраснѣйшаго всѣхъ сыновъ человѣческихъ Жениха—(Псал. XLIV, 3), если не отсѣкаются посредствомъ ежедневнаго покаянія.

6. Если же это неправда, то почему мы ежедневно ударяемъ въ грудь себя? И подобное дѣлаемъ даже мы, священствующіе, предстоящіе у алтаря. Молясь, мы говоримъ, и нужно, чтобы въ теченіе всей жизни говорили: «и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ» (Матѳ. VI, 12). Молимся о прощеніи не того, что будто бы не прощено было намъ въ крещеніи, каковымъ утвержденіемъ мы можемъ показать лишь колебаніе вѣры нашей, а говоримъ это о ежедневныхъ грѣхахъ, за которые каждый по силамъ своимъ неустанно приноситъ жертву милостыни, поста и самыхъ моленій и молитвъ. Отсюда каждый, внимательно наблюдающій за собой, не станетъ обольщать себя, хорошо понимая, въ какой опасности и вѣчной смерти оказывается онъ, и какъ нужно ему постоянно заботиться о своемъ очищеніи, вслѣдствіе частаго отчужденія отъ Господа, и какъ склонны бываемъ мы возвращаться назадъ, даже стоя на пути Христовомъ. Вѣдь, если мы не имѣемъ грѣховъ и въ то же время, ударяя себя въ грудь, говоримъ: «прости намъ долги наши», то тѣмъ самымъ тяжко, внѣ всякаго сомнѣнія, согрѣшаемъ, когда даже во время самой молитвы (inter ipsa sacramenta) лжемъ. Такимъ образомъ, поскольку посредствомъ вѣры, надежды и любви мы соединяемся съ Богомъ и подражаемъ Ему, мы не грѣшимъ, но дѣлаемся дѣтьми Божіими. Поскольку же, вслѣдствіе немощи плоти нашей, такъ какъ она еще не освобождена отъ смерти и не измѣнена воскресеніемъ, вторгаются въ нашу душу движенія недобрыя, порочныя, мы согрѣшаемъ. Но намъ полезно признаваться въ этомъ, чтобы заслужить исцѣленіе немощи нашей, осудивъ

гордость. Поэтому истинно и то, что «рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха» (1 Іоан. III, 9), и то, о чемъ читаемъ мы въ томъ же посланіи Іоанна: «если говоримъ мы, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ» (1 Іоанн. I, 8). Тамъ говорится о первыхъ шагахъ новаго человѣка, здѣсь—объ остаткахъ прежняго; то и другое совершается въ этой жизни. Постепенно наступаетъ обновленіе и постепенно, съ удаленіемъ ветхости, оно занимаетъ ея мѣсто. Если же и то, и другое совершается здѣсь, то мы, слѣдовательно, находимся въ пути,—не только поражаемъ противника, но и сами поражаемся при неособенно осторожной борьбѣ съ грѣхомъ. И похваляется теперь не тотъ, кто побѣдилъ, но кто чаще наноситъ удары, кто мужественнѣе сражается. Это будетъ до тѣхъ поръ, пока не увлечетъ нѣкоторыхъ въ вѣчную смерть тотъ, кто, падши самъ, завидуетъ человѣку стоящему, и пока не раздастся со стороны другихъ (спасенныхъ) торжествующій крикъ: «смерть! гдѣ твое жало? Адъ! Гдѣ твоя побѣда» (1 Коринѳ. XV, 55)? Но никогда мы такъ легко не поражаемся врагомъ, какъ если подражаемъ его гордости, и никогда сильнѣе не повергаемъ его, какъ если слѣдуемъ за Христомъ. Ничѣмъ другимъ не причиняемъ мы ему бо́льшихъ скорбей, какъ если врачуемъ раны грѣховныя исповѣданіемъ своихъ грѣховъ и раскаяніемъ въ нихъ.

7. Есть еще третій родъ покаянія, когда совершается оно за грѣхи, кои запрещаетъ десятословіе, и о коихъ апостолъ говоритъ, что «поступающіе такъ царствія Божія не наслѣдуютъ» (Галат. V, 21). Относительно этого покаянія каждый долженъ соблюдать особенную строгость, чтобы, осуждая самихъ себя, мы не были осуждены Господомъ; по слову того же апостола, «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1 Коринѳ. XI, 31). Пусть же взойдетъ человѣкъ на трибуналъ своей мысли, если боится того, что «всѣмъ намъ должно явиться предъ судищемъ Христовымъ, чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ,—доброе или худое» (2-е Коринѳ. V, 10). Пусть поставитъ себя предъ лицомъ своимъ; такъ и Богъ грозитъ грѣшнику, говоря: «изобличу тебя и представлю предъ глаза твои грѣхи твои» (Псал. XLIX, 21). Итакъ, установивши судище въ сердцѣ своемъ, найди обвинителя въ мысли своей,

свидѣтеля въ своей совѣсти и мучителя въ страхѣ. Пусть черезъ слезы истекаетъ у кающагося какъ бы кровь души его. Наконецъ, пусть утвердится онъ въ той мысли, чтобы считать себя недостойнымъ причащенія тѣла и крови Господней, такъ, чтобы тому, кто боится отдѣлиться отъ небеснаго царства черезъ послѣднее рѣшеніе Верховнаго Судіи, удѣлялся, но лишь послѣ исполненія правилъ церковныхъ, въ таинствѣ хлѣбъ небесный. Пусть стоитъ передъ взоромъ твоимъ образъ будущаго суда, и когда одни приходятъ къ алтарю Господню, къ коему самъ ты не подходишь, помышляй, какъ ужасно наказаніе, въ силу коего въ то время, какъ одни получаютъ жизнь вѣчную, другіе осуждаются на смерть вѣчную. Къ этому алтарю, который теперь утвержденъ въ церкви для прославленія Божественныхъ тайнъ и доступенъ зрѣнію тѣлесныхъ очей, могутъ приближаться многіе, даже и преступники, такъ какъ Богъ въ настоящемъ времени показываетъ свое терпѣніе, чтобы въ будущемъ показать строгость. Приходятъ они, не подозрѣвая, что терпѣніе Божіе призываетъ ихъ къ покаянію. Но они по ожесточенію и нераскаянности сердца своего собираютъ себѣ «гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога, Который воздастъ каждому по дѣламъ его» (Римл. II, 4—5). Къ другому же алтарю, куда предтечею за насъ вошелъ Іисусъ, Глава Церкви, куда за этой Главой имѣютъ послѣдовать и прочіе члены, не можетъ приблизиться никто изъ тѣхъ, о коихъ, какъ я уже упоминалъ, апостолъ сказалъ, что поступающіе такъ царства Божія не наслѣдуютъ. Одинъ лишь Священникъ будетъ тамъ, но, конечно, со Своимъ тѣломъ, коего Онъ является главой, которая уже вошла на небо. Это именно имѣющее быть вмѣстѣ на небѣ съ главою тѣло апостолъ Петръ называетъ «царственнымъ священствомъ, народомъ святымъ» (1 Петр. II, 9). Итакъ, какимъ образомъ, за внутреннюю завѣсу, въ то невидимое святое святыхъ осмѣлится или можетъ войти тотъ, кто, пренебрегая правилами церковными (qui medicinam coelestis disciplinae contemnens), не захотѣлъ на короткое время отвлечься отъ видимаго? Кто не хотѣлъ унизиться для того, чтобы возвыситься, тотъ, когда захочетъ возвыситься, унизится. И навѣки отдѣлится отъ общенія со святыми всякій, кто въ теченіе этого времени подвигомъ послушанія и оправданіемъ въ

покаяніи не заботился приготовить себѣ мѣсто въ тѣлѣ Небеснаго Первосвященника. Съ какимъ безстыднымъ челомъ захотѣлъ бы тогда отвратить лицо Божіе отъ грѣховъ своихъ тотъ, кто теперь не говоритъ отъ всего сердца: «Ибо беззаконія мои я сознаю; и грѣхъ мой всегда предо мною» (Псал. L, 5)? И какъ Богъ могъ бы простить то, чего самъ человѣкъ не захотѣлъ познать въ себѣ самомъ?

8. Но, можетъ быть, имѣютъ надежды какія-нибудь и тѣ, которые хотятъ успокоить себя суетою? Погрязая въ порокахъ и роскоши, они, когда слышатъ слова апостола, что «поступающіе такъ царства Божія не наслѣдуютъ», хотятъ имѣть спасеніе, коего ищутъ, кромѣ царства небеснаго, и такъ говорятъ себѣ, отказываясь совершать покаяніе о грѣхахъ своихъ и измѣнить пагубный образъ жизни хоть сколько-нибудь къ лучшему: «не хочу царствовать, довольно для меня быть спасеннымъ». Но здѣсь обманываются они прежде всего потому, что нѣтъ никакого спасенія для тѣхъ, которые упорствуютъ въ своемъ нечестіи. Господь говоритъ: «и по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ охладѣетъ любовь; претерпѣвый же до конца спасется» (Матѳ. XXIV, 12—13); спасеніе обѣщается во всякомъ случаѣ остающимся въ любви, а не въ нечестіи. Гдѣ же бываетъ любовь, тамъ не могутъ имѣть мѣста тѣ злыя дѣла, которыя отдѣляютъ отъ царства Божія. «Ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: «люби ближняго твоего, какъ самого себя» (Галат. V, 14). Затѣмъ, если и есть какая разница между царствующими и нецарствующими, слѣдуетъ однако заботиться о томъ, чтобы всѣмъ быть вмѣстѣ, и чтобы не оказаться въ числѣ худшихъ (hostium) или чужихъ. Вѣдь, и римляне, хотя всѣ владѣютъ своимъ царствомъ Римскимъ, однако, не всѣ царствуютъ и повинуются другимъ—царствующимъ. Но апостолъ не говоритъ, что поступающіе такъ не будутъ царствовать, а сказалъ: «поступающіе такъ царства Божія не наслѣдуютъ». Это же сказано о плоти и крови. «Плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царства Божія... Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе» (1 Коринѳ. XV, 50, 53), такъ что являются они уже не плотію и кровію, но душевное тѣло получаетъ свойство и природу тѣла духовнаго. Хотя бы устрашились они послѣдняго приговора нашего Судіи, ко-

горый потому и благоволилъ Онъ сдѣлать извѣстнымъ, чтобы предостеречь вѣрныхъ рабовъ Своихъ, даруя «боящимся знамя, чтобы они подняли его ради истины» (Псал. LIX, 6). Кромѣ тѣхъ, кому прямо обѣщано, что они будутъ судить согласно словамъ Господа: «сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ» (Матѳ. XIX, 28), въ числѣ судящихъ слѣдуетъ разумѣть всѣхъ, кто ради Евангелія оставилъ все свое достояніе и послѣдовалъ за Христомъ. Число двѣнадцать означаетъ нѣкоторую цѣлокупность, и неужели не будетъ тамъ апостола Павла, хотя онъ и не былъ изъ числа двѣнадцати? Будутъ, такимъ образомъ, участвовать вѣрные въ судѣ вмѣстѣ съ тѣми, кого называетъ Господь именемъ ангеловъ, когда говоритъ: «пріидетъ Сынъ Человѣческій, и всѣ святые ангелы съ Нимъ» (Матѳ. XXV, 31). Ангелы суть вѣстники. Вѣстниками совершенно справедливо можно назвать всѣхъ, кто возвѣщаетъ людямъ о небесномъ спасеніи. Отсюда, и евангелистовъ можно назвать добрыми ангелами, и объ Іоаннѣ Крестителѣ сказано: «вотъ Я посылаю ангела Моего предъ лицомъ Твоимъ» (Марк. I, 2; Малах. III, 1). За исключеніемъ всѣхъ этихъ святыхъ, остальное множество людей, какъ ясно уже изъ словъ Самого Господа, раздѣлено будетъ на двѣ части. И поставитъ Онъ овецъ по правую сторону, а козловъ по лѣвую и скажетъ овцамъ, т.-е. праведникамъ: «придите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра». Объ этомъ царствѣ говоритъ и апостолъ, когда, перечисливъ дурныя дѣла, замѣчаетъ, что поступающіе такъ царства Божія не наслѣдуютъ. Замѣчай далѣе, что услышатъ стоящіе по лѣвую сторону: «идите, говоритъ Господь, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его» (Матѳ. XXV, 31—41). Пусть же поэтому никто не надѣется на одно лишь имя христіанское и со всякой покорностью и страхомъ слушаетъ апостола, говорящаго: «ибо знайте, что никакой блудникъ, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога. Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами, ибо за это приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія. Итакъ, не будьте сообщниками ихъ» (Ефес. V, 5—7). Подробнѣе же Онъ говоритъ объ этомъ къ Коринѳянамъ такъ: «не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители,

ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники царства Божія не наслѣдуютъ». И смотрите, какъ Онъ затѣмъ освобождаетъ отъ страха и отчаянія тѣхъ, кои совершили это въ прежней жизни: «и такими были нѣкоторые изъ васъ, но омылись, но освятились... именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего» (Коринѳ. VI, 9—11).

9. Итакъ, кто послѣ крещенія продолжаетъ совершать прежнія злыя дѣла, неужели будетъ онъ оставаться врагомъ себѣ до такой степени, чтобы колебаться еще перемѣнить жизнь, пока есть время, и станетъ грѣшить далѣе? Вѣдь, такъ упорно оставаясь во грѣхахъ, онъ собираетъ себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, и если живетъ еще, то это значитъ, что терпѣніе Божіе ведетъ его къ покаянію. И вотъ, опутанный узами смертоносныхъ грѣховъ, онъ еще не хочетъ, еще откладываетъ, еще колеблется прибѣгать къ ключамъ Церкви (ad ipsas claves Ecclesiae) [1], при посредствѣ коихъ могъ бы получить разрѣшеніе здѣсь, на землѣ, чтобы быть разрѣшеннымъ на небѣ, смѣетъ надѣяться послѣ этой жизни на какое-то еще спасеніе потому только, что называется христіаниномъ, и не страшится истинныхъ угрожающихъ словъ Господнихъ: «не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго» (Матѳ. VII, 21). Развѣ и апостолъ въ посланіи къ Галатамъ, перечисливъ дѣла, коими согрѣшаютъ люди, не тотъ же дѣлаетъ выводъ? «Дѣла плоти, говоритъ онъ, извѣстны: они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійства, пьянство и тому подобное: предваряю васъ, какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наслѣдуютъ» (Галат. V, 19—21). Пусть же осуждаетъ человѣкъ самъ себя за свое расположеніе къ такимъ порокамъ, пока можетъ это сдѣлать, и пусть постарается измѣнить жизнь свою къ лучшему, чтобы, когда уже не въ состояніи будетъ этого сдѣлать, не подвергнуться осужденію отъ Бога. И когда уже созрѣетъ въ немъ мысль о дѣйствительномъ исправленіи, пусть при-

[1] Такъ именуется здѣсь таинство покаянія.

ходитъ къ предстоятелямъ Церкви, черезъ которыхъ дается разрѣшеніе отъ грѣховъ; какъ добрый сынъ, съ соблюденіемъ установленнаго порядка, пусть получаетъ отъ служителей тайнъ и знакъ своего оправданія и, съ полной преданностью и благоговѣніемъ принося жертву сердца сокрушеннаго, пусть дѣлаетъ то, что не только бы ему служило во спасеніе, но и другимъ въ назиданіе. И если священникъ найдетъ это полезнымъ для церкви, пусть не отказывается кающійся, въ виду тяжести грѣха и произведеннаго имъ соблазна для другихъ, принести покаяніе предъ лицомъ многихъ или даже предъ лицомъ всего народа, пусть не противится и не увеличиваетъ тѣмъ воспаленія пагубной и смертоносной раны своей, пусть помнитъ всегда, что «Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать» (Іак. IV, 6). Да и что печальнѣе, что хуже, какъ не стыдиться самой раны, которой нельзя скрыть, и въ то же время стыдиться ея перевязки?

10. Пусть никто не думаетъ, братія мои, что потому можетъ онъ пренебречь совѣтомъ касательно этого спасительнаго покаянія, что, быть можетъ, видитъ и знаетъ многихъ, приступающихъ къ таинству алтаря, грѣхи коихъ извѣстны ему. Потому что многіе исправляются, какъ Петръ, многіе терпятся, какъ Іуда. Состояніе многихъ неизвѣстно, пока не придетъ Господь, «Который и освѣтитъ скрытое во тьмѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія» (1 Коринѳ. IV, 5). Вѣдь, многіе потому желаютъ обвинять другихъ, что черезъ нихъ стараются извинить себя самихъ. Многіе же добрые христіане потому молчатъ и терпятъ грѣхи другихъ, которые имъ извѣстны, что не имѣютъ часто доказательствъ, и то, что они сами знаютъ, не могутъ доказать передъ судомъ церковнымъ. Хотя и истинно иное, однако судья не можетъ довѣрить тому, если нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ. Мы же не можемъ удерживать отъ общенія никого (хотя бы это удержаніе имѣло лишь воспитательную цѣль), если только кто добровольно не признается во грѣхѣ или не будетъ указанъ и обличенъ судомъ частнымъ или церковнымъ. А присвоить себѣ и то, и другое право, т.-е., быть для всякаго и обвинителемъ, и судьей кто осмѣлится? На такой порядокъ кратко указываетъ, какъ слѣдуетъ полагать, апостолъ Павелъ въ томъ же посланіи къ Коринѳянамъ, когда, назвавъ всякаго

рода пороки, даетъ форму суда церковнаго для всѣхъ подобныхъ пороковъ. Онъ говоритъ: «я писалъ вамъ въ посланіи—не сообщаться съ блудниками; впрочемъ, не вообще съ блудниками міра сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вамъ найти изъ міра сего» (1-е Коринѳ. V, 9—10). Не могутъ люди, живя въ этомъ мірѣ, не быть вмѣстѣ съ таковыми. Не могутъ и приводить ихъ ко Христу, если будутъ избѣгать бесѣдъ и общенія съ ними. Поэтому и Господь, вкушая пищу съ мытарями и грѣшниками, говорилъ: «Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные... Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію» (Матѳ. IX, 12—13). И апостолъ, слѣдуя Ему, говоритъ далѣе: «я писалъ вамъ — не сообщаться съ тѣмъ, кто, называясь братомъ, остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницей, или хищникомъ, съ такимъ даже и не ѣсть вмѣстѣ. Ибо что мнѣ судить и внѣшнихъ? Не внутреннихъ ли вы судите? Внѣшнихъ же судитъ Богъ. Итакъ, извержите развращеннаго изъ среды васъ» (1-е Коринѳ. V, 11—13). Здѣсь онъ ясно показываетъ, что не необдуманно и не кое-какъ злые должны быть лишаемы общенія церковнаго. И если нельзя этого сдѣлать посредствомъ суда, то пусть скорѣе терпятся они, чтобы кто-нибудь, избѣгая злыхъ, самъ не удалялся отъ церкви и другихъ не увлекалъ въ геенну. Примѣры этого въ назиданіе намъ указаны въ Свящ. Писаніи, напр., въ жатвѣ, когда солома остается до послѣдняго дня вѣянія (Матѳ. III, 12), или когда говорится о неводѣ, въ коемъ остаются хорошія рыбы вмѣстѣ съ худыми, пока ихъ не раздѣлятъ на берегу, т.-е. при кончинѣ вѣка (Матѳ. XIII, 47—50). Не противорѣчитъ этому и то, что говоритъ апостолъ въ другомъ мѣстѣ: «кто ты, осуждающій чужого раба? Передъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ» (Римл. XIV, 4). Не хотѣлъ онъ, чтобы одинъ человѣкъ подвергался осужденію другого по одному только подозрѣнію, или судился необычнымъ произвольнымъ судомъ, но чтобы все совершалось согласно съ закономъ Божіимъ, по чину церковному, когда кто-либо самъ признается, или когда онъ ясно будетъ обвиненъ и уличенъ. Иначе для чего сказалъ онъ: «но кто, называясь братомъ, остается блудникомъ... или идоло-

служителемъ»... и пр., какъ не съ цѣлью научить, чтобы обвиненія эти произносились правильно, какъ это установлено чиномъ церковнымъ? Вѣдь, если довольно одного наименованія (оговора), то многіе невинные должны были бы быть осуждены, потому что часто во всякаго рода преступленіяхъ оговариваются ложно.

11. Итакъ, тѣ, коихъ убѣждаемъ мы совершать покаяніе, пусть не ищутъ себѣ спутниковъ по пути къ наказанію и пусть не радуются, что много находится ихъ. Вѣдь, не меньше будутъ страдать они оттого, что вмѣстѣ со многими подвергнутся страданіямъ. Неумная это отговорка и напрасное утѣшеніе для себя. Или, можетъ быть, видятъ, что многіе изъ предстоятелей и служителей церковныхъ живутъ не согласно со своимъ словомъ и недостойно тайнъ, которыя чрезъ нихъ совершаются для прочихъ. О, несчастные люди, забывающіе черезъ это Христа! Вѣдь, Онъ уже давно указалъ, чтобы мы болѣе повиновались закону Божію, нежели старались подражать тѣмъ, которые говорятъ и не дѣлаютъ (Матѳ. XXIII, 3). Терпя до конца своего предателя, Онъ посылалъ его даже на проповѣдь вмѣстѣ съ другими. Тѣ, которые охотнѣе избираютъ—подражать дурнымъ нравамъ своихъ предстоятелей, нежели исполнять возвѣщаемыя чрезъ нихъ заповѣди Божіи, столь же неразумны, нетолковы и жалки, какъ жалокъ путникъ, который станетъ думать, что слѣдуетъ ему остановиться и не идти далѣе, когда увидитъ, что дорогу показываютъ каменные столбы, покрытые буквами. Почему однако, если нужно дойти до конца, не посмотрѣть внимательнѣе и не послѣдовать за такими спутниками, которые и путь хорошо показываютъ и сами безпрепятственно и быстро идутъ по нему? И это въ томъ случаѣ, еслибы въ такихъ спутникахъ былъ недостатокъ, и ихъ было бы мало; вѣдь, не можетъ же совсѣмъ не быть ихъ, хотя люди не такъ ищутъ то, что можетъ служить къ подражанію, какъ то, на что могли бы излить лицемѣрное негодованіе, и не находятъ добрыхъ, будучи сами дурны, или боясь найти таковыхъ, желая навсегда остаться злыми. Впрочемъ, допустимъ, что теперь нѣтъ людей, достойныхъ подражанія. Но всякій, думающій такъ, пусть посмотритъ мысленно на Господа, Который сдѣлался человѣкомъ, чтобы научить жизни человѣка. Если Христосъ обитаетъ у тебя

во внутреннемъ человѣкѣ, въ вѣрующемъ сердцѣ твоемъ, и если ты помнишь слова апостола Іоанна: «кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ (во Христѣ), тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ» (1 Іоан. II, 6), тогда не придется искать тебѣ, за кѣмъ слѣдовать, и другой когда увидитъ тебя, не станетъ жаловаться также на недостатокъ добрыхъ. Если ты не знаешь, какъ нужно жить праведно, старайся узнать заповѣди Божіи. Весьма возможно, что многіе живутъ праведно, но потому тебѣ кажется, что нѣтъ таковыхъ, что ты не знаешь, въ чемъ состоитъ жизнь праведная. Если же узналъ, поступай такъ, чтобы и самъ ты имѣлъ, чего ищешь, и другимъ показывалъ, чему нужно подражать. Стремись духомъ ко Христу, стремись къ апостоламъ, изъ которыхъ самымъ младшимъ является тотъ, кто говоритъ: «подражайте мнѣ, какъ я Христу» (1-е Коринѳ. IV, 16). Стремись духомъ къ неисчислимому множеству мучениковъ. Почему пріятно тебѣ прославлять память ихъ постыдными пиршествами [1]) и непріятно подражать жизни ихъ доброй жизнью? Тамъ увидишь, что не только мужи, но даже женщины и, наконецъ, мальчики и дѣвочки не увлекаются неразуміемъ и не совращаются нечестіемъ, не падаютъ передъ страхомъ опасностей, не трогаются любовью этого вѣка. Такъ тебя, не знающаго гдѣ найти оправданіе себѣ, окружаетъ не только прямое руководство заповѣдей, но и безчисленное множество примѣровъ.

12. Но продолжимъ бесѣду о пользѣ и спасительности покаянія, какъ это мы намѣтили уже. Если ты, отчаяваясь въ своемъ спасеніи, прибавляешь ко грѣхамъ грѣхи, какъ написано: «егда пріидетъ нечестивый въ глубину золъ, не радитъ» (Притч. XVIII, 3) 3), то все-таки не пренебрегай покаяніемъ, не отчаявайся; взывай изъ глубины сердца ко Господу и говори Ему: «изъ глубины взываю къ Тебѣ, Господи. Господи! услышь голосъ мой. Да будутъ уши Твои внимательны къ голосу моленій моихъ. Если Ты, Господи, будешь замѣчать беззаконія,—Господи! кто устоитъ? Но у Тебя прощеніе» (Псал. CXXIX, 1—4). Изъ такой глубины ниневитяне воззвали и получили прощеніе; угроза пророка

[1]) Указывается на существовавшій въ древности обычай устраивать въ дни памяти мучениковъ, на гробницахъ ихъ, пиршественные обѣды.

оказалась слабѣе противъ смиреннаго раскаянія ихъ. Но, можетъ быть, ты скажешь: «я уже крестился во Христа, отъ Котораго получилъ отпущеніе всѣхъ прежнихъ грѣховъ, и сдѣлался презрѣннымъ, постоянно повторяя свои поступки, какъ бы сквернымъ въ глазахъ Божіихъ псомъ, возвращающимся на свою блевотину. Куда пойду я отъ Духа Его и отъ лица Его куда убѣгу?» Но куда бѣжать тебѣ, братъ, какъ не къ милосердію Того, властью Коего ты, согрѣшая, раньше пренебрегалъ? Никто не убѣгаетъ отъ Него иначе, какъ къ Нему, переходя отъ Его гнѣва къ Его милосердію. И какое мѣсто найдешь ты, гдѣ бы не находило тебя Его присутствіе? Если взойдешь на небо, Онъ тамъ; если сойдешь въ преисподнюю—тамъ. Расправь крылья свои и вселись мысленно на край этого міра,—и оттуда изведетъ тебя рука Его и удержитъ десница Его (Псал. CXXXVIII, 7—10). И чтобы ты ни сдѣлалъ, сколько бы ни согрѣшилъ, ты, вѣдь, еще пользуешься жизнію, которую Господь отнялъ бы у тебя, если бы не хотѣлъ твоего спасенія. Зачѣмъ забываешь, что терпѣніе Божіе ведетъ тебя къ покаянію (Римл. II, 4)? Кто, взывая, не убѣдилъ тебя, чтобы ты не ходилъ отъ Него, Тотъ же, щадя, зоветъ, чтобы ты возвратился. Посмотри на Давида царя: онъ удостоился и самъ полученія откровеній, былъ обрѣзанъ, что въ то время служило вмѣсто крещенія, почему и апостолъ говоритъ объ Авраамѣ, что онъ получилъ знакъ обрѣзанія, какъ печать праведности черезъ вѣру (Римл. IV, 11). Уже помазанъ онъ былъ помазаніемъ честнымъ, которымъ предызображалось царское священство церкви. И вотъ, сдѣлавшись вдругъ виновнымъ въ прелюбодѣяніи и убійствѣ, онъ не напрасно однако, раскаявшись въ столь огромномъ и глубокомъ грѣхопаденіи, взывалъ къ Господу, говоря: «отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ и изгладь всѣ беззаконія мои». Почему, если не потому, что «беззаконія мои, какъ говорилъ онъ, я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною»? Что же приноситъ онъ Богу такое, чѣмъ бы можно было умилостивить Его? «Жертвы, говоритъ пророкъ, Ты не желаешь,—я далъ бы ее; къ всесожженію не благоволишь. Жертва Богу—духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже» (Псал. L, 11, 5, 18, 19). Не только самъ благоговѣйно приноситъ онъ жертву Богу, но, говоря такъ, и

другимъ показываетъ, что нужно приносить. Недостаточно измѣнить только жизнь къ лучшему и удаляться отъ злыхъ дѣлъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ о грѣхѣ не дается удовлетворенія Богу черезъ скорбь покаянія, черезъ чувство смиренія, черезъ жертву сердца сокрушеннаго, при содѣйствіи дѣлъ милосердія. Потому что, «блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ (Матѳ. V, 7). Въ другомъ же мѣстѣ Писанія заповѣдуется, чтобы мы не ограничивались только воздержаніемъ отъ грѣховъ. «Сынъ мой! сказано, не прилагай болѣе грѣховъ и о прежнихъ молись» (Сир. XXI, 1). И апостолъ Петръ былъ вѣрующимъ, самъ былъ со Христомъ, и другихъ крестилъ. Но смотри на Петра, заслужившаго упрекъ за свою самонадѣянность, изъ-за страха павшаго и вслѣдствіе сокрушенія своего исцѣлившагося. Такъ же точно, послѣ сошествія Св. Духа на апостоловъ, нѣкто Симонъ, уже крестившійся во Христа, захотѣлъ купить даръ Духа Святаго, помышляя о постыдной и нечестивой куплѣ, но обличенный Петромъ, получилъ отъ него наставленіе принести покаяніе (Дѣян. VIII, 13—22). Равнымъ образомъ и апостолъ Павелъ, давая при всякомъ случаѣ свои наставленія вѣрующимъ, говоритъ: «я опасаюсь... чтобы опять, когда приду, не уничижилъ меня и васъ Богъ, и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые согрѣшили прежде и не покаялись въ нечистотѣ, блудодѣяніи и непотребствѣ, какое дѣлали» (2-е Коринѳ. XII, 21). Итакъ, намъ даны и заповѣди правой жизни и указаны примѣры не только праводѣлающихъ, но и кающихся для полученія спасенія, которое черезъ грѣхъ было утеряно ими. Правда, мы не знаемъ, прощаетъ ли насъ Богъ. Но что теряетъ, если молится Богу, тотъ, кто не колебался губить свое спасеніе, когда прогнѣвлялъ Бога?

Кто знаетъ, напр., хочетъ ли простить насъ владыка земной—императоръ? И однако люди тратятъ деньги, проплываютъ моря, подвергаютъ себя опасностямъ отъ бурь и, чтобы избавиться отъ смерти, находятся подъ постоянной угрозой смерти, обращаются съ мольбой къ человѣку, и все это дѣлается безъ колебанія, хотя исходъ просьбы остается сомнительнымъ. Но ключи церкви болѣе надежны, нежели сердца царей. Что этими ключами разрѣшается на землѣ,

то по обѣщанію будетъ разрѣшено и на небѣ (Матѳ. XVI, 19). И самое униженіе предъ церковью Божіей много почетнѣе: и труда меньше требуется и, при отсутствіи какой-либо опасности тѣлесной смерти, устраняется опасность смерти вѣчной.

Бесѣда 12-я [1]).

О пользѣ покаянія.

1. Голосъ кающагося познается въ словахъ, которыя повторяли мы за чтецомъ: «отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ и изгладь всѣ беззаконія мои» (Псал. L, 11). И хотя мы не хотѣли было говорить къ любви вашей, однако узнали отсюда, что по повелѣнію Божію нужно говорить намъ. Хотѣли было мы въ настоящій день оставить васъ безъ поученія, зная, сколь обильную пищу уже вы получили. Но такъ какъ съ пользою потребляете вы, что предлагается вамъ, вы ежедневно голодаете. Пусть же поможетъ намъ Господь Богъ нашъ и въ недостаткѣ силъ нашихъ, и чтобы слышаніе слова нашего было полезно для васъ. Знаемъ мы, что нужно идти навстрѣчу вашимъ добрымъ и полезнымъ желаніямъ. Итакъ, окажите поддержку намъ вашимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ: благоговѣніемъ къ Богу, вниманіемъ къ слову, чтобы сказать намъ то, что полезнымъ найдетъ Тотъ, Кто пасетъ васъ чрезъ насъ. Итакъ, голосъ покаянія слышится въ этихъ словахъ: «отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ и изгладь всѣ беззаконія мои», и мы свыше получили повелѣніе говорить о покаяніи. Не давали мы распоряжаться чтецу пѣть этотъ псаломъ. Но что Онъ (Господь) нашелъ полезнымъ для слушанія вашего, это и вложилъ въ сердце отрока. Итакъ, говоримъ о пользѣ покаянія, тѣмъ

[1]) По общему счету 352-я.

болѣе въ виду наступающаго великаго дня [1]), когда и особенно прилично смирять духъ и укрощать тѣло.

2. Въ Священномъ Писаніи имѣется указаніе на три рода покаянія. Никто не долженъ приступать ко крещенію во Христа, въ которомъ очищаются всѣ грѣхи, если прежде не раскается въ прежней жизни. Никто не начинаетъ новой жизни, не раскаявшись въ старой. Однако слѣдуетъ авторитетомъ Священнаго Писанія подтвердить, должны ли приступающіе ко крещенію совершать покаяніе. Когда ниспосланъ былъ апостоламъ ранѣе обѣщанный имъ Духъ Святый, и Господь явилъ истину общенія Своего, они, исполненные Духа Святаго, начали, какъ вы знаете, говорить на разныхъ языкахъ,—такъ что каждый изъ тѣхъ, которые были тамъ, могъ слышать рѣчь свою. Устрашенные этимъ чудомъ, слышавшіе спрашивали апостоловъ, что имъ дѣлать. Тогда апостолъ Петръ возвѣстилъ имъ, что нужно чтить Того, Кого распяли, и съ вѣрою принимать (biberent) пролитую кровь Его. Когда возвѣщено было имъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и когда слушающіе познали вину свою, они смутились, такъ что исполнилось на нихъ сказанное нѣкогда пророкомъ: «возвратихся на страсть, егда унзе ми тернъ» (Псал. XXXI, 4). Почувствовали горечь скорби, когда сталъ колоть ихъ терній воспоминанія о грѣхѣ. Думали они, что ничего не сдѣлали дурного, еще не былъ вонзенъ тернъ. Когда же говорилъ Петръ, они, по слову Писанія, «умилились сердцемъ». И въ томъ же самомъ псалмѣ, гдѣ сказано: «возвратихся на страсть, егда унзе ми тернъ», говорится затѣмъ: «беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ, рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви: и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего» (ст. 5). Когда же, пронзенные этимъ терніемъ воспоминанія, они сказали апостоламъ: «что намъ дѣлать», Петръ сказалъ имъ: «покайтесь и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ» (Дѣян. II, 37). Итакъ, теперь, если только есть здѣсь желающіе креститься (надѣемся, что они тѣмъ внимательнѣе къ слову нашему, чѣмъ ближе къ прощенію), къ нимъ именно обращаемся мы съ немногими словами, чтобы воздвигли мысли свои къ надеждѣ. Пусть возлюбятъ то,

[1]) Имѣется въ виду какой-либо годовой праздникъ.

чѣмъ хотятъ быть, и возненавидятъ то, чѣмъ были. Пусть съ благоговѣніемъ воспримутъ имѣющаго родиться новаго человѣка. Что бы ни мучило ихъ въ въ прошедшей жизни, что бы ни угнетало совѣсть,—великое или малое, такое, что можно сказать и чего нельзя, пусть не сомнѣваются, что это будетъ отпущено, такъ чтобы не удержало во вредъ себѣ сомнѣніе людское того, что готово простить божественное милосердіе.

3. Примѣръ этого всякій пусть припомнитъ въ событіяхъ изъ исторіи еврейскаго народа, потому что апостолъ говоритъ,—что «это были образы для насъ» (1-е Коринѳ. X, 6). О чемъ говоритъ онъ и что говоритъ? «Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи, что отцы наши всѣ были подъ облакомъ... и всѣ крестились въ Моисея въ облакѣ и въ морѣ; и всѣ ѣли одну и ту же духовную пищу; и всѣ пили одно и то же духовное питіе, ибо пили изъ духовнаго послѣдующаго камня; камень же былъ Христосъ» (1-е Коринѳ. X, 1—4). Что это были образцы наши, сказалъ тотъ, кому никто изъ вѣрующихъ никогда не противорѣчилъ. И хотя многое перечисляетъ онъ, но одному лишь предмету указываетъ значеніе, когда говоритъ: «камень же былъ Христосъ». Указавъ лишь одно, онъ прочее оставилъ для нашего обслѣдованія. Но пусть изслѣдователь не заблуждается, пусть не отступаетъ отъ Христа и, утверждаясь на камнѣ, пусть стоитъ твердо. «Камень, говоритъ апостолъ, былъ Христосъ». Указалъ онъ, что то были образы для насъ и все было сокровено. Кто раскроетъ покровы образовъ? Кто обнажитъ? Кто осмѣлится проникнуть за нихъ? Иногда въ мѣстахъ очень тѣнистыхъ густая тѣнь содѣйствуетъ усиленію свѣта. Камень, говоритъ, былъ Христосъ. Вотъ теперь, когда появился свѣтъ, и станемъ изслѣдовать, что знаменуетъ остальное, что значитъ море, облако и манна. Этого апостолъ не объяснилъ, а указалъ лишь, что означаетъ камень.—Переходъ чрезъ море означаетъ, братія, крещеніе. Но такъ какъ крещеніе или, иными словами—вода спасенія не можетъ имѣть силы, если не освящается именемъ Христа, Который пролилъ за насъ кровь Свою, вода поэтому и знаменуется крестомъ Его, и самое море было красное. Значеніе манны съ неба ясно указывается Самимъ Господомъ. «Отцы ваши, говоритъ Онъ, ѣли манну въ пустынѣ и умерли» (Іоан. VI, 49).

Какъ бы могли они жить, когда образъ могъ лишь предуказывать жизнь, но не могъ быть жизнью? «Ѣли, говоритъ, манну и умерли», т.-е. манна, которую вкушали они, не могла освободить ихъ отъ смерти; значитъ, самая манна не была для нихъ смертоносна, но она не могла освободить ихъ отъ смерти. Освободить же отъ смерти имѣлъ Тотъ, Кто предуказывался манной. Манна падала съ неба. Смотрите, кого она знаменовала: «Я, говоритъ Господь, Хлѣбъ Живый, сшедшій съ небесъ» (Іоан. VI, 51). Принимайте слова Господа со всѣмъ вниманіемъ и добрымъ намѣреніемъ, чтобы успѣшно могли вы читать ихъ и слышать. «Ѣли, говоритъ апостолъ, одну и ту же духовную пищу». Что значатъ слова «одну и ту же», какъ не то, что отцы наши ѣли ту же самую пищу, что и мы? Чувствую, что нѣсколько трудновато для изложенія и изъясненія то, о чемъ я рѣшился говорить. Но буду уповать на доброжелательство ваше. Оно пусть испроситъ мнѣ помощь отъ Господа. «Ѣли, говоритъ, одну и ту же духовную пищу». Не довольно было сказать: «ѣли духовную пищу», а прибавляетъ: «одну и ту же». Эти слова: «одну и ту же» не иначе можно объяснить, какъ: ту же пищу, какую вкушаемъ и мы. Что же, скажетъ кто-нибудь, неужели эта манна была той же самой пищей, что и теперь я вкушаю? Но ничего нынѣ нѣтъ такого, что было тогда, и самый соблазнъ креста прекратился уже. Слѣдовательно, слово «ту же» нужно понимать такъ, какъ разъяснено это далѣе, т.-е., ту же духовную пищу. Вѣдь, тѣ, кто вкушалъ эту манну, думая удовлетворить лишь своей тѣлесной потребности, напитать свое чрево, а не умъ, ничего особеннаго не вкушали. Пища была достаточной по ихъ потребности. Но однихъ Богъ питалъ, а другимъ нѣчто и предвозвѣщалъ. Первые вкушали лишь пищу тѣлесную, а не пищу духовную. Кого же называетъ апостолъ отцами нашими, вкушавшими одну и ту же духовную пищу? Кого, братія, если не тѣхъ, которые были истинно нашими отцами, или, лучше сказать, которые всегда остаются нашими отцами? Всѣ они живы. Правда, Господь говоритъ невѣрующимъ іудеямъ: «отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ и умерли». Но кого здѣсь слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «отцы ваши», если не тѣхъ, коимъ вы (т.-е. іудеи, къ которымъ обращается Господь) подражаете своимъ невѣріемъ, и по путямъ коихъ ходите вслѣдствіе своего невѣрія и противленія Богу? Въ этомъ смыслѣ Онъ говоритъ также нѣкоторымъ изъ нихъ: «вашъ отецъ діаволъ» (Іоан. VIII, 44). Вѣдь, никого изъ людей не создалъ діаволъ своею властью и не произвелъ посредствомъ рожденія, и однако онъ называется отцомъ нечестивыхъ не по праву рожденія, но по причинѣ подражанія ему. Наоборотъ, о добрыхъ говорится: «вы сѣмя Авраамово» (Галат. III, 29). Хотя рѣчь обращена здѣсь къ язычникамъ, которые происходили не изъ рода Авраамова, однако они были названы дѣтьми Авраама не по рожденію, но по подражанію. Удаляется и отчуждается отъ самонадѣянныхъ іудеевъ отецъ Авраамъ. «Если бы вы были дѣти Авраама, говоритъ имъ Господь, то дѣла Авраамовы дѣлали бы» (Іоан. VIII, 39). Какъ дурныя деревья, они вслѣдствіе своего превозношенія происхожденіемъ отъ Авраама, съ корнемъ вырываются, дѣти же Аврааму могутъ быть созданы по обѣтованію даже изъ камня. Итакъ, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: «отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ и умерли», разумѣются тѣ, которые не понимали, что ѣли, и вслѣдствіе этого непониманія принимали лишь пищу тѣлесную, такъ здѣсь апостолъ называетъ отцами нашими не отцовъ невѣрующихъ, не отцовъ нечестивыхъ, вкушавшихъ и умершихъ, но нашихъ отцовъ, отцовъ вѣрующихъ, которые вкушали пищу духовную и, слѣдовательно, ту же самую пищу. «Отцы наши, говоритъ онъ, ѣли одну и ту же духовную пищу; и всѣ пили одно и то же духовное питіе». Были тамъ и такіе, которые понимали, что вкушали. Были и такіе, которые Христа болѣе чувствовали въ сердцѣ, нежели манну во рту. Изъ числа такихъ былъ прежде всего Моисей, рабъ Бога, вѣрный во всемъ въ домѣ Его» (Евр. III, 2), знающій, что раздавать, и что предлагать нужно было тогда сокровенное въ настоящемъ и ясное въ будущемъ. Итакъ, скажу кратко: кто въ маннѣ уразумѣвалъ Христа, тотъ вкушалъ ту же, что и мы, духовную пищу. Кто же отъ пищи искалъ одного лишь тѣлеснаго насыщенія, тотъ вкушалъ, какъ отецъ невѣрующихъ, и умеръ. То же нужно сказать и о питьѣ. Камень былъ Христосъ. Одно и то же питіе пили они, что и мы, но духовное, если руководились вѣрою, а не чувственностью только возбуждались. «Камень же былъ Христосъ». Не иной Христосъ тогда, а другой теперь. Одинъ былъ камень, источившій воду (Исх. XVII, 6), другой, ко-

торый положилъ себѣ Іаковъ подъ голову (Быт. XXVIII, 11), одинъ агнецъ, котораго закалали для вкушенія пасхи, другой агнецъ, запутавшійся въ кустахъ, коего долженъ былъ принести въ жертву Авраамъ, когда, по повелѣнію Божію, пожалѣлъ сына своего, коего хотѣлъ было принести въ жертву (Быт. XVII, 13). Одинъ агнецъ и другой агнецъ, одинъ камень и другой камень, но Христосъ одинъ и тотъ же. Поэтому одну и ту же пищу ѣли отцы наши, одно и то же питіе пили. Для того, чтобы истекла вода изъ камня, онъ получилъ ударъ отъ дерева (Исх. XVII, 5—6). Почему отъ дерева, а не отъ желѣза, если не потому, что Христосъ распятъ былъ на крестѣ, чтобы пріобщить насъ Своей благодати? Итакъ, одну и ту же пищу вкушаютъ и одно и то же питіе, но лишь разумѣвающіе, вѣрующіе. Неразумѣвающимъ же остается одна только манна, одна только вода, т.-е. пища для голодающаго тѣлесно, питье для жаждущаго. Но не такая пища и такое питье для вѣрующаго, для него та же пища, что и теперь. Тогда Христосъ имѣлъ придти теперь Онъ пришелъ. Имѣющій придти и пришедшій,— разныя слова, но тотъ же Христосъ...

4. Далѣе сказать я хочу вамъ о сомнѣніи раба Божія Моисея. И это у древнихъ святыхъ также служило образомъ. Усумнился относительно воды Моисей; когда ударилъ жезломъ по скалѣ, чтобы изъ нея истекла вода, заколебался. Читая о его колебаніи, иной, пожалуй, не остановится на этомъ мѣстѣ, не постарается вникнуть въ него, не захочетъ и спросить объ этомъ. Господу Богу, однако, не угодно было такое колебаніе, и Онъ не только обличилъ за это Моисея, но и наказалъ его. Именно вслѣдствіе этого сомнѣнія сказано было Моисею (и Аарону): «не введете вы народа сего въ землю, которую Я даю ему» (Числ. XX, 12), и еще: «умри на горѣ, на которую ты взойдешь» (Втор. XXXII, 50). Здѣсь Богъ является, какъ видите, разгнѣваннымъ. Но неужели на Моисея, братія мои? Неужели весь трудъ его, все его безпокойство за народъ, вся любовь его, когда онъ говорилъ: «прости имъ грѣхи ихъ; а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей» (Исх. XXXII, 32),—все это осуждено за одно случайное, неожиданное колебаніе? И что же значатъ слова, коими закончилъ чтецъ апостольское чтеніе, что «любовь никогда не перестаетъ» (1-е Коринѳ. XIII, 8)?

Хотя я уже намѣтилъ было для разрѣшенія другое, усердіе ваше побудило меня однако поставить нѣчто, чего, можетъ быть, вы не ожидали. Разсмотримъ же и, насколько возможно, постараемся уразумѣть тайну. Вотъ, гнѣвается Богъ, говоритъ, что онъ (Моисей) не введетъ народа въ обѣщанную землю; повелѣваетъ, чтобы онъ взошелъ на гору и умеръ. И въ то же время многое поручаетъ сдѣлать тому же Моисею: указываетъ, что сдѣлать, какъ распредѣлить народъ, чтобы не оставлять его и тамъ, и сямъ—кое-какъ. Никогда Онъ не поручилъ бы этого осужденному. Обратите вниманіе еще и на другое, болѣе удивительное. Такъ какъ сказано было Моисею, что онъ не введетъ народа въ обѣщанную землю (что угодно было Господу ради нѣкоторой тайны и въ цѣляхъ назиданія), избирается на его мѣсто другой—Іисусъ Навинъ, именовавшійся Осіей (Числ. XIII, 17). И такъ какъ ему Моисей поручилъ ввести народъ въ землю, онъ перемѣнилъ имя Осіи и назвалъ его Іисусомъ, чтобы не чрезъ Моисея, но чрезъ Іисуса, т.-е. не черезъ законъ, а чрезъ благодать народъ Божій вступилъ въ землю обѣтованія. И какъ Іисусъ тотъ былъ не истиннымъ, но служилъ образомъ, такъ и та земля обѣтованія была не истинной, но являлась образомъ истинной. Для того народа она была временной, земля же, обѣщанная намъ, будетъ вѣчной. Во временныхъ образахъ обѣщалось и предуказывалось вѣчное. Итакъ, тотъ Іисусъ не былъ истиннымъ Іисусомъ, и та земля не была истинной, но служила прообразомъ; такъ и манна не была истинной, небесной пищей, но служила прообразомъ, такъ и камень не былъ истинно Христомъ, а только прообразомъ, такъ и все прочее. Что же нужно думать о сомнѣніи Моисея? Нѣтъ ли для разумѣющаго и тутъ какого-нибудь образа? Не подвигнетъ ли и не побудитъ ли это духъ нашъ къ изслѣдованію? Вижу, что и послѣ того сомнѣнія, и послѣ гнѣва и угрозъ смерти, послѣ отнятія права ввести народъ въ землю обѣтованія, Богъ многое открываетъ Моисею, какъ другу, какъ и ранѣе открывалъ. Самому Іисусу Навину Моисей ставится въ примѣръ послушанія, и въ томъ увѣщеваетъ его Господь, чтобы онъ служилъ Ему такъ же, какъ Моисей служилъ, обѣщая быть съ нимъ, какъ съ Моисеемъ. Ясно, возлюбленные, что Господь Самъ вразумляетъ насъ, чтобы не упрекали мы напрасно Моисея, но старались ура-

зумѣть его сомнѣніе. Образомъ былъ камень, образомъ служилъ жезлъ, коимъ ударилъ Моисей по нему, образомъ служила вода истекшая, образомъ же явился и Моисей, сомнѣвающійся. Усумнился онъ въ то время, когда ударилъ. Тогда явилось сомнѣніе у Моисея, когда дерево приблизилось къ скалѣ. Вотъ уже догадливые предупреждаютъ насъ, но пусть однако терпѣливо пождутъ они ради другихъ, медлительныхъ. Усумнился Моисей, когда дерево приблизилось къ скалѣ, поколебались и ученики, когда увидѣли Господа распятаго. Образомъ ихъ и былъ именно Моисей, образомъ Петра, трижды отрекшагося. Почему Петръ усумнился? Потому что дерево приблизилось къ камню. Когда родъ смерти Своей, т.-е. крестъ Свой, предуказалъ Господь, Петръ въ ужасѣ воскликнулъ: «Господи! да не будетъ этого съ Тобою!» (Матѳ. XVI, 22). Сталъ сомнѣваться онъ, когда увидѣлъ, что скалѣ угрожаетъ жезлъ. Вѣдь, ученики Господа теряли въ такомъ случаѣ надежды, которыя возлагали они на Господа. Надежды эти какъ бы отняты были у нихъ, когда они увидѣли Его распятаго, когда скорбѣли о Немъ, умершемъ. Вотъ, встрѣчаетъ ихъ Господь, послѣ воскресенія, печально бесѣдующихъ между собою о всемъ случившемся; но удерживаетъ глаза ихъ, такъ что они не узнали Его; не удаляясь отъ вѣрующихъ, но отстраняя на нѣкоторое время колеблющихся, Онъ, какъ незнакомецъ, присоединился къ разговору ихъ и спросилъ, о чемъ они бесѣдуютъ. Дивились ученики, что одинъ Онъ не знаетъ, что́ случилось съ Тѣмъ, Кто спрашивалъ ихъ: «неужели Ты одинъ изъ пришедшихъ въ Іерусалимъ, не знаешь о происшедшемъ въ немъ?» И вспомянули, что было съ Іисусомъ. Тотчасъ стали излагать они сущность скорби своей и показывать, не зная того сами, рану свою врачу. «А мы, говорятъ они, надѣялись было, что Онъ есть Тотъ, Который долженъ избавить Израиля» (Луки XXIV, 13—21). Такъ явилось сомнѣніе вслѣдствіе того, что дерево соединилось съ камнемъ и, такимъ образомъ, исполнился прообразъ Моисея.

5. Теперь разсмотримъ слова: «умри на горѣ, на которую ты взойдешь». Въ тѣлесной смерти Моисея предуказывается конецъ всякаго сомнѣнія, но на горѣ. О дивное таинство! Однако, выясненіе и раскрытіе этого насколько пріятнѣе самаго таинства! Около скалы родилось сомнѣніе,

на горѣ оно умерло. Когда Христосъ былъ униженъ въ страданіи и, какъ камень, лежалъ передъ взорами всѣхъ, естественно, послѣдователи Его усумнились въ Немъ, потому что униженіе то ничего великаго не показывало. Естественно, униженіе это сдѣлалось камнемъ преткновенія. Въ воскресеніи же Господь явился прославленнымъ, великимъ, какъ бы горою. Итакъ, пусть сомнѣніе, которое обнаружилось при скалѣ, умретъ на горѣ. Пусть познаютъ ученики спасеніе свое, пусть воззовутъ надежду свою. Обрати вниманіе, какъ умираетъ сомнѣніе это, посмотри, какъ умираетъ Моисей на горѣ. Пусть не входитъ онъ въ обѣтованную землю, не хотимъ, чтобы тамъ было сомнѣніе, пусть умретъ оно. Пусть покажетъ намъ Христосъ смерть этого сомнѣнія. Испугался Петръ и трижды отрекся, потому что Христосъ былъ какъ бы камнемъ. Но воскресъ Онъ и сталъ какъ бы горою, утвердилъ Петра, и сомнѣніе окончилось. Какимъ образомъ прекратилось сомнѣніе? «Симонъ Іонинъ, любишь ли ты Меня» (Іоан. XXI, 15)? Сердцевѣдецъ спрашиваетъ и хочетъ услышать, что Его любятъ. И не довольно одного раза. Спрашиваетъ и выслушиваетъ опечалившагося Петра. Удивляется Петръ, что испытываетъ его Всевѣдущій, и что столько разъ спрашиваетъ, когда достаточно было бы одного отвѣта даже и для того, кто не можетъ знать. Но Господь какъ бы говоритъ ему: «Я жду, пока не исполнится законное число: трижды пусть исповѣдуется въ любви тотъ, кто трижды отрекся изъ-за боязни». Вотъ, вопросивъ столько разъ Петра, Господь тѣмъ самымъ и положилъ конецъ сомнѣнію на горѣ.

6. Но зачѣмъ, возлюбленные, намъ нужно раскрывать все это? Вѣдь, не для обмана, но для пользы нашей сокрыто было оно. И не съ такимъ любопытствомъ приступали бы мы къ чтенію Писанія, если бы оно всегда было ясно. Однако, пусть обратятся назадъ нѣсколько тѣ, которые имѣютъ намѣреніе приступить къ крещенію, къ коимъ я обращался съ рѣчью въ началѣ бесѣды. Море красное—это крещеніе, коимъ крестился перешедшій черезъ него народъ. Переходъ былъ крещеніемъ, но въ облакѣ. Пока облакомъ прикрывалось то, что предвозвѣщалось; пока сокровеннымъ было то, что обѣщалось. Только теперь сокрылось облако, и обнаружившаяся истина стала ясной, потому что снятъ уже покровъ, черезъ который бесѣдовалъ Моисей. Покровъ этотъ

(завѣса) былъ и въ храмѣ, чтобы сокровенное храма оставалось недоступнымъ для зрѣнія. Но въ моментъ смерти Господа завѣса разорвалась, чтобы стало яснымъ дотолѣ сокрытое. Итакъ, приходи ко крещенію. Безтрепетно вступай въ путь чрезъ море Чермное. Не бойся прежнихъ грѣховъ, какъ бы преслѣдующихъ египтянъ. Давили тебя грѣхи твои тяжелымъ бременемъ рабства, но въ Египтѣ, въ любви этого вѣка, въ странствованіи далекомъ; заставляли тебя тамъ гнаться за земными интересами, дѣлать какъ бы кирпичи, и совершалъ ты дѣла постыдныя. Давятъ тебя грѣхи,—приходи спокойно ко крещенію. До воды можетъ преслѣдовать тебя врагъ, а потомъ умретъ. Бойся чего бы то ни было изъ прошедшей жизни. Знай, что нѣчто останется отъ твоихъ грѣховъ, если останется что-либо изъ египетскаго. Слышу голосъ безпечнаго: «я, говоритъ, о прежнихъ грѣхахъ не безпокоюсь». Не сомнѣваюсь, что все мнѣ отпустится въ святой водѣ по благопопечительности церкви. Но боюсь будущихъ грѣховъ. Итакъ, неужели нравится тебѣ оставаться въ землѣ Египетской? Бѣгай отъ врага, который тебя стѣснилъ и поработилъ. Что помышляешь о врагахъ въ будущемъ? Что ты уже сдѣлалъ, это остается, хотя бы ты и не хотѣлъ того, а о чемъ думаешь, того, если захочешь, не будетъ. Но опасенъ дальнѣйшій путь, и когда я перейду Чермное море, еще не буду въ обѣтованной землѣ: вѣдь, народъ тотъ еще веденъ былъ чрезъ большую пустыню. Однако, старайся избавиться отъ рабства египетскаго. И неужели, думаешь ты, не будетъ помогать тебѣ въ пути Тотъ, Кто извлекъ тебя изъ великаго плѣна? Неужели не будетъ укрощать новыхъ враговъ твоихъ Тотъ, Кто избавилъ тебя отъ древняго врага? Только безтрепетно вступай на этотъ путь, безтрепетно иди и будь послушенъ. Не досаждай Тому Моисею, образъ Коего въ своемъ послушаніи носилъ этотъ (первый) Моисей. Справедливо, что нѣтъ недостатка во врагахъ. Какъ были враги, преслѣдовавшіе уходящихъ евреевъ, такъ были такіе, которые задерживали ихъ во время пути. Во всемъ, возлюбленные, они служили прообразомъ для насъ. Но да не будетъ въ тебѣ того, что огорчало Моисея. Не будь горькой водой, которой народъ тотъ послѣ перехода чрезъ Чермное море не могъ пить. Были и тамъ испытанія. И теперь, когда случается подобное, когда люди ропщутъ, мы

указываемъ имъ на Христа, указываемъ, что̀ перенесъ Онъ за насъ, какъ пролилъ кровь, и они утихаютъ, какъ если бы мы бросили въ воду кусокъ дерева. Несомнѣнно, и ты будешь имѣть на пути угрожающаго тебѣ Амалика. Тогда молился Моисей, простиралъ свои руки. Какъ только опускалъ онъ свои руки, одолѣвалъ Амаликъ, а когда снова простиралъ, Амаликъ становился слабѣе. И твои руки пусть будутъ простерты. Пусть слабѣетъ Амаликъ, искуситель и врагъ твой на этомъ пути. Будь бодръ и трезвъ въ молитвахъ и въ добрыхъ дѣлахъ во имя Христово, потому что простертіе рукъ знаменовало крестъ Христовъ. На немъ простирается апостолъ, когда говоритъ: «для меня міръ распятъ, а я для міра» (Галат. VI, 14). Пусть же слабѣетъ Амаликъ, пусть побѣждается и не препятствуетъ шествію народа Божія. Если опустишь руки отъ добраго дѣла, отъ креста Христова, возобладаетъ Амаликъ. Однако, не будь самонадѣянъ и не впадай въ отчаяніе. Чередованіе мужества и слабости въ рукахъ раба Божія Моисея, можетъ быть, служило образомъ твоей перемѣнчивости. Иногда въ искушеніяхъ ты ослабѣваешь, но еще не падаешь. Опускалъ немного руки Моисей, но не падалъ совсѣмъ. «Когда я говорилъ: колеблется нога моя, милость Твоя, Господи, поддерживала меня» (Псал. XCIII, 18). Итакъ, не бойся. Есть на пути тебѣ Помощникъ, Который явился избавителемъ въ Египтѣ. Не страшись, начинай путь, смотри впередъ спокойно. Иногда Моисей опускалъ руки, иногда поднималъ, однако, Амаликъ былъ побѣжденъ (Исход. XVII, 11, 13). Могъ онъ возобновлять войну, но не могъ одержать побѣды.

7. Перейдемъ теперь къ бесѣдѣ о другомъ родѣ покаянія. Три вида его въ Свящ. Писаніи усмотрѣлъ я. Первый относится къ вступающимъ въ Церковь и желающимъ приступить ко крещенію. О немъ я сказалъ. Но есть еще другое покаяніе—ежедневное. Чѣмъ же можемъ доказать мы необходимость этого ежедневнаго покаянія? Не другимъ чѣмъ, какъ той ежедневной молитвой, молиться которой научилъ насъ Господь, и въ которой, показывая, съ какими словами слѣдуетъ намъ обращаться къ Богу, Онъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ» (Матѳ. VI, 12). Какіе же эти долги, братія? Такъ какъ нельзя понимать

здѣсь другихъ долговъ, кромѣ грѣховъ, то неужели опять просимъ, чтобы Господь отпустилъ намъ грѣхи, отпущенные въ крещеніи? Вѣдь, мертвъ уже всякій преслѣдовавшій насъ египтянинъ. И если ничего не осталось отъ преслѣдовавшихъ враговъ, почему молимся мы, какъ не потому, что ослабѣваютъ руки наши противъ Амалика? «Прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ». Указалъ Господь средство и вмѣстѣ утвердилъ договоръ. Указываетъ молитву и отвѣчаетъ молящемуся; зналъ Онъ, какъ дѣлается на небѣ, и какъ можно просить о своихъ желаніяхъ. Хочешь, чтобы были оставлены долги? Оставляй и самъ. Что задумываешься послужить Богу, отъ Коего самъ хочешь воспользоваться услугами? Однако, развѣ Христосъ ходитъ теперь по землѣ? Развѣ принимаетъ Его теперь въ домъ свой радующійся Закхей (Лук. XIX, 6)? Развѣ приготовляетъ для Него гостепріимство и обѣдъ Марѳа (Лук. X, 40)? Ни въ чемъ такомъ теперь Онъ не нуждается, сидя одесную Отца. Но «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ» (Матѳ. XXV, 40), говоритъ Господь. Это есть именно то простертіе рукъ, во время котораго Амаликъ слабѣетъ. Вотъ тратишься ты на бѣднаго, когда даешь голодающему. Можетъ и меньше будетъ у тебя того, изъ чего даешь, но въ дому, а не на небѣ. Однако, и здѣсь, на землѣ, восполнитъ недостающее у тебя Тотъ, повелѣніе Коего ты исполнилъ. Объ этомъ апостолъ говоритъ: «Дающій же сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ пищу подастъ обиліе посѣянному вами» (2-е Коринѳ. IX, 10). Работникомъ Божіимъ являешься ты, когда даешь нуждающемуся; зимою сѣешь, чтобы пожать потомъ лѣтомъ. Итакъ, что боишься, маловѣрный, того, что въ этомъ великомъ дому столь Великій Домовладыка не прокормитъ дѣлателя Своего? Будетъ и здѣсь у тебя все, сколько нужно тебѣ. Дастъ Богъ все потребное для удовлетворенія необходимой нужды твоей, но не для удовлетворенія страстей. Работай же безъ смущенія, простирай руки, и пусть ослабѣваетъ Амаликъ. Правда, въ томъ случаѣ, когда даешь что-нибудь, уменьшается, какъ я сказалъ уже, имѣніе твое: не видишь уже въ домѣ твоемъ, что далъ ты, пока снова того не подастъ Господь. Но скажи мнѣ, что теряешь ты, когда прощаешь отъ сердца? Когда прощаешь тому, кто согрѣшаетъ противъ тебя, что уменьшается въ

твоемъ сердцѣ? Прощаешь ты, но ничего не теряешь. Напротивъ, нѣкоторая какъ бы волна любви была въ твоемъ сердцѣ, протекала тамъ. Имѣя же ненависть къ брату твоему, ты заткнулъ источникъ ея. Не только ничего не теряешь ты, когда прощаешь, но еще обильнѣе орошаешься. Любовь не страдаетъ отъ этого (non angustatur). Самъ ты полагаешь тамъ для себя камень преткновенія и себѣ самому досаждаешь.—«Я, говоришь, постою за себя, отмщу, я покажу ему, я сдѣлаю то-то»; волнуешься, страдаешь ты, коему слѣдовало бы прощать и быть спокойнымъ, спокойно жить, спокойно молиться. Итакъ, какъ же будешь поступать ты? Вотъ, будешь ты молиться. Не стану спрашивать, когда, — сегодня станешь молиться. Или не будешь молиться?! Исполненъ ты гнѣва и ненависти, грозишь наказаніемъ, не прощаешь отъ сердца. Но вотъ молишься ты, вотъ наступаетъ часъ молитвы, начинаешь ты слушать или говорить слова тѣ. Когда будутъ сказаны или услышаны первыя слова, дойдешь и до послѣдующихъ. Потому что, куда же болѣе идти? Или хочешь бѣжать отъ Христа, только бы не прощать врагу? Но если не захочешь говорить этихъ словъ молитвы: «и прости намъ долги наши», потому что не можешь сказать «какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ», чтобы не получить тебѣ въ отвѣтъ: «поступаю съ тобой, какъ и ты поступаешь»,—итакъ, если пропустишь эти слова и будешь продолжать: «и не введи насъ во искушеніе», тутъ то и поймаетъ тебя кредиторъ твой, коего избѣгалъ ты, подобно тому должнику, который, встрѣтивъ на улицѣ человѣка, коему долженъ, оставляетъ дорогу, которой шелъ, лишь бы не видѣть лица своего заимодавца. Это же думаешь ты сдѣлать и въ данномъ случаѣ, стараясь опустить слова: «и прости, ...какъ и мы прощаемъ», не желая говорить ихъ, избѣгая лица своего заимодавца. Но кого избѣгаешь ты и кто ты, избѣгающій? Куда пойдешь ты, и гдѣ то мѣсто, гдѣ бы Его не было? Скажи: «куда пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо—Ты тамъ; сойду ли въ преисподнюю,—и тамъ Ты». Куда бы лучше должнику убѣжать отъ Христа, какъ не сойти въ преисподнюю? Но и тамъ Онъ. Что, наконецъ, сдѣлаешь, если не то, что слѣдуетъ далѣе: «возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря» (Псал. CXXXVIII, 7—9).

т.-е. буду въ упованіи своемъ помышлять о кончинѣ вѣка, буду жить въ заповѣдяхъ твоихъ и поднимусь на двухъ крыльяхъ любви. Возьми эти два крыла любви. Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя, и не имѣй ненависти, вслѣдствіе которой хочешь бѣжать отъ своего заимодавца (creditorem).

8. Остается еще третій родъ покаянія, о чемъ нужно намъ хоть кратко поговорить, чтобы, при помощи Божіей, исполнить предположенное и обѣщанное. Есть покаяніе болѣе тяжкое, болѣе глубокое, которому подвергаются особые грѣшники, удаляемые отъ таинства алтаря, чтобы недостойнымъ полученіемъ таинъ не принимать ихъ въ осужденіе себѣ. Покаяніе это тяжелое. Тяжела рана. Можетъ быть, совершено прелюбодѣяніе, можетъ быть, — убійство, можетъ быть,—какое-либо святотатство, — тяжкое дѣло, тяжелая рана,—гибельная, смертоносная. Но всемогущъ Врачъ. Послѣ измышленія проступка, послѣ соуслажденія имъ и согласія на него, послѣ его исполненія грѣшникъ уже смердитъ, какъ четверодневный Лазарь. Однакоже Господь не оставилъ его, но воскликнулъ: «Лазарь! иди вонъ»! уступила голосу милосердія пещерная мгла, уступила смерть жизни, уступило низшее высшему. Пробужденный Лазарь вышелъ изъ гроба, но былъ связанъ, какъ люди въ сознаніи грѣха своего совершающіе покаяніе. Уже пробудились они отъ смерти; не сознавали бы они грѣховъ своихъ, если бы не пробудились. Сознать грѣхъ—вотъ что значитъ выйти изъ пещеры, изъ мрака. Но что же однако говоритъ Господь церкви Своей. «Что, говоритъ, разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ» (Матѳ. XVIII, 18). Итакъ, когда Лазарь вышелъ вонъ, Господь исполнилъ здѣсь дѣло милосердія Своего, приводя въ сознаніе погребеннаго уже и смердящаго мертвеца; остальное уже относится къ обязанности священноначалія церковнаго, именно—слова: «развяжите его, пусть идетъ» (Іоан. XI, 39—44). Но, возлюбленные, избѣгайте необходимости прибѣгать къ этой степени покаянія; всякій такъ пусть ведетъ себя, чтобы не падать такъ глубоко. Однако, если кому придется совершать такое покаяніе, пусть не отчаявается. Іуду, предателя погубило не столько самое преступленіе, сколько отчаяніе. Не былъ достоинъ онъ милосердія Божія, а потому и не пришло ему въ мысль прибѣгнуть къ милости Того, Кого предалъ, подобно тѣмъ, которые распяли Его, но отчаяніемъ погубилъ себя, повисъ на веревкѣ и удавился. Что сдѣлалъ онъ съ тѣломъ своимъ, это же случилось и съ душею его. Духомъ называется, вѣдь, и дыханіе этого воздуха. И какъ тѣ, которые, сдавливая себѣ горло, умерщвляютъ себя, потому что невозможнымъ становится для нихъ дыханіе воздухомъ, такъ же точно и отчаявшіеся въ милости Божіей, этимъ отчаяніемъ внутренно убиваютъ себя, такъ что окончательно прекращаютъ общеніе съ Духомъ Святымъ.

9. Но язычники обыкновенно упрекаютъ христіанъ въ покаяніи, которое установлено церковью; а также и противъ нѣкоторыхъ еретиковъ церковь каѳолическая вынуждена была подтверждать истину о покаяніи. Потому что были такіе среди христіанъ, которые говорили, что для нѣкоторыхъ грѣховъ не можетъ быть покаянія. Но они отлучены отъ церкви и стали еретиками. Святая церковь не утрачиваетъ своего великодушія, какъ бы велики ни были грѣхи людей. Но за это обычно язычники упрекаютъ насъ, не разумѣя, что говорятъ, такъ какъ не знаютъ Слова Божія, которое и языкъ младенцевъ дѣлаетъ краснорѣчивымъ. «Вы, говорятъ они, помогаете людямъ грѣшить, когда обѣщаете имъ прощеніе, если покаются». Оно (покаяніе) будто бы развращаетъ, а не назидаетъ. Къ этой мысли сводятъ они всѣ свои рѣчи, болтая языкомъ своимъ, и когда мы доказываемъ обратное, они, хотя и остаются побѣжденными, однако не соглашаются. Какъ побѣждаются они, объ этомъ кратко пусть выслушаетъ любовь ваша, потому что милосердіемъ Своимъ Господь все прекрасно устроилъ въ церкви Своей. Говорятъ, что мы даемъ просторъ грѣху, такъ какъ указываемъ убѣжище для него въ покаяніи. Но если бы закрытъ былъ доступъ къ покаянію, развѣ тогда грѣшникъ не сталъ бы умножать грѣхи свои, по мѣрѣ своего отчаянія въ томъ, что они будутъ прощены? Онъ сказалъ бы: «вотъ согрѣшилъ я, сдѣлалъ преступленіе, нѣтъ уже мнѣ надежды на прощеніе; покаяніе безполезно. Я буду осужденъ. Почему же не жить мнѣ, какъ хочется? Такъ какъ тамъ (въ будущей жизни) я не встрѣчу любви, по крайней мѣрѣ хоть здѣсь удовлетворю страсть свою. Къ чему мнѣ воздерживаться? Тамъ мѣсто закрыто для меня; что́ бы ни сдѣлалъ я здѣсь, все

равно напрасный трудъ. Потому что той жизни, которая обѣщается послѣ этой, не будетъ для меня. Почему же не служить мнѣ своимъ похотямъ, почему не исполнять и не насыщать ихъ, почему не дѣлать того, что, хотя и не дозволено, но зато пріятно? Но, можетъ быть, кто-либо скажетъ ему: «несчастный! ты будешь схваченъ, обвиненъ, подвергнешься истязанію и мукамъ за преступленія». Однако знаютъ дурныя люди, что отвѣчать и именно отвѣчаютъ многіе это. «Вѣдь, грѣхи многихъ, дурно, преступно живущихъ, говорятъ они, остаются ненаказанными: можно также укрыться или откупиться, когда нельзя скрыться, и до самой старости такимъ образомъ проводить жизнь веселую, позорную, порочную, пагубную. Вотъ, говорятъ они, такой-то, проводившій порочную жизнь, не въ старости ли умеръ»? Но развѣ не знаешь ты, указывающій на это, что потому тотъ грѣшникъ и преступникъ умеръ въ старости, что Богъ хотѣлъ на немъ показать Свое долготерпѣніе, ожидая его покаянія? Поэтому и апостолъ говоритъ: «или пренебрегаешь богатствомъ долготерпѣнія Божія, не разумѣя, что благодать Божія ведетъ тебя къ покаянію? Но по упорству твоему и нераскаянному сердцу ты самъ себѣ собираешь гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога, Который воздастъ каждому по дѣламъ его» (Римл. II, 4—6). Нужно, чтобы боязнь этого суда Божія не выходила изъ мысли нашей, нужно, если ты не хочешь грѣшить, помнить о присутствіи Божіемъ не только въ мѣстѣ собранія, но и дома, не только дома, но и на ложѣ твоемъ, ночью на постели твоей, въ сердцѣ твоемъ. Итакъ, если отнимешь убѣжище покаянія, умножаются грѣхи вслѣдствіе отчаянія. Вотъ и безотвѣтны уже тѣ, которые утверждаютъ, что могутъ умножаться грѣхи по той причинѣ, что христіанская вѣра даетъ убѣжище для грѣшника въ таинствѣ покаянія. Кромѣ того, неужели Богъ не могъ предусмотрѣть, что чрезъ надежду на прощеніе грѣхи будутъ умножаться? Но какъ позаботился Онъ о томъ, чтобы вслѣдствіе отчаянія они не увеличивались, такъ предусмотрѣлъ и обратное, т.-е., чтобы грѣхъ не усиливался вслѣдствіе излишней надежды. Дѣйствительно, какъ можетъ умножать грѣхи человѣкъ, отчаявшійся, такъ можетъ дѣлать это и тотъ, кто надѣется на прощеніе. Послѣдній можетъ говорить себѣ: буду дѣлать такъ,

какъ хочу; милостивъ Богъ;—когда обращусь къ Нему. Онъ проститъ мнѣ. Но такъ увѣренно говорить могъ бы онъ въ томъ лишь случаѣ, если бы завтрашній день былъ извѣстенъ ему. Но развѣ этому учитъ тебя Писаніе, когда говоритъ: «не медли обратиться къ Господу и не откладывай со дня на день: ибо внезапно найдетъ гнѣвъ Господа, и ты погибнешь во время отмщенія» (Сир. V, 8—9)? Вотъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ позаботилось о насъ Провидѣніе: чтобы вслѣдствіе отчаянія мы не умножали грѣховъ, дано намъ убѣжище покаянія, а чтобы не дѣлали того же вслѣдствіе излишней надежды, остается сокрытымъ для насъ день нашей смерти.

Бесѣда 13-я [1]).

Къ новопросвѣщеннымъ, въ 8-й день послѣ крещенія.

1. Къ слуху и мысленному взору всѣхъ, кои ввѣрены попеченію нашему, обращена эта рѣчь вашего неспокойнаго пастыря. Но преимущественно она направляется теперь къ вамъ, на колыбели коихъ отпечатлѣно еще недавнее младенчество духовнаго рожденія, совершеннаго посредствомъ таинствъ. Васъ именно черезъ апостола Петра слово Божіе увѣщеваетъ такими словами: «Итакъ, отложивши всякую злобу и всякое коварство, и лицемѣріе, и зависть, и всякое злословіе, какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе; ибо вы вкусили, что благъ Господь» (1-е Петр. 1—3). А что вы вкусили, тому свидѣтели мы. Мы послужили вамъ, давъ вкусить вамъ столь сладкой пищи. Итакъ, твердо оберегайте образъ святого младенчества. Отложите злобу, коварство, лицемѣріе, зависть и злословіе. Невинность эту такъ должно соблюдать вамъ, чтобы при возрастаніи не потерять ея. Что есть злоба, если не желаніе вредить? Что коварство, какъ не то, когда мы знаемъ одно, а стараемся показать другое? Что есть лицемѣріе, какъ не обольщеніе ложною похвалою? Что такое зависть, какъ не ненависть къ чужому счастью? Что такое злословіе, какъ не язвительный скорѣе, нежели праведный, упрекъ? Злоба услаждается чужимъ зломъ. Зависть, кромѣ того, и мучится чужимъ благомъ. Коварство двоитъ сердце. Лицемѣріе двоитъ языкъ. Злословіе оскорбляетъ честь другого. Чистота же святости вашей, такъ какъ она есть дочь любви, «не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ» (1-е Коринѳ. XIII, 6). Проста она, какъ голубь, и мудра, какъ змѣй (Матѳ. X, 16), не вслѣдствіе стремленія вредить, а по причинѣ способности оберегаться отъ того, что нанóситъ вредъ. Къ ней то я и призываю васъ, «ибо таковыхъ есть царствіе небесное» (Матѳ. XIX, 14), т.-е. тѣхъ, которые смиренны и невинны, какъ младенцы. Не презирайте этого и не отвращайтесь. Такое младенчество свойственно великимъ. Гордость есть ложное величіе пустыхъ людей. Если она овладѣваетъ мыслію, то поднимая, вмѣстѣ и низвергаетъ, надмевая, дѣлаетъ суетнымъ, дѣлая напыщеннымъ, доводитъ до униженія. Смиренный не можетъ быть вреднымъ, гордый не можетъ быть невреднымъ. О смиреніи же я говорю о такомъ, которое не превозносится при пользованіи преходящими благами, но помышляетъ о нѣкоторомъ вѣчномъ благѣ, коего можетъ достигнуть не своими силами, но при помощи благодати Божіей. Оно не можетъ желать зла кому бы то ни было, такъ какъ вслѣдствіе этого собственное благо его ни ни въ какомъ случаѣ не умножается. Гордость же постоянно рождаетъ зависть. А гдѣ завистливый, не желающій зла тому, благомъ коего онъ мучится? Слѣдовательно, зависть рождаетъ злобу. Отсюда же происходитъ коварство и лицемѣріе, и злословіе и всякое зло, коего не хочешь ты терпѣть отъ другого. Итакъ, когда соблюдено будетъ вами благочестивое смиреніе, которое въ Писаніи приравнивается къ невинному дѣтству, тогда вы будете блаженны въ безсмертіи праведныхъ, «ибо таковыхъ есть царствіе небесное».

2. Далѣе, кто не гордъ по отношенію къ людямъ, тѣмъ болѣе не долженъ быть высокомѣренъ по отношенію къ Богу, потому что если не слѣдуетъ дѣлать другому того, чего не хочешь самъ терпѣть отъ него, и если никто изъ людей не хочетъ выносить непослушанія того, кто по закону подчиненъ ему, то насколько болѣе нужно остерегаться, чтобы по отношенію къ Богу не явился кто-либо такимъ, какимъ не хочетъ онъ видѣть по отношенію къ себѣ другого человѣка?

[1]) По общему счету 353-я.

Обольщаютъ поэтому себя тѣ, которые думаютъ, что достаточно, если не дѣлаютъ они никому изъ людей того, чего не хотятъ сами себѣ, и если такъ растлѣваютъ себя роскошью, что хотятъ по отношенію къ Богу дѣлать то, чего не хотятъ терпѣть отъ другихъ людей. Не желая, чтобы домъ ихъ разорялся кѣмъ бы то ни было, они однако сами въ себѣ разоряютъ храмъ Божій, будучи глухи къ словамъ апостола: «развѣ не знаете, что вы—храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Если кто разоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ, ибо храмъ Божій святъ, а этотъ храмъ—вы» (1-е Коринѳ. III, 16—17). Пусть же никто не обольщаетъ себя. И зачѣмъ, стараясь сохранить свою невинность въ отношеніи къ другимъ, люди вредятъ себѣ, когда лишаютъ себя присутствія Бога и наказываются Имъ? Вслѣдствіе этого случается также, что, падая и истощаясь среди пагубныхъ удовольствій, они не только перестаютъ быть храмомъ Божіимъ, но даже становятся развалинами, въ которыхъ обитаютъ злые демоны, коимъ начинаютъ покланяться и служить, и бываетъ для нихъ, какъ сказано, «послѣднее хуже перваго» (Лук. XI, 26). Поэтому и васъ, возрожденныхъ отъ сѣмени нетлѣннаго (1-е Петр. I, 23), тотъ же апостолъ Петръ, какъ въ виду вышеуказанныхъ вредныхъ страстей, въ силу коихъ люди дѣлаютъ другимъ то, что они не любятъ, также и въ виду другихъ постыдныхъ и недозволенныхъ наслажденій и скверныхъ пороковъ, коими люди, хотя, повидимому, и не вредятъ другимъ людямъ, не дѣлая имъ того, чего не хотятъ себѣ, однакоже Самому Владыкѣ владыкъ дѣлаютъ, чего не хотѣли бы терпѣть отъ своихъ рабовъ, увѣщеваетъ, говоря: «Итакъ, какъ Христосъ пострадалъ за насъ плотію, то и вы вооружитесь тою же мыслію; ибо страдающій плотію перестаетъ грѣшить, чтобы остальное во плоти время жить не по человѣческимъ похотямъ, но по волѣ Божіей. Ибо довольно, что вы въ прошедшее время жизни поступали по волѣ языческой, предаваясь нечистотамъ, похотямъ, пьянству, излишеству и нелѣпому идолослуженію» (1-е Петр. IV, 1—3). Довольно уже въ прошедшее время вы служили нечистымъ, грѣховнымъ дѣламъ, какъ бы игу египетскому. Уже море красное, т.-е., освященное кровью Христовой крещеніе сокрушило истиннаго фараона, уничтожило египтянъ. Не бойтесь прежнихъ грѣховъ, какъ бы

преслѣдующихъ сзади враговъ. Помышляйте о другомъ,—какъ бы пройти пустыню этой жизни и достигнуть земли обѣтованной, вышняго Іерусалима, страны живыхъ, чтобы вслѣдствіе пренебреженія къ Слову Божію, какъ бы вслѣдствіе отвращенія къ маннѣ, не очерствѣли сердца ваши, эти какъ бы уста внутреннія, чтобы, вспоминая о пищѣ египетской, не роптали вы по поводу пищи небесной, чтобы не блудодѣйствовали, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ блудодѣйствовали, и не искушали Христа, какъ нѣкоторые изъ нихъ искушали. Когда вамъ, если вы будете тосковать по нечестивой вѣрѣ языческой, встрѣтится какая-либо горечь, подобно тѣмъ водамъ, коихъ не могъ пить Израиль, подражайте терпѣнію Христа, дѣлайте ихъ сладкими, какъ бы бросая туда древо креста. Если ужалитъ васъ какое-либо жало змѣйное, то и вы подобно евреямъ, взиравшимъ на поднятаго змѣя, взирая на крестъ, какъ на знакъ смерти побѣжденной и пораженной въ плоти Господа, исцѣляйтесь тѣмъ же древомъ креста. Если врагъ амаликитянинъ вздумаетъ заградить и затруднить путь вамъ, пусть побѣждается постояннымъ простертіемъ рукъ вашихъ по подобію того же креста (ejusdem crucis indicio). Будьте истинными и настоящими христіанами. Не подражайте тѣмъ, которые являются христіанами только по имени. Опять говорю, и часто слѣдуетъ говорить это: «довольно, что вы въ прошедшее время поступали по волѣ языческой». Удаляйтесь и бѣгайте отъ псовъ, возвращающихся на свою блевотину. Удаляйтесь и избѣгайте тѣхъ домовъ—выметенныхъ и просторныхъ, куда входятъ семь другихъ нечистыхъ духовъ, такъ что послѣднее для человѣка бываетъ хуже перваго. Имѣйте обитателемъ въ себѣ своего Очистителя. «Умоляемъ васъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами» (2-е Коринѳ. VI, 1). «Довольно, что вы въ прошедшее время жизни поступали по волѣ языческой». Слушайтесь и слѣдующаго наставленія апостола Павла: «говорю по разсужденію человѣческому, ради немощи плоти вашей. Какъ предавали вы члены ваши въ рабы нечистотѣ и беззаконію на дѣла беззаконныя, такъ нынѣ представьте члены ваши въ рабы праведности на дѣла святыя» (Римл. VI, 19).

Бесѣда 14-я [1]).

Къ воздерживающимся отъ брачной жизни (ad continentes).

1. Когда читалось Евангеліе, вы слышали слова Господа, что вѣрующій въ Него, вѣруетъ въ Того, Кто послалъ Его (Іоанн. XII, 44). Истинная вѣра научаетъ насъ, что къ намъ посланъ Спаситель міра, и что Самъ Христосъ предуказываетъ Христа, т.-е. тѣло Свое, распространенное по всему міру. На небѣ былъ Онъ, а свирѣпствовавшему на землѣ гонителю говорилъ: «что ты гонишь Меня» (Дѣян. IX, 4)? Такъ Господь сказалъ здѣсь о себѣ и указалъ, что Онъ—въ насъ. Какъ Онъ здѣсь пребываетъ въ насъ, такъ и мы тамъ пребываемъ въ Немъ. Такъ дѣйствуетъ союзъ любви. Тотъ, Кто есть глава наша, Онъ же есть и Спаситель тѣла Своего. Итакъ, Христосъ предуказываетъ Христа, предуказываетъ Глава тѣло Свое и защищаетъ его. Потому и ненавидитъ насъ міръ, какъ это слышали мы отъ Самого Господа (Іоанн. XV, 18—21). Не апостоламъ только немногимъ говоритъ Онъ это, что міръ возненавидитъ ихъ, и что они должны радоваться, когда люди будутъ поносить ихъ и всячески неправедно злословить, потому что за то велика будетъ ихъ

[1]) По общему счету 354-я.

награда на небесахъ (Матѳ. V, 11, 12). Не имъ только однимъ Господь сказалъ это, но сказалъ всему тѣлу Своему, сказалъ всѣмъ членамъ Своимъ. И кто хочетъ состоять въ тѣлѣ Его и быть членомъ Его, пусть не дивится, если міръ ненавидитъ Его.

2. Участіе въ тѣлѣ Христовомъ многіе имѣютъ; но не всѣ, которые принимаютъ участіе въ этомъ тѣлѣ, будутъ имѣть и мѣсто, обѣщанное членамъ Его. Почти всѣ признаютъ тайну тѣла Его, потому что всѣ на пажитяхъ Его вмѣстѣ питаются, но придетъ Тотъ, Который раздѣлитъ насъ, и однихъ поставитъ по правую сторону, другихъ по лѣвую. И скажутъ стоящіе на той и на другой сторонѣ: «Господи! когда мы Тебя видѣли... и послужили Тебѣ?» или: «когда мы Тебя видѣли... и не послужили Тебѣ?» Та и другая сторона будетъ говорить. Однако, одной Онъ лишь скажетъ: «придите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра», а другой: «идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его» (Матѳ. XXV, 31—41). Итакъ, возлюбленные, по доброй совѣсти считающіе себя членами Христовыми, не тѣхъ только однихъ мы должны считать врагами своими, которые являются чужими по отношенію къ намъ. Гораздо хуже тѣ, которые, повидимому, среди насъ пребываютъ, однакоже чужды намъ. Любятъ они міръ и потому злы. И въ насъ хотятъ видѣть то, что сами любятъ, и когда мы, пользуясь благополучіемъ этого міра, вздыхаемъ, они завидуютъ намъ. Тамъ насъ считаютъ счастливыми, гдѣ мы сами себя видимъ въ опасности. Внутренняго же счастья нашего они не разумѣютъ, потому что не испытали его. Не знаютъ, что, если въ чемъ міръ благопріятствуетъ намъ, это скорѣе является опасностью для насъ, нежели счастіемъ, такъ какъ не познали они другихъ радостей.

3. Итакъ, видя васъ собравшимися нынѣ въ большомъ количествѣ, я обращаюсь съ наставленіемъ къ любви вашей, къ тѣмъ именно, которые дали высокій обѣтъ, т.-е. въ самомъ тѣлѣ Христа занимаютъ по дару Его, а не по своимъ заслугамъ, высшее мѣсто,—имѣя совѣсть (conscientiam), данную отъ Бога. У злыхъ и завистливыхъ изъ насъ совѣсть эта навлекаетъ на себя подозрѣніе. Потому однако уязвляется она, что испытывается. И если въ подвигѣ воздержанія мы

будемъ искать похвалы отъ людей, мы ослабѣваемъ подъ тяжестью ихъ упрековъ. Хотя ты чистъ передъ Богомъ, но вотъ міръ считаетъ тебя, можетъ быть, нечистымъ, уязвляетъ и упрекаетъ тебя и охотно останавливается на твоихъ недостаткахъ. Для злоожелательной души какъ бы пріятно бываетъ, когда подозрѣвается въ другомъ что-либо наихуднее. И если ты только ради похвалъ человѣческихъ захотѣлъ принять подвигъ воздержанія и если ослабѣваешь въ своемъ подвигѣ изъ-за упрековъ людей, то губишь все, въ чемъ ранѣе обѣщался. Если же ты научился говорить вмѣстѣ съ апостоломъ: «похвала наша сія есть свидѣтельство совѣсти нашей» (2-е Коринѳ. I, 12), то не только ради упрековъ не уменьшается твоя награда, а напротивъ, дѣлается она еще больше. Однако, молись за того, кто хулитъ тебя, чтобы изъ-за награды твоей не погибъ онъ. Этимъ испытываемся мы, возлюбленные, потому что, если бы не было у насъ враговъ, мы не имѣли бы, за кого молиться по заповѣди Господа, говорящаго: «любите враговъ вашихъ... и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ» (Матѳ. V, 44). Откуда узнаемъ мы и чѣмъ докажемъ, способны ли на что-нибудь, если не тѣмъ, когда не помнимъ никакого врага, никакого хулителя, никакого обидчика. Видите, что и злые необходимы для добрыхъ. Въ этомъ мірѣ мы какъ въ печи, гдѣ очищается золото. Если ты не золото, вмѣстѣ сгораешь. Если золото, врагъ твой—мякина. Если и ты мякина, вмѣстѣ обратитесь вы въ пепелъ.

4. Однако же то знайте прежде всего, возлюбленные, что въ тѣлѣ Христовомъ существуютъ не одни только превосходнѣйшіе члены. Есть достойная похвалы брачная жизнь, и она имѣетъ въ тѣлѣ Христовомъ свое мѣсто, какъ и въ нашемъ тѣлѣ имѣютъ мѣсто не одни только тѣ члены, которые помѣщены вверху; такъ, напр., части лица занимаютъ высшую часть тѣла, но если бы не было ногъ, какъ бы высоко иная часть ни находилась, она лежала бы на землѣ. Поэтому и апостолъ говоритъ: «и которые члены намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія... Богъ соразмѣрилъ тѣло..., дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ» (1-е Коринѳ. XII, 23—25). Знаемъ мы членовъ Христовыхъ, которые проводятъ брачную жизнь, хотя и члены Христовы, хотя вѣруютъ во Христа, ожидаютъ

жизни будущаго вѣка, и знаютъ, почему носятъ знакъ Христовъ, знаемъ, что они не лишаютъ васъ чести, и считаютъ васъ лучшими себя. Но какъ васъ почитаютъ они, такъ и вы взаимно должны оказывать имъ уваженіе. И если вы святы, бойтесь, чтобы не погубить святости. Черезъ что? Черезъ гордость. Какъ погибаетъ чистота чистаго, если онъ дѣлается прелюбодѣемъ, такъ же погибаетъ она, если онъ дѣлается гордымъ. Рѣшаюсь утверждать даже, что проводящіе брачную жизнь, если имѣютъ смиреніе, лучше гордыхъ дѣвственниковъ. Пусть любовь ваша поразмыслитъ о томъ, что́ я говорю. Подумайте о діаволѣ. Развѣ на судѣ Божіемъ поставленъ будетъ ему въ упрекъ блудъ или невоздержаніе? Ничего подобнаго не дѣлаетъ онъ, потому что не имѣетъ плоти. Одна только гордость и зависть посылаетъ его въ огонь вѣчный.

5. Но если къ рабу Божію подползаетъ гордость, тотчасъ же является тамъ и зависть. Не можетъ гордый не быть завистливымъ. Зависть—дочь гордости. Мать эта не знаетъ безплодія. Какъ только явится она, тотчасъ и рождаетъ. И чтобы ея не было у васъ, помните, что во время гоненія не только дѣва Агнія была удостоена вѣнца мученическаго, но и Христина, которая была замужемъ. Можетъ быть, и это несомнѣнно, нѣкоторые изъ воздерживающихся въ то время пали, и многіе изъ состоявшихъ въ бракѣ боролись и побѣдили. Поэтому не напрасно говоритъ апостолъ всѣмъ членамъ Христовымъ: «почитайте одинъ другого высшимъ себя...» «въ почтительности другъ друга предупреждайте» (Филипп. II, 3; Римл. XII, 10). Если будете помышлять объ этомъ, не будете и самомнительны. Больше думать слѣдуетъ о томъ, чего недостаетъ вамъ, а не о томъ, что есть у васъ; что имѣешь, бойся, чтобы не потерять. Чего не имѣешь, проси, чтобы имѣть. Нужно помнить о томъ, какъ ты малъ, а не о томъ, какъ ты великъ. Если думаешь, насколько превзошелъ ты другого, бойся надменности. Когда думаешь о томъ, чего недостаетъ тебѣ, ты скорбишь. А когда скорбишь, исправляешься, дѣлаешься смиреннымъ; тогда будешь спокойнѣе, будешь дальше отъ опасности, не возгордишься.

6. И о, если бы всѣ могли думать объ одной лишь любви! Она только все побѣждаетъ, безъ нея ничто не имѣетъ зна-

ченія, и гдѣ бы она ни была, все она привлекаетъ къ себѣ. Она не завидуетъ. Почему? Потому что не превозносится (1-е Коринѳ. XIII, 4). Первый между всѣми пороками есть гордость, какъ уже выше говорилъ я о томъ, а затѣмъ — зависть. Не завидуетъ человѣкъ, если нѣтъ у него стремленія превосходить всѣхъ (nisi amor excellentiae). Это стремленіе называется гордостью. Итакъ, хотя первой по порядку является гордость и затѣмъ зависть, апостолъ въ похвалахъ любви не захотѣлъ сказать однако сначала: «не превозно́сится». Почему это? Потому что, когда сказалъ онъ: «не завидуетъ», заставилъ тебя какъ бы искать причину, почему не завидуетъ, и потому прибавилъ: «не превозносится». Слѣдовательно, если потому не завидуетъ, что не превозносится, то если бы превозносилась, завидовала бы. Въ этомъ возрастайте, въ этомъ пусть укрѣпляется духъ вашъ, чтобы не превозноси́ться. Надмеваетъ насъ, какъ говоритъ апостолъ, знаніе (1-е Коринѳ. VIII, 1). Итакъ, что же? Неужели вы должны избѣгать знанія, и лучше избрать себѣ незнаніе, нежели надмеваться? Но къ чему же говоримъ мы вамъ это, если незнаніе лучше знанія? Къ чему разсуждаемъ съ вами? зачѣмъ обсуждаемъ это? Зачѣмъ увѣщеваемъ въ томъ, что знаете, и сообщаемъ то, чего не знаете, если нужно бояться знанія, чтобы оно не надмевало? Любите же знаніе, но выше его ставьте любовь. Знаніе, если оно одно только, надмеваетъ. А такъ какъ «любовь назидаетъ» (1-е Коринѳ. VIII, 1), она не позволяетъ знанію надмеваться. Итакъ, гдѣ знаніе надмеваетъ, тамъ любовь не назидаетъ; гдѣ же назидаетъ, тамъ знаніе твердо. Нѣтъ надменности тамъ, гдѣ есть крѣпкій фундаментъ (non est ibi inflatio, ubi petra est fundamentum) для знанія.

7. Сколь великимъ искушеніемъ является гордость, или превозношеніе, это видно изъ того, что даже столь великій апостолъ, какъ Павелъ, говорилъ, что ему дано жало въ плоть, ангелъ сатаны, коимъ онъ удручался. Кто же удручается, глава того опускается и не возно́сится, потому что и тамъ отъ знанія была опасность гордости или превозношенія. «Чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровеній»,—говоритъ апостолъ,—тамъ нужно было опасаться превозношенія, гдѣ была чрезвычайность откровеній,—«чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровеній, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалилъ его отъ меня. Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается въ немощи» (2-е Коринѳ. XII, 7—9). Проситъ болящій, чтобы тѣмъ, что предлагаетъ ему врачъ для спасенія, было отнято отъ него. Врачъ говоритъ: «нѣтъ, причиняетъ это тебѣ боль, но служитъ къ оздоровленію». Ты говоришь: удали то, что причиняетъ боль. Врачъ говоритъ: не удаляю, потому что это возстановляетъ здоровье. Для чего ты пришелъ ко врачу? Не для того ли, чтобъ излечиться и не терпѣть муки? Такъ не внялъ Господь желанію Павла, потому что имѣлъ попеченіе о его спасеніи. Не велико еще дѣло, когда Господь внемлетъ нашему желанію. Не думайте, что великое есть нѣчто, если кто молится, и удовлетворяется его моли́тва. Но будь внимателенъ къ тому, о чемъ нужно моли́ться, и въ чемъ хочешь быть услышаннымъ. Не считайте за великое быть услышанными согласно своему желанію. За вели́кое считайте, когда ваши молитвы исполняются для вашей же пользы. Иногда, вѣдь, и молитвы демоновъ удовлетворяются. Согласно просьбѣ своей, они получили, напр., позволеніе войти въ стадо свиней (Матѳ. VIII, 31—32). По волѣ своей услышанъ былъ діаволъ, и его просьба объ испытаніи Іова не была отклонена для того, чтобы онъ (Іовъ) черезъ это былъ прославленъ, а діаволъ посрамленъ (Іова I и II). По желанію своему израильтяне были услышаны и, когда еще пища была въ устахъ ихъ, вы знаете, что получили они (Числ. XI). Итакъ, не считайте за что-либо великое, когда желанія ваши исполняются. Иногда Господь во гнѣвѣ даетъ тебѣ, о чемъ ты просишь, а иногда, изъ милости къ тебѣ, отклоняетъ твои просьбы. Когда вы про́сите у Господа то, что Онъ одобряетъ, что заповѣдуетъ и что обѣщаетъ въ будущемъ вѣкѣ, просите спокойно и настойчиво, насколько возможно, чтобы получить просимое: все такое, по милости Божіей, подается намъ не гнѣвомъ Его, а милосердіемъ. Когда же просите о временномъ, просите съ мѣрою, просите осторожно. На Него положи́тесь, чтобы, если то полезно намъ, далъ, а если вредно, отказалъ въ нашей просьбѣ. Что же полезно и что вредно,—это знаетъ врачъ, а не больной.

8. Итакъ, есть смиренные изъ воздерживающихся (отъ брачной жизни), есть и гордые. Пусть не надѣются гордые на царство Божіе. Высоко мѣсто, куда ведетъ воздержаніе. Но «всякій возвышающій самъ себя униженъ будетъ» (Лук. XIV, 11). Что ищешь возвышенія стремленіемъ къ высокому, чего можешь достигнуть только смиреніемъ? Если возвышаешь самъ себя, Богъ тебя низвергаетъ. Если самъ себя унижаешь, Богъ возвышаетъ тебя. Эта истина, открытая Богомъ; ничего нельзя здѣсь ни прибавить, ни убавить. Даже до того превозносятся нерѣдко иные люди, посвящающіе себя воздержанію, что не только передъ какими бы то ни было другими людьми, даже передъ родителями своими неблагодарны бываютъ и передъ ними гордятся. Почему? Потому что они родили ихъ, а сами (дѣвственники) они презрѣли бракъ. Но откуда взялись бы эти неблагодарные, презрѣвшіе бракъ, если бы тѣ ихъ не родили? Конечно, лучше отца своего сынъ, отвергшій бракъ. И лучше матери своей дочь, отказавшаяся отъ замужества. Но если гордый (сынъ или дочь), ни въ какомъ случаѣ не лучше. Если лучше, то, безъ сомнѣнія, лишь при условіи смиренія. Если хочешь видѣть себя лучшимъ, вопроси душу свою, нѣтъ ли тамъ надменности. Гдѣ надменность, тамъ пустота. Діаволъ же, гдѣ находитъ пустое мѣсто, старается обрѣсти тамъ жилище для себя.

9. Наконецъ, осмѣливаюсь, братія мои, высказать даже, что для воздерживающихся, но гордыхъ полезно бываетъ паденіе, чтобы унизиться въ томъ самомъ, чѣмъ превозносятся. Потому что какая польза кому отъ воздержанія, если господствуетъ гордость? Презрѣлъ онъ то, отъ чего рождается человѣкъ, и стремится къ тому, отъ чего палъ діаволъ. Бракъ презрѣлъ ты,— хорошо поступилъ. Нѣчто лучшее избралъ, но не гордись. Отъ брака человѣкъ родился, отъ гордости пали ангелы. Если въ отдѣльности я буду взвѣшивать ваши блага, ты, презрѣвшій бракъ, лучше отца твоего, и ты, отказавшаяся отъ замужества, лучше матери твоей. Потому что лучше святость дѣвственниковъ, нежели цѣломудріе супружеское. Если только два эти блага сравниваются, то лучше одно, нежели другое,—кто будетъ сомнѣваться въ томъ? Но вотъ прибавляю другія два качества: смиреніе и гордость,—изъ этихъ двухъ что лучше, скажите

мнѣ, смиреніе или гордость? Отвѣчаешь: смиреніе. Соединяй же его со святостью дѣвства. А гордости пусть не будетъ не только въ дѣвствѣ твоемъ, но и у твоей матери. Если же ты будешь имѣть гордость, а твоя мать—смиреніе, лучше будетъ тогда мать, нежели дочь. И опять сравниваю васъ. Выше, когда сравнивалъ я въ отдѣльности дѣвство и бракъ, находилъ тебя лучшей. Теперь же не колеблюсь предпочесть смиренную жену горделивой дѣвѣ. Почему не колеблюсь? Смотрите—почему. Хороша стыдливость супружеская, но лучше цѣломудріе дѣвственное. Два блага сравнивалъ я: не зло и добро, но добро и другое добро, лучшее. Если же, далѣе, буду сравнивать два тѣ качества: гордость и смиреніе, развѣ можно сказать: добро есть гордость и лучше его смиреніе? Но какъ говоримъ мы? Гордость—зло, а смиреніе—добро, гордость—великое зло, смиреніе же—великое добро. Если же такимъ образомъ одно изъ этихъ двухъ есть зло, а другое добро,—вотъ присоединяется зло къ бо́льшему твоему добру, и дѣлается все злымъ. Присоединяется добро къ меньшему добру твоей матери, и получается великое благо. Низшее мѣсто въ царствѣ небесномъ будетъ имѣть мать, состоящая замужемъ, нежели дочь, оставшаяся дѣвой. Высшее мѣсто займетъ дѣвъ—дѣва, низшее—мать, вышедшая замужъ, однако, обѣ будутъ тамъ, подобно тому, какъ блестящая звѣзда и тусклая звѣзда—обѣ остаются на небѣ. Но если мать твоя будетъ смиренна, а ты—горда, она, какое ни на есть, будетъ имѣть мѣсто тамъ, а ты—никакого. И гдѣ найдетъ другое мѣсто тотъ, кто не будетъ тамъ (т.-е. въ царствѣ небесномъ), если не у того, который самъ палъ и стоящаго низвергаетъ? Оттуда палъ самъ діаволъ, откуда и стоящаго человѣка низвергъ. Низвергъ онъ стоящаго. Христосъ же, сошедши на землю, поднялъ лежащаго. Но смотри, какъ поднялъ тебя Господь твой. Смиреніемъ поднялъ, «смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти» (Филипп. II, 8). Господь твой смирилъ себя, и ты ли будешь гордиться? Если глава смиренна, члену ли гордиться? Пусть не будетъ того. Кто любитъ гордость, тотъ не хочетъ участвовать въ тѣлѣ смиренной главы. А если не будетъ онъ въ этомъ тѣлѣ, пусть подумаетъ, гдѣ будетъ. Я же не буду говорить о томъ, чтобы не показаться слишкомъ застращивающимъ. Впрочемъ, о, если бы устрашить и воздѣйствовать такъ, чтобы, если

кто былъ таковъ или была такова, не оставались болѣе такими! О, если бы слова эти я вливалъ въ сердца ваши, а не разливалъ напрасно! Но будемъ во всемъ уповать на милость Божію, потому что Онъ (Господь) устрашаетъ и вызываетъ печаль; вызывая печаль, Онъ же и утѣшаетъ. А если кто не утѣшенъ, пусть позаботится о своемъ исправленіи.

Бесѣда 15-я [1]).

О жизни и нравахъ своихъ клириковъ.

1. Что намѣренъ я сказать вамъ теперь,— это и есть именно то, ради чего вчера я просилъ васъ, чтобы вы сегодня собрались въ бо́льшемъ количествѣ. Съ вами живемъ мы здѣсь и для васъ живемъ. Намѣреніе и желаніе наше то, чтобы съ вами вмѣстѣ быть намъ у Христа безъ конца. Думаю, что все поведеніе наше передъ глазами вашими, такъ что и мы имѣемъ дерзновеніе, быть можетъ, сказать то, что сказалъ апостолъ, хотя мы и далеко не равны ему: «подражайте мнѣ, какъ я—Христу» (1-е Кор. IV, 16). Не хочу, чтобы кто-нибудь находилъ въ насъ поводъ къ дурной жизни. «Ибо мы стараемся о добромъ, говоритъ тотъ же апостолъ, не только передъ Господомъ, но и предъ людьми» (2-е Коринѳ. VIII, 21). Что касается насъ, то совѣсть наша спокойна. Что касается васъ, то имя наше не должно быть запятнано, но должно имѣть вліяніе среди васъ. Помните же это и различайте. Однѣ дѣло совѣсть, и другое—слухъ (fama). Совѣсть для тебя, слухъ для ближняго твоего. Кто, полагаясь на свою совѣсть, не радитъ о своемъ имени, тотъ жестокъ (crudelis), особенно будучи поставленъ на такомъ мѣстѣ, о которомъ апостолъ говоритъ въ посланіи къ ученику своему: «во всемъ показывай въ себѣ образецъ добрыхъ дѣлъ» (къ Титу II, 7).

[1]) По общему счету 355-я.

2. Впрочемъ, не буду долго задерживать васъ на этомъ, тѣмъ болѣе, что я говорю сидя, а вы трудитесь стоя. Знаете вы всѣ, или почти всѣ, что, живя въ этомъ домѣ, который называется домомъ епископа, мы, насколько возможно, подражаемъ тѣмъ святымъ, о которыхъ повѣствуетъ книга Дѣяній Св. Апостоловъ. «Никто ничего изъ имѣнія своего, говорится тамъ, не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» (Дѣян. IV, 32). Но принимая во вниманіе, что нѣкоторые изъ васъ, быть можетъ, недостаточно освѣдомлены о жизни нашей, чтобы знать это такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы знали, скажу, какимъ образомъ явилось то, на что я кратко указалъ вамъ (dico, quid sit, quod breviter dixi). Я, коего видите вы теперь, по милости Божіей, епископомъ вашимъ, молодымъ еще человѣкомъ, пришелъ въ этотъ городъ, какъ многіе изъ васъ знаютъ о томъ. Искалъ я, гдѣ бы устроить мнѣ монастырь, въ коемъ я могъ бы жить вмѣстѣ съ моими братіями. Всякую надежду этого вѣка я оставилъ, и чѣмъ могъ бы быть, не захотѣлъ быть. Однако, не искалъ я и того, чѣмъ являюсь теперь. Хотѣлъ я «лучше быть у порога въ домѣ Божіемъ, нежели жить въ шатрахъ нечестія» (Псал. LXXXIII, 11). Отъ тѣхъ, которые любятъ вѣкъ настоящій, я отдѣлился, но и съ тѣми, которые предстоятельствуютъ въ народѣ, я не равнялъ себя. Не желалъ я за трапезой Господа моего занимать высшаго мѣста, а хотѣлъ быть на мѣстѣ низшемъ, послѣднемъ. Но благоугодно было Ему сказать мнѣ: «взойди вверхъ». До того боялся я епископства, что, такъ какъ съ нѣкотораго времени сталъ распространяться слухъ обо мнѣ между рабами Божіими, я старался не ходить туда, гдѣ зналъ, что нѣтъ епископа. Боялся я этого и, насколько могъ, принималъ мѣры, чтобы лучше спастись на мѣстѣ низкомъ, а не подвергаться опасности на мѣстѣ высокомъ. Но, какъ сказалъ я, рабъ не долженъ противиться Господу своему. Пришелъ я въ этотъ городъ для того, чтобы повидаться съ другомъ, коего хотѣлъ пріобрѣсти для Господа, чтобы жилъ онъ съ нами въ монастырѣ, пришелъ спокойный, потому что здѣсь имѣлся епископъ. Но, будучи схваченъ (apprehensus), я неожиданно сдѣлался пресвитеромъ и затѣмъ достигъ сана епископа. Ничего съ собой не принесъ я сюда. Пришелъ въ эту церковь только съ тѣми одеждами, коими одѣтъ былъ тогда. И такъ какъ я уже

рѣшился жить съ братіями въ монастырѣ, блаженной памяти старецъ Валерій далъ мнѣ тотъ садъ, въ которомъ устроенъ теперь монастырь. Началъ я собирать къ себѣ хорошо настроенныхъ братьевъ (boni propositi fratres), одинаковыхъ со мною, ничего не имѣющихъ, какъ я ничего не имѣлъ, и подражающихъ мнѣ, чтобы, какъ я небольшое имѣніе свое продалъ и роздалъ нищимъ, такъ сдѣлали и тѣ, которые рѣшились жить со мною, чтобы пользоваться всѣмъ общимъ, и чтобы единственнымъ великимъ и обильнѣйшимъ достояніемъ былъ для насъ Самъ Богъ. Достигъ я епископскаго сана. И тутъ увидѣлъ, что епископу необходимо оказывать постоянное гостепріимство всѣмъ приходящимъ и мимоидущимъ, чего если бы не сталъ дѣлать епископъ, прослылъ бы немилостивымъ (inhumanus). И было бы неприлично, если бы обычая этого не было въ монастырѣ, было бы непристойно. Потому я и пожелалъ имѣть съ собою въ этомъ дому епископскомъ общежитіе (monasterium) для клириковъ.

Вотъ какъ живемъ мы. Никому въ обществѣ нашемъ не позволяется имѣть ничего собственнаго. Правда, можетъ быть, нѣкоторые имѣютъ. Однако, никому не позволено. Если кто имѣетъ, поступаетъ вопреки дозволенія. Я надѣюсь на братій моихъ и, всегда имѣя доброе довѣріе къ нимъ, не позволялъ себѣ производить обыска; даже—разспрашивать, по моему мнѣнію, значило бы дурно мыслить о нихъ. Зналъ я и знаю, что всѣ, кто только ни живетъ со мной, знаютъ законъ жизни нашей.

3. Пришелъ къ намъ также и пресвитеръ Януарій, который, повидимому, издержалъ все имѣніе свое, раздавъ его, но въ дѣйствительности не сдѣлалъ этого. Осталось у него нѣкоторое имущество, именно,—серебро, которое, по его словамъ, принадлежало его дочери. Дочь его, по милости Божіей, пребываетъ въ монастырѣ женскомъ и подаетъ добрыя надежды (et bonae spei est). Да управитъ ее Господь, чтобы оправдала она тѣ надежды, какія мы возлагаемъ на нее, по милосердію Божію, а не по ея заслугамъ. И такъ какъ она была еще несовершеннолѣтней и не могла дать какого-либо употребленія своимъ деньгамъ (хотя мы и видѣли подвигъ ея служенія, однакоже, боялись увлеченій возраста), сдѣлано было такъ, чтобы серебро сохранялось какъ бы для дѣвицы, чтобы, по достиженіи законныхъ лѣтъ, она поступила

съ нимъ такъ, какъ прилично дѣвѣ Христовой, какъ она нашла бы наилучшимъ. Пока ожидали этого, сталъ онъ (Януарій) приближаться къ смерти и, клятвенно утверждая, что серебро это его, сдѣлалъ завѣщаніе, какъ о ему принадлежащемъ имуществѣ. Завѣщаніе, говорю, сдѣлалъ пресвитеръ и сообщникъ нашъ, пребывающій съ нами, живущій отъ церкви, признавшій общеніе въ имуществѣ (communem vitam profitens), сдѣлалъ завѣщаніе, назначилъ наслѣдниковъ. Какое огорченіе обществу этому! О, плодъ, рожденный не отъ дерева, которое насадилъ Господь! «Но, вѣдь, онъ завѣщалъ церкви?!»—скажетъ кто-нибудь. Однако, не хочу я даровъ такихъ, не люблю плода горечи. Я искалъ его для Бога, онъ призналъ союзъ нашъ, говорилъ, что будетъ держать его, дорожить имъ, что онъ ничего не имѣетъ и не сдѣлаетъ завѣщанія. Развѣ могъ онъ имѣть что-нибудь? Не считалъ ли себя онъ союзникомъ, какъ бы нищимъ Бога? Великая скорбь отъ этого мнѣ, братія. Говорю любви вашей, что вслѣдствіе такого огорченія я рѣшился не принимать оставленнаго наслѣдства въ церковь. Дѣтямъ его пусть принадлежитъ то, что онъ оставилъ. Они пусть сдѣлаютъ изъ этого, что хотятъ. Кажется мнѣ, что если я приму имущество это, то сдѣлаюсь участникомъ того дѣла, которое мнѣ не нравится, и о которомъ я скорблю. Этого не хотѣлъ я скрыть отъ любви вашей. Дочь его живетъ въ женскомъ монастырѣ, а сынъ—въ мужскомъ. Обоихъ лишилъ онъ наслѣдства: ту съ похвалой, а этого съ порицаніемъ. Предъ церковью же я ходатайствовалъ, не выдавать имъ (дѣтямъ Януарія) оставленнаго имущества, пока не достигнутъ законнаго возраста. Церковь согласилась съ этимъ. Затѣмъ онъ произвелъ тяжбу между дѣтьми, разборъ которой причиняетъ много труда мнѣ (in qua laboro). Дѣвица говоритъ: «мое это; знаете, что такъ говорилъ всегда отецъ мой». Сынъ заявляетъ: «пусть вѣрятъ отцу моему, потому что, умирая, онъ не могъ лгать». И какое зло представляетъ одинъ только споръ этотъ? Но если дѣти тѣ достойны названія рабовъ Божіихъ, споръ этотъ между ними мы скоро окончимъ. Выслушаю я ихъ, какъ отецъ, и, можетъ быть, даже лучше, чѣмъ отецъ ихъ. Узнаю, если Господу будетъ угодно, гдѣ правда, при содѣйствіи немногихъ вѣрующихъ братій изъ вашей среды, изъ среды этого народа, пользующихся, по

милости Божіей, уваженіемъ, выслушаю дѣло ихъ и, какъ Господь дастъ, окончу.

4. Однакоже, прошу васъ, пусть никто не укоряетъ меня за то, что я не желаю, чтобы церковь принимала наслѣдство его (Януарія) прежде всего потому, что я не одобряю его поступка, а затѣмъ потому, что таковъ уставъ мой. Многіе хвалятъ меня за то, что я говорю (dicturus sum), а другіе порицаютъ. Угодить тѣмъ и другимъ весьма трудно.

Вы только что слышали, когда читалось Евангеліе, слѣдующія слова: «мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали, мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали. Ибо пришелъ Іоаннъ, ни ѣстъ, ни пьетъ; и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ» (Матѳ. XI, 17—19). Что дѣлать мнѣ для тѣхъ, которые готовы упрекать меня и сердиться, если я буду принимать имущество людей, которые во гнѣвѣ лишаютъ наслѣдства дѣтей своихъ? И опять что дѣлать мнѣ съ тѣми, которымъ играю я на свирѣли, и они не хотятъ плясать? которые говорятъ: «вотъ почему никто ничего не даетъ для церкви Иппонской, вотъ почему не оставляютъ наслѣдства ей тѣ, которые умираютъ,—потому, что епископъ Августинъ по добротѣ (похваляя, они уязвляютъ, лаская губами, точатъ свой зубъ) своей отдаетъ все, ничего не принимаетъ». Но я принимаю, принимаю добрыя приношенія, приношенія святыя. Если же кто гнѣвается на сына своего и, умирая, лишаетъ его наслѣдства, развѣ я, если бы онъ былъ живъ, не долженъ былъ бы мирить и снова сближать такого съ его сыномъ? Какъ же бы я могъ дѣлать это, если бы хотѣлъ получить наслѣдство его? Впрочемъ, если сдѣлаетъ такъ, какъ я часто совѣтую, а именно: если, имѣя одного сына, за другого считаетъ Христа; если двухъ, Христа считаетъ за третьяго; если, имѣя десять сыновей, Христа признаетъ одиннадцатымъ,—тогда я принимаю. Итакъ, какъ я въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступалъ такъ, вотъ уже ссылаются на доброту мою, на мягкость мою, чтобы, съ другой стороны, упрекнуть меня, что я не желаю принимать приношеній благочестивыхъ людей. Но пусть подумаютъ о томъ, какъ много я принялъ. Зачѣмъ еще перечислять это? Укажу хотя на одно, что я принялъ наслѣдство нѣкоего

Юліанова сына. Почему? Потому что онъ умеръ бездѣтнымъ.

5. Не захотѣлъ принять я наслѣдства Бонифація, но не по добротѣ, а изъ-за боязни. Не захотѣлъ я, чтобы церковь была подобной ищущему наживы корабельщику. Есть много такихъ, которые хотѣли бы пріобрѣтать имущество даже отъ кораблеплаванія. Однако тутъ была бы одна опасность, если бы, напр., шелъ корабль и потерпѣлъ крушеніе. Станемъ ли мы подвергать еще мукамъ людей, выпытывая ихъ о причинахъ потопленія корабля, и неужели нужно подвергать еще судебному допросу тѣхъ, кои спаслись отъ волнъ? Но мы этого не стали бы дѣлать. Ни въ какомъ случаѣ не прилично это дѣлать церкви. Неужели ей принимать на себя еще денежныя повинности (onus ergo fiscale persolveret)? Но откуда стала бы она платить деньги? Намъ непозволительно стремиться къ пріобрѣтенію сокровищъ. (Enthecam nobis habere non licet). Не свойственно епископу хранить золото и отводить отъ себя руку нищаго. Ежедневно такъ много просящихъ, такъ много вздыхающихъ, такъ велико число безпомощныхъ, окружающихъ насъ, что мы многихъ оставляемъ безъ удовлетворенія, потому что не имѣемъ столько, чтобы удовлетворить всѣхъ, не имѣемъ сокровищницы (enthecam). Итакъ, вслѣдствіе опасности кораблекрушенія, желая именно избѣжать его, я сдѣлалъ это, а не вслѣдствіе своей доброты. Пусть хвалитъ, кто хочетъ, и пусть пощадитъ, кто не хочетъ хвалить. Зачѣмъ желать многаго, братія мои? Кто хочетъ, лишая наслѣдства сына своего, сдѣлать наслѣдницей церковь, пусть ищетъ другого, а не Августина. И пусть, по милосердію Божію, никого не найдетъ онъ такого. Какъ похваленъ поступокъ блаженнаго, достойнаго всякаго уваженія епископа Кареагенскаго Аврелія, и какъ исполнилъ онъ похвалой къ Богу уста всѣхъ, которые узнали объ этомъ? Нѣкто, не имѣя дѣтей и не надѣясь имѣть, отдалъ имущество свое церкви, удержавъ часть для своего пользованія. Потомъ родились у него дѣти, и епископъ возвратилъ ему, сверхъ его чаянія (nec opinanti), то, что отдано было имъ въ пользу церкви. Могъ бы епископъ и не возвратить, но по праву земному, а не по праву небесному (sed jure fori, non jure poli).

6. И это пусть также знаетъ любовь ваша, что я сказалъ братіямъ моимъ, которые пребываютъ со мной, чтобы, если

кто что имѣетъ, пусть продавалъ то и раздавалъ или жертвовалъ на общее пользованіе. Есть у него церковь, посредствомъ которой Господь питаетъ насъ. Отсрочку лишь до дня Богоявленія (usque ad Epiphaniam) далъ я тѣмъ, которые или еще не раздѣлили съ братьями имѣнія, или оставили у своихъ братьевъ то, что имѣли, или вообще не сдѣлали чего-либо, за недостиженіемъ законнаго возраста. Пусть поступятъ они, какъ хотятъ. Пока же бѣдняками пусть пребываютъ со мною, уповая на милосердіе Божіе. Если же кто не хочетъ, можетъ быть, есть и такіе, а я раньше рѣшилъ, какъ вы знаете, никого не принимать въ клиръ, если кто не захочетъ жить вмѣстѣ со мною, такъ что, если бы кто захотѣлъ отступать отъ своего обѣта, то я лишилъ бы его званія клирика (clericatum) за то, что онъ измѣнилъ обѣщанному и начатому уже соучастію въ святомъ союзѣ; теперь же, если кто не захочетъ этого, то вотъ я предъ лицемъ Божіимъ и вашимъ измѣняю рѣшеніе: кто хочетъ имѣть что-либо собственное, для кого не довольно Бога и церкви, пусть тѣ пребываютъ, гдѣ хотятъ, и гдѣ могутъ, я не лишаю ихъ званія клирика. Не хочу имѣть лицемѣровъ. Кто не знаетъ, что это худо? Плохо измѣнять своему обѣту, но еще хуже содержать обѣтъ притворно. Вотъ я заявляю, слушайте: кто оставляетъ начатый уже союзъ общей жизни, которая восхваляется въ книгѣ Дѣяній Св. Апостоловъ, тотъ измѣняетъ своему обѣту, измѣняетъ святому служенію. Но пусть онъ имѣетъ судьею Бога, а не меня. Я не буду лишать его званія клирика. Какъ велика опасность отъ того, я ужъ указалъ вамъ. Пусть же дѣлаетъ, что̀ хочетъ. Знаю также, что если бы кого поступающаго такъ захотѣлъ я понизить, у него не будетъ недостатка въ покровителяхъ, не будетъ недостатка въ сторонникахъ и здѣсь, и среди епископовъ, которые ста̀нутъ говорить: что дурного сдѣлалъ онъ? не можетъ съ тобой переносить этой жизни, хочетъ оставаться внѣ епископіи, жить своей собственностью, неужели же поэтому долженъ лишиться онъ своего званія? Знаю, какое зло признавать что-либо святымъ и не исполнять того. «Дѣлайте, говорится въ Писаніи, и воздавайте обѣты Господу Богу вашему» (Псал. XXV, 12); и еще: «лучше тебѣ не обѣщать, нежели обѣщать и не исполнить» (Екклес. V, 4). Дѣва, хотя бы она и никогда не была въ монастырѣ, свята, и ей непо-

зволительно выходить замужъ, хотя бы она и не принуждалась проводить жизнь свою въ монастырѣ. Если же она захотѣла жить въ монастырѣ и потомъ оставила его, то, хотя и остается дѣвой, но наполовину уже пала. Такъ и клирикъ посвятилъ себя двумъ цѣлямъ: святости и служенію въ клирѣ, но болѣе святости. Вѣдь, ради народа Своего Богъ возложилъ на него служеніе (въ клирѣ), которое является болѣе бременемъ, нежели почестью. Но кто мудръ и уразумѣетъ это (Псал. CVI, 43)? Итакъ, обрекъ себя онъ для святости, обрекъ на соучастіе въ общей жизни, призналъ «какъ хорошо, и какъ пріятно жить братіямъ вмѣстѣ» (Псал. CXXXII, 1). И если онъ измѣнилъ этому обѣту, то, хотя, живя внѣ (епископіи), остается клирикомъ; однако же наполовину является падшимъ. Мнѣ же что до того (Quid ad me)? Я не сужу его. Если онъ, живя внѣ, живетъ свято, лишь наполовину падаетъ. Если же, живя здѣсь (т.-е. въ монастырѣ), будетъ лицемѣрить, совершенно упадетъ тогда (totus cecidit). Не хочу я, чтобы онъ вынужденъ былъ притворяться. Знаю я, какъ люди цѣнятъ служеніе въ клирѣ, и никого не лишаю этого званія, хотя бы кто-либо и не желалъ жить вмѣстѣ со мною. Имѣетъ Бога тотъ, кто хотѣлъ бы оставаться со мной. И если онъ готовъ получать пищу отъ Бога при посредствѣ церкви Его, если въ состояніи не имѣть собственности, раздавъ имущество бѣднымъ или пожертвовавъ для общаго пользованія, пусть живетъ со мною. Кто же не хочетъ этого, пусть будетъ свободенъ, но пусть подумаетъ и о томъ, въ состояніи ли онъ будетъ получить блаженство вѣчности.

7. Но довольно этого для любви вашей. Какъ поступлю я съ братіями моими, о томъ сообщу вамъ. Питаю добрыя надежды. Всѣ они охотно повинуются мнѣ. И я не думаю, чтобы у кого-либо изъ нихъ оказалось что, развѣ только ради какой-нибудь благочестивой потребности, но отнюдь не вслѣдствіе низкой страсти. Итакъ, что сдѣлаю послѣ Богоявленія, сообщу любви вашей, если будетъ на то воля Божія. И какъ окончу споръ между дѣтьми пресвитера Януарія, не скрою отъ васъ. Достаточно уже я сказалъ вамъ. Окажите снисхожденіе многорѣчивой старости и робкой немощности. Я, какъ видите, и возрастомъ теперь уже состарѣлся, тѣломъ

же, вслѣдствіе его слабости, я давно старикъ. Однако, если только угодно Богу то, что сказалъ я теперь, пусть подкрѣпитъ Онъ мои силы, и я не оставлю васъ. Молитесь за меня, чтобы, пока есть душа въ этомъ тѣлѣ, и пока достаточно силъ у меня, я могъ служить вамъ словомъ Божіимъ.

Бесѣда 16-я [1]).

О жизни и нравахъ своихъ клириковъ.

1. Сегодня любви вашей предстоитъ выслушать рѣчь о насъ самихъ. «Мы, какъ говоритъ апостолъ, сдѣлались позорищемъ (въ латин. подлин.—spectaculum) для міра, для ангеловъ и человѣковъ» (1-е Коринѳ. IV, 9). Тѣ, которые любятъ насъ, ищутъ, что бы похвалить въ насъ. Которые же ненавидятъ, упрекаютъ насъ. Мы же, поставленные въ срединѣ между тѣми и другими, при помощи Господа Бога нашего, такъ должны оберегать жизнь и имя наше, чтобы прославляющіе насъ не оставались въ стыдѣ передъ нашими поносителями. А какъ мы хотѣли бы жить, какъ, по милости Божіей, уже живемъ, о томъ хотя изъ Священнаго Писанія многіе изъ васъ знаютъ, однако, для напоминанія, вамъ будетъ прочитано мѣсто изъ книги Дѣяній Св. Апостоловъ, чтобы вы видѣли, гдѣ указанъ тотъ образъ, которому хотимъ мы подражать. Во время чтенія я желаю, чтобы вы были особенно внимательны, чтобы послѣ прочтенія могъ я высказать вниманію вашему, при помощи Божіей, то, что, рѣшилъ. (Послѣ словъ этихъ діаконъ Лазарь читаетъ). «И по молитвѣ ихъ, поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились всѣ Духа Святаго и говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ. У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Апостолы же съ

[1]) По общему счету 356-я.

великой силою свидѣтельствовали о воскресеніи Господа Іисуса Христа, и великая благодать была на всѣхъ ихъ. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» (Дѣян. IV, 31—35). (Когда діаконъ Лазарь прочелъ и отдалъ книгу епископу, Августинъ епископъ продолжалъ: я еще прочитаю. Больше мнѣ доставляетъ удовольствія быть чтецомъ этого слова, нежели говорить свое слово).—«И по молитвѣ ихъ, поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились всѣ Духа Святаго и говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ. У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Апостолы же съ великою силою свидѣтельствовали о воскресеніи Господа Іисуса Христа, и великая благодать была на всѣхъ ихъ. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду».

2. Вотъ слышали вы, братія, о томъ, къ чему мы стремимся. Молитесь, чтобы въ состояніи мы были и осуществить это. Есть и нѣкоторая необходимость, заставляющая меня тщательно заботиться о томъ. Потому что, какъ вы уже знаете, одинъ пресвитеръ изъ нашей общины, устроенной на подобіе той, о которой свидѣтельствуетъ чтеніе, только что выслушанное вами, умирая, сдѣлалъ завѣщаніе относительно имѣнія своего. Было у него имѣніе, которое онъ называлъ своимъ, хотя жилъ въ такой общинѣ, гдѣ никому ничего не дозволялось называть своимъ, но все должно быть общее. Вотъ, если бы какой поклонникъ и почитатель нашъ сталъ бы восхвалять нашу общину передъ нашимъ хулителемъ и сказалъ бы: вотъ съ епископомъ Августиномъ такъ живутъ всѣ сожители его, какъ указано въ книгѣ Дѣяній Св. Апостоловъ, тотчасъ бы тотъ, качая головой, со зломъ (dentem promovens), отвѣтилъ ему: дѣйствительно ли такъ живутъ тамъ, какъ ты говоришь? Зачѣмъ лжешь? Зачѣмъ ложной похвалой превозносишь недостойныхъ? Развѣ только что умершій въ той общинѣ пресвитеръ не сдѣлалъ завѣщанія

и развѣ не оставилъ и не распредѣлилъ по-своему, что имѣлъ? Справедливо ли, что все тамъ общее? Правда ли, что никто ничего тамъ не называетъ своимъ? Что будетъ дѣлать почитатель мой при этихъ словахъ? Не загородитъ ли устъ его какъ бы свинцомъ хулитель тотъ? И не покается ли онъ въ похвалахъ своихъ? Исполненный уваженія къ намъ и смущенный рѣчью этого хулителя, развѣ не станетъ онъ поносить насъ и того, кто сдѣлалъ завѣщаніе (testatori illi)? Вотъ, необходимость, побудившая насъ обратить на это обстоятельство особенное вниманіе.

3. Итакъ, къ радости вашей скажу вамъ, что всѣ мои братія и клирики, пресвитеры, діаконы, субъ-діаконы, которые живутъ со мной, и родственникъ мой Патрицій оказались такими, какими я хотѣлъ ихъ видѣть. Не сдѣлали пока еще того, что рѣшили относительно своего имущества, двое: Валентъ (Valens), діаконъ, и уже названный мной мой родственникъ, субъ-діаконъ. Послѣднему помѣшала его мать, потому что она жила тѣмъ имѣніемъ. Ожидали также наступленія для него законнаго возраста, когда бы окончательно могъ распорядиться по своему желанію. Первый же не сдѣлалъ этого, потому что участками имѣющейся у него земли владѣетъ нераздѣльно со своимъ братомъ. Когда будутъ раздѣлены участки, онъ хочетъ пожертвовать ихъ въ пользу Церкви, чтобы отсюда имѣли пропитаніе до самой смерти своей тѣ, которые обрекаютъ себя святой жизни (qui sunt in proposito sanctitatis). Вѣдь, и Писаніе такъ учитъ. «Если же кто, говоритъ апостолъ, о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго» (1 Тимоѳ. V, 8). Есть у него и рабы (mancipia) общіе съ братомъ, еще не раздѣленные. Онъ думаетъ отпустить ихъ на свободу, но не можетъ сдѣлать этого, пока не раздѣлятся. Теперь же не знаетъ онъ, что и кому принадлежитъ. Ему, конечно, какъ старшему, принадлежитъ право раздѣла, а брату его—право выбора. Послѣдній также посвятилъ себя на служеніе Богу, и состоитъ на должности субъ-діакона у благоговѣйнаго брата моего и соепископа Севера, въ церкви Милевисской. Такъ обстоитъ дѣло, и безъ замедленія нужно позаботиться, конечно, чтобы рабы тѣ были раздѣлены, отпущены на свободу, и поступили на попеченіе Церкви, которая бы питала ихъ (ut eorum excipiat alimentum). Родствен-

никъ же мой съ самаго того времени, какъ началъ быть со мной, затруднялся что-либо сдѣлать съ имѣніемъ своимъ, въ виду содержанія своей матери, которая въ этомъ году умерла. Дѣла между нимъ и его сестрами скоро, при помощи Божіей, должны окончиться, такъ что онъ и самъ сдѣлаетъ то, что подобаетъ рабу Божію, и чего требуетъ его служеніе и слышанное вами чтеніе изъ Дѣяній.

4. Діаконъ Фавстинъ, какъ почти всѣ вы знаете, пришелъ сюда въ монастырь прямо съ распутій міра (de militia saeculi). Здѣсь онъ крещенъ, здѣсь произведенъ въ діаконы, и такъ какъ немного было у него, чѣмъ, повидимому, владѣлъ онъ болѣе, какъ говорятъ опытные юристы, номинально, а не дѣйствительно (iure, non corpore), оставилъ онъ это за собой и не встрѣчалъ въ томъ препятствій со стороны своихъ братьевъ. Никогда не жалѣлъ онъ потомъ о своемъ прошломъ, ни самъ ничего не искалъ отъ братьевъ, ни они ничего не искали отъ него. Только лишь теперь, съ моего совѣта, онъ раздѣлилъ свое имѣніе: половину отдалъ братьямъ, а другую половину въ пользу существующей въ томъ мѣстѣ [1] бѣдной церкви.

5. Знаете вы также и діакона Севера, знаете, какому несчастію и наказанію отъ Бога подвергся онъ. Однакоже, свѣта духовнаго онъ не утратилъ [2]. Здѣсь онъ купилъ одинъ домъ для матери и сестры, которыхъ пожелалъ изъ отечества своего переселить сюда. Купилъ же домъ не на свои деньги, которыхъ не имѣлъ, а на вспомоществованія отъ благочестивыхъ мужей, имена которыхъ онъ назвалъ мнѣ, когда я спросилъ его объ этомъ. Что касается дома, то я не могу сказать, что онъ сдѣлаетъ съ нимъ, или какъ распорядится. Скажу лишь, что все и самого себя онъ отдалъ въ мою волю и, какъ я захочу, такъ и должно быть. Но есть у него нѣкоторыя недоразумѣнія со своею матерью, судьею для разбора которыхъ онъ просилъ быть меня. Когда эти недоразумѣнія будутъ окончены, тогда и съ домомъ будетъ поступлено такъ, какъ захочу я. Но чего я могу хотѣть, если Господь только будетъ вспомоществовать мнѣ, какъ

---

[1] Разумѣется, въ томъ мѣстѣ, откуда происходилъ Фавстинъ.

[2] Изъ этихъ словъ можно заключать, что несчастіе, постигшее Севера, состояло, повидимому, въ томъ, что онъ лишился зрѣнія.

не того, чего требуетъ правда и благочестіе? Имѣетъ онъ также на своей родинѣ нѣкоторыя помѣстья; ихъ намѣренъ такъ раздѣлить, чтобы часть пожертвовать на основанную въ томъ мѣстѣ бѣдную церковь.

6. Что касается діакона иппонца [1]), то онъ человѣкъ бѣдный и рѣшительно не имѣетъ, что бы кому отдать. Однако, прежде чѣмъ сдѣлаться клирикомъ, на сбереженія отъ трудовъ своихъ онъ пріобрѣлъ нѣсколько рабовъ, повидимому, еще малолѣтнихъ, и сегодня предъ вашимъ лицомъ онъ хочетъ отпустить ихъ, съ совершеніемъ этого акта самимъ епископомъ (episcopalibus gestis).

7. Передъ вами еще діаконъ Ераклій. Дѣла его на глазахъ у васъ. Свидѣтельствомъ ихъ и его щедродательности является у насъ базилика въ честь св. мученика [2]). На свои деньги, съ моего совѣта, купилъ онъ участокъ, пожелавъ при этомъ, чтобы и самыя деньги выплачивались чрезъ мои руки, какъ мнѣ заблагоразсудится. И если бы я былъ жаденъ до денегъ, или если бы болѣе заботился о своихъ нуждахъ, которыя испытываю изъ-за бѣдныхъ, то, конечно, оставилъ бы ихъ у себя. «Почему?»—скажетъ кто-либо. Потому что имѣніе то, которое куплено имъ и отдано церкви, еще ничего не даетъ ей. Денегъ было меньше въ сравненіи со стоимостью имѣнія, и такъ какъ взято оно было въ долгъ, поэтому доходомъ отъ него приходится пока выплачивать долгъ. Притомъ, человѣкъ я уже старый, и какая могла бы быть мнѣ отъ него польза? Могу ли я обѣщать себѣ, что проживу столько лѣтъ, пока оно не покроетъ своей стоимости? Такимъ образомъ, здѣсь польза обѣщается лишь въ далекомъ будущемъ; въ другомъ же случаѣ я могъ бы имѣть все, если бы захотѣлъ воспользоваться. Но не сдѣлалъ я этого, имѣя въ виду другое. Признаюсь вамъ, что самый возрастъ Ераклія былъ для меня подозрительнымъ, и я боялся, что, можетъ быть, не понравится это, вѣдь, есть такіе люди, его матери, и она станетъ говорить, что юнона увлеченъ былъ мной изъ-за того, чтобы воспользоваться его

[1]) Имя не указано потому, вѣроятно, что всѣмъ слушателямъ этотъ иппонецъ былъ извѣстенъ.

[2]) Вѣроятно, св. мученика арх. Стефана, останки коего принесены были въ Африку около 425 года.

имуществомъ, и самъ оставленъ въ нуждѣ. Потому и пожелалъ я, чтобы деньги его сберегались въ томъ имѣніи, такъ что, если бы что, чего не дай Богъ, случилось иначе, чѣмъ мы хотимъ, имѣніе было бы возвращено, а доброе имя епископа оставалось бы незапятнаннымъ. Знаю я, какъ необходимо для васъ доброе имя мое; для меня же лично довольно моего сознанія. Купилъ же онъ пространство земли, прилегающее къ дальней церкви, которое вы знаете, и на свои средства построилъ домъ тамъ; и это вы знаете. Недавно онъ подарилъ этотъ домъ церкви. Ждалъ онъ, когда закончатъ его, чтобы пожертвовать уже законченнымъ. Въ постройкѣ же дома не было для него никакой другой надобности, кромѣ предположенія, что придетъ сюда его мать. И если бы пришла раньше она, то приняла бы участіе въ имуществѣ сына своего. Теперь же, если придетъ, будетъ обитать въ томъ, что сдѣлано имъ (in opere filii sui habitabit). Свидѣтельствую о немъ, что онъ остался бѣднякомъ, пребывая въ служеніи любви. Остались у него нѣкоторые рабы, которые живутъ также въ монастырѣ; ихъ онъ нынѣ намѣренъ отпустить однако на свободу по церковному чину (gestis ecclesiasticis). Итакъ, никто пусть не говоритъ, что богатъ онъ, никто пусть не думаетъ этого, пусть не клевещетъ и не терзаетъ себя самого или души своей собственными зубами. Никакихъ денегъ не имѣетъ онъ. И о, если бы остался такимъ, какъ и должно!

8. Прочіе, т.-е. субъ-діаконы, всѣ, по милости Божіей, бѣдняки, уповающіе на милосердіе Божіе. Они не имѣютъ никакихъ имуществъ и совершенно отрѣшились отъ мірскихъ житейскихъ дѣлъ. Живутъ они съ нами въ общемъ союзѣ. Никто не различаетъ ихъ отъ тѣхъ, которые принесли съ собой что-либо. Единеніе любви должно быть предпочтено выгодѣ земныхъ достояній.

9. Теперь остаются еще пресвитеры. Постепенно рѣшилъ я дойти и до нихъ. Кратко скажу, что они—нищіе у Бога. Ничего не принесли они въ обитель нашего союза, кромѣ любви, лучше которой нѣтъ ничего. Однако, такъ какъ извѣстно мнѣ, что появились слухи о ихъ богатствахъ, они, коихъ я не имѣю основаній заподозривать въ чемъ-либо, должны быть очищены предъ вами настоящимъ словомъ моимъ.

10. Скажу вамъ, тѣмъ именно, которые, быть можетъ, не знаютъ, потому что есть много изъ васъ, и знающихъ это, что пресвитера Лепорія, который, несмотря на свое славное, высокое происхожденіе, посвятилъ себя Богу, принялъ я совершенно безъ всякихъ средствъ послѣ того, какъ оставилъ онъ все, что имѣлъ, и сдѣлалъ то, къ чему призываетъ слышанное вами чтеніе (изъ Дѣян. Св. Апостоловъ). Не здѣсь онъ сдѣлалъ то, но мы знаемъ мѣсто, гдѣ сдѣлалъ. Единство Христа и церкви одно, и гдѣ бы ни совершено было доброе дѣло, оно относится и къ намъ, если мы сорадуемся этому. Въ нѣкоторомъ мѣстѣ есть садъ. Тамъ онъ и устроилъ монастырь для своихъ, потому что и они служатъ Господу. Садъ этотъ не принадлежитъ теперь ни церкви, ни ему, а тому монастырю. Но онъ, и это истинно, до сего времени такъ заботился о монастырѣ, что принялъ на себя расходы по его содержанію, и дѣлалъ ихъ по своему усмотрѣнію. Но во избѣжаніе дурныхъ предположеній со стороны людей подозрительныхъ, угодно было мнѣ и ему, чтобы живущіе тамъ жили такъ, какъ бы его самого уже не было и въ живыхъ. А развѣ, когда умретъ, можетъ онъ распоряжаться у нихъ чѣмъ-либо? Пріятнѣе для него видѣть ихъ благоденствующими и пребывающими, при помощи Божіей, въ ученіи Христовомъ, пребывающими такъ, чтобы можно было лишь радоваться за нихъ, а не страдать за ихъ нужды. Нѣтъ у него денегъ, которыя онъ могъ бы назвать своими. Имѣлъ онъ на своихъ рукахъ строящійся гостепріимный домъ, который теперь вы видите уже отстроеннымъ. Я возложилъ на него все это, я повелѣлъ. Повиновался онъ мнѣ весьма охотно и, какъ видите, исполнилъ порученіе, равно какъ по моему же распоряженію воздвигъ на средства, которыя Господь далъ черезъ васъ, и базилику въ память восьми мучениковъ (ad octo martyres). Началъ онъ строить на небольшія средства, которыя даны были церкви для странно-пріимнаго дома, и, когда началъ строить, благочестивые люди, желающіе, чтобы дѣла ихъ были записаны въ книгѣ живота (in coelo), помогли, кто сколько могъ, и онъ выстроилъ. Дѣло передъ глазами, и всякій человѣкъ можетъ видѣть, что сдѣлано. А что не имѣетъ онъ денегъ, въ этомъ пусть вѣрятъ мнѣ, пусть успокоятся и не тревожатся. Купленъ былъ имъ на деньги, предназначенныя для странно-

пріимницы, одинъ домъ въ Карраріи, который, какъ онъ предполагалъ, будетъ полезенъ ему по свойству камней. Но камни тѣ оказались ненужными для постройки, потому что матеріалъ найденъ былъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ домъ тотъ и остался; даетъ онъ доходъ, но церкви, не пресвитеру. Пусть никто не считаетъ его домомъ пресвитера и не говоритъ: «въ домъ пресвитера, передъ домомъ пресвитера или у дома пресвитера». Вотъ гдѣ домъ пресвитера: гдѣ мой домъ, тамъ и домъ пресвитера. Въ другомъ мѣстѣ нѣтъ у него дома, имѣетъ вездѣ одного только Бога.

11. О чемъ далѣе еще хотите знать вы, какъ не о томъ, сообщить что обѣщался я вамъ, именно, какъ поступлю я съ дѣтьми пресвитера Януарія, братомъ и сестрой, въ виду возникшихъ между ними денежныхъ недоразумѣній. Но, слава Богу, между ними, какъ между братомъ и сестрой, сохранилась еще любовь. Хотѣлъ я разобрать своимъ судомъ то, что случилось между ними. Приготовился уже и къ разбору дѣла, но, прежде чѣмъ выступить мнѣ въ качествѣ судіи, они сами окончили между собой то, что долженъ былъ я разобрать. Не то нашелъ я у нихъ, что бы можно было судить, но то, чему я могъ только радоваться. Порѣшили они, согласно съ моимъ желаніемъ и совѣтомъ, поровну раздѣлить деньги, которыя оставилъ отецъ ихъ, и отъ коихъ отказалась церковь.

12. Послѣ этой рѣчи моей, конечно, разное будутъ говорить люди. Но что бы они ни говорили, и какой бы вѣтеръ ни дулъ, дойдетъ кое-что изъ того и до моего слуха. И если это окажется таковымъ, что опять нужно будетъ намъ оправдываться, я буду отвѣчать нашимъ хулителямъ и недоброжелателямъ, буду отвѣчать невѣрующимъ, невѣрящимъ намъ, своимъ предстоятелямъ; какъ могу, отвѣчу я, что Господь откроетъ мнѣ. Теперь же нѣтъ необходимости для этого, потому что, можетъ быть, ничего особеннаго не будутъ говорить, и, кто любитъ насъ, будетъ радоваться за насъ, а, кто не любитъ, будетъ, быть можетъ, молчаливо скорбѣть лишь. Однако, если захочетъ кто упражнять языкъ свой, онъ услышитъ, при помощи Божіей, отвѣтъ мой, но не брань мою. Я не буду называть людей и не скажу: «вотъ онъ сказалъ, или этотъ поносилъ», потому что могутъ дойти до меня ложные слухи. Но все-таки, что до меня ни доне-

сется, если окажется нужнымъ, я буду говорить по поводу того любви вашей. Передъ глазами вашими, желаю я, чтобы была жизнь наша. Знаю, что склонные къ дурнымъ поступкамъ стараются находить для себя примѣры худой жизни и многихъ обезславливаютъ, какъ бы находя въ нихъ, повидимому, союзниковъ себѣ. А потому мы сдѣлали все, что зависитъ отъ насъ, и не знаемъ, что бы еще слѣдовало сдѣлать. Передъ глазами вашими мы. Ничего другого не хотимъ, какъ только добрыхъ дѣлъ вашихъ.

13. Сверхъ того, прошу васъ, братія мои, если вы хотите давать что-либо клирикамъ; знайте, что вы не должны какъ бы потворствовать имъ, поступая противъ моихъ требованій. Всѣмъ приносите, что хотите, приносите по желанію вашему. Это будетъ у насъ общимъ достояніемъ, и каждому дано будетъ, сколько нужно. Помните объ общей нашей сокровищницѣ (Gasophylacium attendite). Мнѣ весьма пріятно, если будетъ для насъ какъ бы особое стойло, такъ чтобы мы были какъ бы вьючными животными у Бога, а вы—Божьей нивой. Никто пусть не даетъ мнѣ биргу или льняную тунику или что-либо другое, развѣ только для общаго пользованія. Изъ общей кладовой беру я и для самого себя, такъ какъ помню, что хочу лишь сообща имѣть то, что имѣю. Не хочу, чтобы святость ваша приносила мнѣ что-либо такое, чѣмъ бы я одинъ только преимущественнѣе предъ другими могъ пользоваться. Не хочу, чтобы приносилъ мнѣ кто-либо, напримѣръ, драгоцѣнную биргу. Можетъ быть, она и прилична епископу, но не прилична Августину, человѣку бѣдному и отъ бѣдныхъ рожденному. Тогда скажутъ люди, что вотъ я нашелъ драгоцѣнныя одежды, которыхъ не могъ имѣть ни въ дому отца моего, ни въ томъ мірскомъ служеніи моемъ. Не прилична она мнѣ. Такую хочу имѣть, которую могъ бы дать брату моему, если бы нуждался онъ. Какую можетъ имѣть пресвитеръ, какую можетъ считать приличной для себя діаконъ и субъ-діаконъ, такую желаю принимать, потому что принимаю для общаго пользованія. Если кто дастъ лучшую, я обыкновенно продаю ее, такъ чтобы, когда самая одежда не можетъ быть общей одеждой, цѣна ея, по крайней мѣрѣ, могла быть общей. Продаю я и раздаю нищимъ. Если же кому желательно, чтобы я носилъ,

пусть даетъ такую одежду, за которую бы я не стыдился. Потому что, признаюсь вамъ, стыжусь я драгоцѣнной одежды, такъ какъ не прилична она этому служенію, этому званію, не прилична этимъ членамъ и этимъ сѣдинамъ. Скажу еще вамъ: «если кто въ нашемъ домѣ или въ нашей общинѣ окажется больнымъ, такъ что необходимо ему подкрѣпляться пищей, прежде установленнаго для обѣда срока, я не препятствую благочестивымъ мужамъ и женамъ посылать имъ, что найдутъ возможнымъ. Но завтрака или обѣда на сторонѣ (extra) никто изъ нихъ не будетъ имѣть».

14. Вотъ говорю вамъ: слышали вы, и они слышатъ: кто захочетъ имѣть собственность, будетъ жить своею собственностью и поступать противъ правилъ нашихъ, мало сказать, что онъ не останется со мною, но онъ не будетъ и клирикомъ. Я сказалъ уже и знаю, что сказалъ, что если кто не захочетъ жить общей нашей жизнью, я не буду лишать того званія клирика, но пусть особо пребываютъ такіе, пусть особо живутъ, живутъ, какъ могутъ, для Бога. Вмѣстѣ съ тѣмъ предъ вами я уже изложилъ, сколь великое зло—измѣнять своему обѣту. Лучше хочу я имѣть увѣчныхъ (claudos), чѣмъ скорбѣть о мертвыхъ. Потому что кто лицемѣритъ, тотъ является мертвымъ. Итакъ, если кто захочетъ быть внѣ нашей общины и жить особо, я не лишу его званія клирика, равно, если кто изъ тѣхъ, кому понравилась, по милости Божіей, эта общая жизнь, будетъ жить лицемѣрно и окажется имѣющимъ собственность, я не позволю ему сдѣлать завѣщаніе на нее и исключу его изъ списка клириковъ. Пусть обращается съ жалобой на меня къ тысячѣ соборовъ, пусть отправляется, куда хочетъ, пусть остается, гдѣ можетъ. Богъ мнѣ помощникъ, такъ что гдѣ я епископствую, тамъ онъ не будетъ клирикомъ. Вотъ выслушали вы, выслушали и они. Но я надѣюсь на Бога нашего и на Его милосердіе и думаю, что, какъ охотно приняли они это опредѣленіе мое, такъ неукоризненно и вѣрно соблюдутъ его.

15. Сказалъ я вамъ, что пресвитеры, мои сожители, ничего своего не имѣютъ; между ними есть и пресвитеръ Варнава. Но о немъ распространились нѣкоторые слухи и прежде всего, что онъ купилъ виллу отъ возлюбленнаго и досто-

уважаемаго сына [1]) моего Елевсина. Это неправда. Подарилъ ее Елевсинъ монастырю, а не продалъ. Я—свидѣтель. Чего еще бо́льшаго нужно вамъ, не знаю. Я свидѣтель: подарилъ онъ, а не продалъ. Но пока не вѣрили, что онъ могъ подарить, думали, что продалъ. Блаженъ человѣкъ тотъ, который столь доброе дѣло сдѣлалъ, что даже не вѣрятъ этому. Однако, хоть теперь, вѣрьте и перестаньте слушать клеветниковъ. Я уже сказалъ, что я свидѣтель. Еще говорятъ о немъ, что во время прежняго служенія своего онъ (Варнава) надѣлалъ долговъ и вотъ, чтобы могъ онъ уплатить ихъ, я будто бы далъ ему право пользованія землею Викторіанской.—«Чтобы могъ я уплатить свои долги, дай мнѣ», такъ будто бы сказалъ онъ, «на десять лѣтъ землю Викторіанскую». Но и это ложно. Впрочемъ, были основанія для такого слуха: надѣлалъ онъ, правда, долговъ, которые нужно было уплатить. Частію, насколько это было возможно, они уплачены нами. Осталось нѣчто, что еще не уплачено тому монастырю, который чрезъ него основалъ Господь. Такъ какъ остались долги, мы стали думать, какъ бы уплатить ихъ. За аренду же того участка земли (Викторіанскаго) никто не давалъ болѣе сорока золотыхъ (solidorum). Но мы видѣли, что участокъ можетъ дать больше, такъ что долгъ могъ быть скорѣе выплаченъ, и я ввѣрилъ его ему (Варнавѣ), чтобы братія искали выгоды не отъ сдачи участка, а отъ плодовъ его, какіе дастъ онъ, отсчитывали бы, сколько возможно, для уплаты долга. Все у насъ зиждется на вѣрѣ. Готовъ пресвитеръ и на то, чтобы я назначилъ другого, который бы и давалъ братіямъ отчетъ о плодахъ съ участка. Желалъ бы я поручить это кому-нибудь изъ вашей среды, изъ числа тѣхъ, которые дѣлаютъ приношенія намъ. Потому что есть между вами люди благочестивые, которые скорбятъ о томъ слухѣ, ложно пущенномъ, и однако вѣрятъ ему. Итакъ, пусть кто-нибудь изъ васъ самихъ придетъ къ намъ, приметъ владѣніе, продастъ добросовѣстно плоды по ихъ стоимости, чтобы легче можно было уплатить долгъ, и чтобы сегодня же снята была съ пресвитера Варнавы всякая забота о томъ. Самое же мѣсто, гдѣ основанъ монастырь достопамятнымъ и достопочтеннымъ сыномъ моимъ Елевсиномъ, пожертвовано пресвитеру Варнавѣ прежде, чѣмъ онъ сдѣлался пресвитеромъ. На этомъ мѣстѣ устроилъ онъ монастырь. И такъ какъ отъ его имени дано было мѣсто, то онъ измѣнилъ права принадлежности въ такомъ смыслѣ, чтобы оно значилось за монастыремъ. А объ участкѣ Викторіанскомъ я молю васъ, убѣждаю и настаиваю, чтобы, если найдется между вами какой-либо благочестивый человѣкъ, онъ поступалъ добросовѣстно (fide agat) и постарался для церкви, въ цѣляхъ скорѣйшей уплаты долга. Если же никого не найдется изъ мірянъ, я изберу другого, а этотъ (Варнава) не будетъ имѣть отношенія къ тому дѣлу. Чего нужно вамъ еще больше? Никто пусть не порочитъ рабовъ Божіихъ, потому что не полезно это для тѣхъ, которые порочатъ. Для рабовъ Божіихъ увеличивается награда вслѣдствіе ложныхъ поношеній, но вмѣстѣ увеличивается и наказаніе для поносящихъ. Не напрасно сказано: «когда будутъ поносить васъ и всячески неправедно злословить за Меня, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ» (Матѳ. V, 11—12). Однако, не хотимъ мы великой награды съ несчастіемъ для васъ. Готовы скорѣе меньше имѣть, лишь бы вмѣстѣ съ вами царствовать тамъ.

[1]) Сыновство здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, духовное.

Бесѣда 17-я. [1])

Похвала миру (De laude pacis).

1. Насколько Богъ поможетъ силамъ нашимъ, время, братія, обратиться къ любви вашей съ увѣщаніемъ о любви къ миру и просить Господа о мирѣ. Итакъ, пусть миръ будетъ близокъ и любезенъ намъ. Съ нимъ пусть будетъ чистымъ ложе нашего сердца. Съ нимъ пусть отдыхъ будетъ спокойнымъ и сотоварищество не тяжкимъ. Съ нимъ пусть будетъ сладкимъ единеніе и неразрывной дружба. Восхвалять миръ труднѣе, нежели имѣть его. Потому что, если мы хотимъ хвалить миръ, ищемъ себѣ силъ и возбуждающихъ насъ чувствъ, произносимъ слова; если же хотимъ имѣть миръ, то безъ всякаго труда имѣемъ и владѣемъ. Нужно прославлять тѣхъ, которые любятъ миръ. Тѣхъ же, которые ненавидятъ его, лучше умирить наученіемъ или молчаніемъ, чѣмъ раздражать порицаніемъ. Кто истинно любитъ миръ, любитъ и враговъ его. Подобно тому, какъ, если ты любишь этотъ свѣтъ, ты не сердишься на слѣпыхъ, но скорбишь о нихъ, потому что знаешь, какимъ благомъ владѣешь, и потому кажутся они тебѣ, знающему, какого блага лишаются, достойными состраданія, такъ что, если бы имѣлъ ты средства, искусство или лѣкарство, скорѣе сталъ бы лечить ихъ, а не осуждать, такъ точно, если ты любишь миръ, кто бы ты ни былъ, сострадай тому, кто не любитъ, что̀ ты любишь, кто не

[1]) По общему счету 357-я, сказанная въ Карѳагенѣ, въ виду предстоящей бесѣды съ донатистами, въ 411 году, около 15 мая.

имѣетъ того, что̀ ты имѣешь. Таковъ именно предметъ, который любишь ты, что ты не завидуешь твоему совладѣльцу. Имѣетъ онъ миръ съ тобою и твоего владѣнія не стѣсняетъ. Что̀ бы земное ни любилъ ты, трудно не позавидовать имѣющему то. Если бы захотѣлъ ты землею, которую имѣешь, владѣть сообща съ другомъ, стремясь къ тому, чтобы восхваляли твою доброту, и чтобы любовь прославлялась и въ этомъ случаѣ (ut etiam in istis temporalibus rebus charitas praedicetur), если бы, говоримъ, захотѣлъ ты земнымъ достояніемъ твоимъ,—помѣстьемъ, домомъ или чѣмъ-либо подобнымъ,—владѣть вмѣстѣ съ другомъ твоимъ,—то, вотъ, предположимъ, владѣешь ты съ однимъ, допуская его до соучастія съ тобою, и радуясь съ нимъ. Помышляешь, быть можетъ, принять еще третьяго соучастника и четвертаго. Соображаешь, сколько можетъ принять, сколько можетъ вмѣстить домъ ли для жительства въ немъ, или поле для пастбища,—и говоришь: «пятаго уже нельзя принять, шестой не можетъ жить съ нами, а седьмого какъ можно помѣстить на столь небольшомъ участкѣ»? Итакъ, не ты, а самая тѣснота исключаетъ прочихъ. Но люби миръ, имѣй миръ, владѣй миромъ, и принимай къ себѣ, сколько хочешь, во владѣніе. Тѣмъ обширнѣе дѣлается оно, чѣмъ больше владѣльцевъ. Домъ вещественный не можетъ вмѣстить многихъ сожителей; владычество же мира возрастаетъ съ увеличеніемъ числа пребывающихъ въ немъ.

2. Какъ хорошо, братія, любить! Потому что это значитъ и имѣть. Кто не хочетъ, чтобы умножалось то, что онъ любитъ? Если хочешь, чтобы немногіе были въ мирѣ съ тобой, малъ будетъ миръ у тебя. Если хочешь, чтобы возрастало твое владѣніе, прими и еще владѣтеля. Вѣдь, какъ утѣшительно то, что сказалъ я, братія, что хорошо любить миръ, и что любить его значитъ вмѣстѣ и имѣть? Какой голосъ можетъ восхвалить и какое сердце можетъ прочувствовать это, т.-е. что любить значитъ и имѣть? Подумай только о другомъ, къ чему люди пылаютъ своей страстью. Смотри, иной любитъ земли, серебро, золото, хочетъ имѣть много дѣтей, дорогіе и красивые дома̀, живописныя и дорогія усадьбы. Любитъ онъ это? Любитъ. Но развѣ уже и имѣетъ, если любитъ? Можетъ случиться, что онъ такъ и останется пустымъ любителемъ всего этого. Когда не имѣетъ онъ, то любитъ, горитъ

страстью, чтобы имѣть. Когда будетъ имѣть, мучится страхомъ, какъ бы не потерять то. Любитъ человѣкъ почетъ, любитъ власть. Но сколь многіе люди вздыхаютъ наединѣ о полученіи власти? И большею частью такъ и застаетъ ихъ послѣдній день (день смерти), прежде нежели достигнутъ они того, чего желаютъ. Какъ же много, слѣдовательно, значитъ это: любить и вмѣстѣ имѣть? Не за деньги въ этомъ случаѣ покупаешь ты то, что любишь. Не идешь къ какому-либо покровителю, чтобы получить то. Вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоишь ты, люби миръ, и у тебя есть уже то, что ты любишь. Это есть достояніе сердца. Не такъ ты владѣешь миромъ съ друзьями, какъ, напримѣръ, хлѣбомъ. Когда хочешь подѣлиться хлѣбомъ съ другими, чѣмъ больше тѣхъ, кому дается, тѣмъ меньше становится то, что дается. Миръ же подобенъ тому хлѣбу, который умножался въ рукахъ учениковъ Господнихъ при преломленіи и раздаяніи.

3. Имѣйте же миръ, братія. Если желаете другихъ привлечь къ нему, имѣйте сначала сами, сами прежде владѣйте имъ. Пусть пламенѣетъ въ васъ то, что имѣете, чтобы и другихъ могло воспламенить оно. Ненавидитъ миръ еретикъ, какъ и страдающій глазами ненавидитъ свѣтъ. Но неужели плохъ оттого свѣтъ, что страждущій глазами не можетъ выносить его? Хотя и не выноситъ больной глазами свѣта, однакоже глазъ созданъ для свѣта. Тѣ, которые любятъ миръ и хотятъ владѣть имъ вмѣстѣ съ другими, естественно, стараются, чтобы съ увеличеніемъ числа владѣльцевъ возрастало и самое владѣніе. Пусть же стараются они, чтобы исцѣлились глаза страждущихъ, какихъ бы это ни стоило средствъ и усилій. Противъ воли врачуется больной, не хочетъ, пока врачуется, но какъ только увидитъ свѣтъ, радуется. Но не забывай, что онъ сердится. Не льсти себя большими надеждами. Ты, любитель мира, самъ сначала проникайся миромъ, услаждайся красотою того, что полюбилъ, и затѣмъ возбуждайся уже къ тому, чтобы увлечь другого. Пусть видитъ онъ то, что ты видишь; пусть любитъ, что ты любишь, владѣетъ тѣмъ, чѣмъ и ты. Вотъ обращается къ тебѣ возлюбленная твоя, которую любишь ты, и говоритъ: «люби меня и тотчасъ будешь имѣть меня». Приводи съ собой, кого можешь, къ любви моей. Я буду чистой и останусь неврежденной. Приводи, сколько можешь; пусть приходятъ,

владѣютъ и наслаждаются мной. Если свѣту этому не вредятъ многіе смотрящіе, мнѣ ли повредятъ многіе любящіе меня? Но не хотятъ они приходить, потому что не знаютъ, какъ увидѣть меня. Не хотятъ притти, потому что блескъ мира смываетъ нагноеніе вражды. Обрати вниманіе на несчастный крикъ страждущихъ слѣпотой. Вотъ возвѣщается имъ: необходимо, чтобы христіане имѣли миръ. Услышавъ эти слова, они говорятъ между собою: «горе намъ». Почему? Наступаетъ единеніе. Такъ что же? и что это значитъ: «горе намъ, наступаетъ единеніе?» Не лучше было бы говорить: «горе», когда наступаетъ раздѣленіе? Но пусть не будетъ этого, пусть не будетъ раздѣленія. Это—мракъ для видящихъ. Наступаетъ единеніе, и нужно радоваться тому, братія. Чего испугался ты? Сказано, что наступаетъ единеніе. Развѣ сказано, что приближается звѣрь или огонь? Единеніе приходитъ, свѣтъ приходитъ. Если бы онъ захотѣлъ быть правдивымъ, то сказалъ бы вамъ: «не того я испугался, что звѣрь приближается; я не трусливъ. Но оттого я испугался, что свѣтъ приходитъ, такъ какъ глаза у меня больные (lippus enim sum). Итакъ, пусть приложено будетъ стараніе къ исцѣленію ихъ. При помощи Божіей, насколько хватаетъ силъ у насъ, нужно постараться, чтобы вмѣстѣ владѣть съ ними тѣмъ, что̀ вслѣдствіе совмѣстнаго владѣнія не дѣлается меньшимъ.

4. Поэтому, возлюбленные, увѣщеваю любовь вашу оказывать по отношенію къ нимъ, т.-е. къ заблуждающимся истинную христіанскую кротость. Теперь нужна настойчивость для извлеченія ихъ (nunc curandis instatur). Воспалены глаза болящихъ. Нужно лечить ихъ осторожно и обходиться нѣжно. Никто пусть не затѣваетъ тяжбы съ кѣмъ-либо изъ нихъ, никто пусть не стремится защищать даже вѣры своей посредствомъ спора, чтобы изъ спора не зарождалась искра вражды, и чтобы идущимъ повода къ этому не представлялся поводъ. Вообще, если слышишь брань, терпи, не показывай вида, иди мимо. Помни, что нужно лечить. Знаете, какъ ласковы врачи бываютъ съ тѣми, кого серьезно (mordaciter) лечатъ. Выслушиваютъ они брань, но даютъ лекарство и не отвѣчаютъ на брань бранью. Слѣдуетъ помнить, что одинъ лечитъ, а другой долженъ быть излеченъ, и не должно препираться. Терпите, братія мои, умоляю васъ. «Но я не вы-

ношу»—скажетъ кто-либо, «когда онъ злословитъ церковь». Но о томъ и проситъ тебя церковь, чтобы ты переносилъ, когда поносится она. «Поноситъ онъ, скажешь, епископа моего. На епископа моего возводитъ обвиненіе, и стану ли молчать я?» Пусть говоритъ обвиненіе, но ты молчи, не вслѣдствіе согласія съ нимъ въ томъ, а изъ-за терпѣнія. Этимъ окажешь услугу и епископу, если до времени не будешь заступаться за него. Соображай время, имѣй разсужденіе. Вѣдь, и Бога твоего какъ злословятъ иногда? Неужели ты слышишь, а Онъ не слышитъ? Неужели ты знаешь, а Онъ не знаетъ? И, однако, «Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Матѳ. V, 45). Показываетъ Онъ терпѣніе и отлагаетъ могущество. Такъ и ты знай время и не приводи воспаленные глаза въ бо́льшее раздраженіе. Любишь ты миръ? Будь блаженъ съ нимъ въ сердцѣ своемъ. «Но что же мнѣ дѣлать?»—спросишь. Есть, что дѣлать. Забудь о распряхъ и обратись къ молитвамъ. Не отвѣчай бранью бранящему тебя, но молись за него. Хочешь ты обратиться къ нему противъ него,—но обращайся за него къ Богу. Не говорю тебѣ, чтобы безмолствовалъ ты, но предпочитай болѣе обращаться къ Тому, съ Кѣмъ бесѣдуешь, молча, когда уста закрыты и раздается лишь голосъ сердца. И тогда, когда не видитъ тебя хулитель тотъ, будь добръ къ нему. Ему, не любящему мира и желающему препираться съ тобой, отвѣчай миролюбиво: «что хочешь, говори, сколько угодно ненавидь, и какъ угодно презирай, но ты братъ мой». Зачѣмъ такъ поступаешь, что становишься какъ бы не братомъ мнѣ? Хорошій ли ты или дурной, добрый или недобрый, но ты братъ мой. Пусть онъ говоритъ, что не братъ тебѣ, а не́другъ, врагъ. «Хотя говоришь ты такъ, отвѣчай ему, однако, ты братъ мой». Кажется, удивительнымъ: вотъ онъ ненавидитъ, хулитъ и все-таки братъ твой?! Но неужели мнѣ вѣрить ему, не знающему, что говоритъ? Я желаю ему здравія, чтобы онъ видѣлъ и призналъ своего брата. Итакъ, нужно ли, чтобы я вѣрилъ ему, что я не братъ ему, потому что онъ поноситъ, потому что ненавидитъ, ему вѣрилъ, а не Самому Свѣту? Послушаемъ, что говоритъ этотъ Свѣтъ. Читай у пророка: «услышите глаголъ Господень, трепещущіе передъ словомъ Его». Это Духъ Святый говоритъ чрезъ

Исаію пророка: «выслушайте слово пророка, трепещущіе словесе Его: рцыте, братія, ненавидящимъ васъ и гнушающимся». Что же? вотъ засіялъ свѣтъ, показалъ братство, а слѣпецъ говоритъ еще: «закрой окно». Обрати же къ свѣту глаза твои, познай брата, стоящаго внѣ, ты, пребывающій во мракѣ, и скажи спокойно: «Божіи это слова, не мои слова». Рцыте, братія, говоритъ Господь, ненавидящимъ васъ. Кому братья вы? Тѣмъ, кто ненавидитъ васъ. Нѣтъ ничего удивительнаго сказать: тѣмъ, которые любятъ васъ,—но братья тѣмъ, которые васъ ненавидятъ и гонятъ. Почему это? Слушай и узнай причину. Спроси какъ бы Самого Господа Бога Твоего и скажи: Господи! какъ могу назвать братомъ моимъ того, кто ненавидитъ, кто безчеститъ меня? Скажи, почему? «Да имя Господне прославится и явится въ веселіи ихъ, и они посрамятся» (Исаіи LXVI, 5). Вотъ почему умоляю я о терпѣніи, о такой кротости. Братья они ваши.—Почему? Чтобы прославлялось имя Господа. Почему же не признаетъ онъ тебя братомъ? Потому что имя людей прославляетъ ихъ [1]). Итакъ, скажи ему: хотя ты ненавидишь меня, хотя поносишь, однако, ты братъ мой. Познай въ себѣ образъ отца моего. Дурной ли ты или хорошій, ты братъ мнѣ. Вѣдь, и ты, какъ и я, говоришь: «Отче нашъ, сущій на небесахъ!» (Матѳ. VI, 9). Одно говоримъ мы, почему же не соединиться намъ? Прошу тебя, братъ, вникни въ то, что́ говоришь со мною, и осуди то, что дѣлаешь противъ меня. Обрати вниманіе на слова, выходящія изъ устъ твоихъ. Слушай не меня, а себя. Помни, предъ Кѣмъ говоримъ: «Отче нашъ, сущій на небесахъ!» Не другъ и не сосѣдъ твой, но Самъ Богъ, къ Кому обращаемся мы съ этими словами, повелѣваетъ намъ быть въ согласіи. Вмѣстѣ говоримъ мы предъ Отцомъ однимъ голосомъ. Почему же не имѣемъ мы вмѣстѣ и одного мира?

5. Говорите это пламенно, говорите кротко. Говорите, горя огнемъ любви, а не негодованіемъ раздора, и просите съ нами Господа, соединяя это съ обычнымъ воздержаніемъ. Что ни воздаемъ мы Господу, будемъ воздавать, имѣя въ виду и это обстоятельство. Вотъ, послѣ Пятидесятницы мы, обыкно-

[1]) Мысль та, что, называя другого своимъ братомъ, еретикъ (въ данномъ случаѣ—донатистъ) тѣмъ самымъ, по своему мнѣнію, какъ бы прославляетъ его.

венно, постимся. Впрочемъ, мы постились бы, конечно, хотя бы и не было этого повода. Итакъ, что же мы обязаны дѣлать для братьевъ нашихъ, коихъ въ имени Господа нашего, Врача нашего, хотимъ принять на излеченіе и исправленіе, когда Ему предоставляемъ излеченіе ихъ, а не себѣ присвоиваемъ искусство врача? Но что дѣлать намъ? Будемъ просить Самого Врача, постясь со смиреніемъ сердца нашего, съ благочестіемъ во взаимной братской почтительности. Яьимъ предъ Богомъ благочестіе, а братьямъ—любовь. Пусть умножаются благотворенія наши, коими споспѣшествуются наши молитвы. Будьте страннопріимны. Теперь время для этого, такъ какъ собираются отовсюду рабы Божіи. Время теперь для этого и поводъ есть, зачѣмъ пропадать ему? Наблюдай, что есть у тебя дома, въ столовой. Не забывай откладывать нѣчто для себя и въ ту небесную сокровищницу, гдѣ ты только и можешь найти спокойствіе себѣ. Откладывай туда, ввѣряй не рабу твоему, а Господу. Неужели боишься, что и тамъ воръ подкрадется, и тамъ найдетъ грабитель, и тамъ похититъ жестокій врагъ? Старайся же дѣлать такъ, чтобы было потомъ за что воздавать тебѣ. Гораздо болѣе получишь ты по сравненіи съ тѣмъ, что положишь. Кредиторомъ хочетъ имѣть тебя Богъ, но Своимъ, а не кредиторомъ твоего ближняго.

Бесѣда 18-я [1]).

О мирѣ и любви.

1. Попеченію нашему о васъ, о врагахъ нашихъ и вашихъ, о спасеніи всѣхъ, о тишинѣ, объ общемъ мирѣ, о единеніи, которое заповѣдалъ Господь и которое любитъ Господь, пусть вспомоществуетъ молитвы святости вашей, чтобы чаще объ этомъ могли мы говорить вамъ и радоваться вмѣстѣ съ вами. Потому что о мирѣ и любви всегда должны мы говорить, если всегда любимъ. И особенно въ такое время, когда мира такъ ищутъ, и на порогѣ обладанія имъ стоять тѣ, которымъ мы не воздаемъ за зло зломъ, и съ которыми, какъ говорится въ Писаніи, мы мирны, когда они ненавидятъ насъ, которые хотятъ быть въ войнѣ съ нами, когда мы говоримъ имъ о мирѣ (Пс. CXIX, 7). Они стоятъ на распутьи между любовью къ миру и чувствомъ стыда. Не желая быть побѣжденными, они вовсе однако не избѣгаютъ пораженія. Не желая быть побѣжденными истиной, они побѣждаются заблужденіемъ. О, если бы взяла верхъ надъ ними любовь, а не гордость! Тогда сдѣлались бы они побѣдителями, когда были бы побѣждены. Мы же любимъ, признаемъ и защищаемъ Церковь каѳолическую, къ согласію и единенію съ которой призываемъ враговъ ея, въ силу Божественныхъ повелѣній. Но что дѣлать съ тѣмъ, который защищаетъ часть и идетъ противъ цѣлаго? И развѣ не добро—быть побѣжденнымъ тому, который, если будетъ побѣжденъ, владѣть будетъ всѣмъ, а если побѣдитъ, или точнѣе, если подумаетъ, что побѣдитъ, дол-

---

[1]) По общему счету 358-я.

женъ довольствоваться только частью? Вѣдь, ничто не побѣждаетъ, кромѣ истины. Сила же (victoria) истины въ любви.

2. Но зачѣмъ, братія, говорить мнѣ много отъ себя самого о Церкви каѳолической, плодоносящей и возрастающей по всему кругу земли? Имѣемъ мы въ защиту ея слова Самого Господа. «Господь, говорится въ псалмѣ, сказалъ Мнѣ: «Ты—Сынъ Мой; Я нынѣ родилъ Тебя; проси у Меня, и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ» (Пс. II, 7—8). Зачѣмъ же, братія, спорить намъ о владѣніи, и не лучше ли читать эти священныя страницы? Представимъ, что мы пришли къ судьѣ. Споръ у насъ о владѣніи землей и споръ мирный. Одинъ тяжущійся ратуетъ за то, чтобы удалить соперника своего, мы же за то, чтобы принять его. Первый, когда услышитъ слова противника: хочу владѣть,—отвѣчаетъ: не принимаю. А я говорю брату: хочу, чтобы и ты владѣлъ со мною; тотъ же, возражая, отвѣчаетъ: не хочу. Не боюсь я, что Господь упрекнётъ меня и устыдитъ, какъ тѣхъ братьевъ или того брата, который изъ народа взывалъ къ Нему и говорилъ: «Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство» (Лук. XII, 13). Господь тотчасъ высказалъ упрекъ ему, потому что ненавидѣлъ раздѣленіе. «Кто, сказалъ Онъ, поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?.. Смотрите, берегитесь любостяжанія» (Ст. 14—15). Такого упрека я не боюсь. Взываю я къ Господу моему, признаюсь, взываю. Однако, не говорю: «Господи! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство». Но говорю: Господи! скажи брату моему, чтобы былъ онъ въ единеніи со мною. Вотъ я читаю свидѣтельство объ этомъ спорномъ владѣніи, но не для того, чтобы одному владѣть мнѣ, а чтобы обличить брата моего, который не хочетъ владѣть вмѣстѣ со мною. Вотъ это свидѣтельство: «проси у Меня, и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ». Христу это сказано, а слѣдовательно, и намъ, потому что мы члены Христовы. Итакъ, зачѣмъ еще остаешься и пребываешь въ раздѣленіи, въ части? Принимай все, о чемъ говорится здѣсь. Ищешь ты, гдѣ владѣніе твое, какъ землевладѣльцы особымъ способомъ отмѣчаютъ обыкновенно предѣлы своихъ владѣній. Но Давшій тебѣ всѣ концы не обозначилъ никакихъ предѣловъ (Qui tibi dedit omnes fines, nullos dimisit affines).

3. Выслушай далѣе и другое свидѣтельство отъ священныхъ страницъ. О Господѣ, о Христѣ говорится тутъ подъ образомъ Соломона: «Онъ будетъ обладать отъ моря до моря и отъ рѣки до концовъ земли; падутъ предъ Нимъ жители пустынь, и враги Его будутъ лизать прахъ. Цари Ѳарсиса и острововъ принесутъ Ему дань; цари Аравіи и Савы принесутъ дары; и поклонятся Ему всѣ цари; всѣ народы будутъ служить Ему» (Псал. LXXI, 8—11). Вотъ въ то время, когда сказаны были эти слова, этому вѣрили, а когда исполняются они, отвергаютъ. Итакъ, владѣй со мной достояніемъ отъ моря до моря и отъ рѣки, разумѣется, Іордана, гдѣ началось служеніе Христа, до концевъ земли. Почему не хочешь? Зачѣмъ являешься врагомъ этому обѣтованію, этому богатству твоему? Изъ-за чего не хочешь? Изъ-за Доната?! Изъ-за Цециліана?! Но кто былъ Донатъ? Кто былъ Цециліанъ? Во всякомъ случаѣ, они были люди; если добрые, для себя самихъ добрые, не для меня; если злые, также для себя самихъ злые. Ты же внимай Христу и ревнующему о Христѣ апостолу Его. «Развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились?» Смотри, что заставило его сказать это. «У васъ, пишетъ онъ къ Коринѳянамъ, говорятъ: я Павловъ; я Аполлóсовъ; я Кѝфинъ; а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христóсъ? Развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились» (1-е Коринѳ. I, 12—13)? Если не во имя Павла, то тѣмъ менѣе во имя Цециліана, или во имя Доната. И, однако, послѣ этихъ словъ апостольскихъ, послѣ признанія и распространенія церкви во всемъ мірѣ, еще говорятъ мнѣ: не хочу оставить Доната, или какого-то Гаія, Люція, Парменіáна. Тысяча именъ, тысяча толковъ и неужели ты станешь лишать себя, слѣдуя за тѣмъ или другимъ человѣкомъ, того наслѣдства, о которомъ только что слышалъ, что оно «отъ моря до моря и отъ рѣки до концевъ земли?» Почему нѣтъ его у тебя? Потому что преклоняешься предъ человѣкомъ. Но что такое человѣкъ, если не разумное животное, созданное изъ земли? Итакъ, потому ты врагъ себѣ, что чтишь землю; оставь это лучше. Не чти землю, а возлагай надежду на Того, Кто создалъ небо и землю. Тамъ надежда наша. Вотъ и свидѣтельство о томъ: «Богъ боговъ, Господь возглаголалъ и призываетъ землю, отъ восхода солнца до запада» (Псал.

XLIX, 1). Не желай оставаться на землѣ, но туда стремись, куда призвана земля.

4. И кто можетъ вычитать здѣсь всѣ свидѣтельства объ этомъ владычествѣ церкви, содержащіяся на священныхъ страницахъ? Но почему же не обращаются они къ церкви, если не потому, на что указываетъ сама церковь, когда говоритъ: «да обратятся ко мнѣ боящіеся Тебя и знающіе откровенія Твои» (Псал. CXVIII, 79)? Теперь это именно и видитъ церковь, о чемъ говорится въ только что приведенныхъ словахъ изъ псалма. Свѣжи слова эти въ умахъ и сердцахъ вашихъ. «Я видѣлъ, говорится тамъ, предѣлъ всякаго совершенства». Что значитъ это: «видѣлъ предѣлъ всякаго совершенства?» Какой это предѣлъ? «Широка заповѣдь Твоя зѣло» (Псал. CXVIII, 96). «Конецъ же (по русск. тексту—цѣль) завѣщанія, повторяйте за мной (слушатели повторяютъ—a populo acclamatum est) есть любы отъ чиста сердца» (1 Тимоѳ. I, 5). Всѣ вы сказали это. Не напрасно, слѣдовательно, слушаете: «конецъ же завѣщанія есть любы отъ чиста сердца». Конецъ въ смыслѣ совершенствованія, а не въ смыслѣ уничтоженія. Конецъ этотъ широкъ, потому что это есть именно заповѣдь Божія, о которой сказано: «широка заповѣдь Твоя зѣло». Замѣчай широту этой заповѣди. Какъ широка? Ужели тѣлесно? Широка она въ сердцѣ. Если бы и тѣлесно широка́ была, слушатели благочестивые, вы не потерпѣли бы стѣсненія. Но широка она въ сердцѣ. Замѣчай, гдѣ широка́, если можешь замѣчать, и выслушай затѣмъ отъ апостола о томъ, какъ широка́ заповѣдь любви. «Любовь Божія излилась въ сердца наши» (Римл. V, 5). Не сказалъ: заключена́, но излилась (non dixit: inclusa, sed diffusa). Слово «заключена» указываетъ какъ бы на тѣсноту. А слово «излилась»—какъ бы на просторъ. Итакъ, «широка́ заповѣдь Твоя зѣло». Именемъ Господа и Бога нашего свидѣтельствуемъ, что ради самой этой широты и приглашаемъ братьевъ нашихъ во владычество мира. Хотите быть епископами, будьте съ нами. Не хочетъ народъ двухъ епископовъ, будьте братіями въ наслѣдіи нашемъ. Не будемъ изъ-за почестей нашихъ препятствовать миру Христову. Какую честь получимъ мы въ томъ небесномъ мірѣ, если теперь въ земныхъ распряхъ будемъ защищать только честь нашу? Пусть уничтожится преграда заблужденія, и мы будемъ вмѣстѣ. Признай меня братомъ;

я признáю тебя братомъ, но съ уничтоженіемъ раздѣленія, съ устраненіемъ заблужденія и распрей. Пусть все это будетъ исправлено, и ты мой. Или не хочешь быть моимъ? Но я, если ты исправишься, хочу быть твоимъ. Итакъ, съ устраненіемъ заблужденія, какъ бы нѣкоторой стѣны, преграждающей и раздѣляющей, будь моимъ братомъ, и я буду твоимъ, чтобы вмѣстѣ обоимъ принадлежать намъ Тому, Кто есть и твой и мой Господь.

5. Говоримъ мы это съ любовью къ миру, съ убѣжденіемъ въ истинѣ. Мы уже писали, и вы читали объ этомъ намѣреніи нашемъ [1]), что мы совсѣмъ не уклоняемся отъ внесенія дѣла на общее обсужденіе, а, напротивъ, настаиваемъ на томъ, чтобы, какъ только докажу я права владѣнія, тотчасъ же вмѣстѣ съ противникомъ вступить намъ и въ наслѣдіе. Пусть выступаетъ собесѣдникъ безтрепетно, спокойно, пусть выступаетъ искусный (doctus). Не хочу я напередъ дѣйствовать авторитетомъ (nolo auctoritate praejudicare). Обратимъ взоръ свой къ Тому, Кто не можетъ ошибиться. Онъ пусть укажетъ намъ, что́ есть Церковь. Слышали вы свидѣтельства Его. Не оскверняетъ людское нечестіе той, которой не дѣлаетъ чистой и людская праведность. Однако, мы не опасаемся и за дѣла людей, коихъ обвинили донатисты и не могли уличить. Мы знаемъ, что они чисты. Изъ дѣла видимъ, что чисты. Если бы они не были чисты, я не старался бы обратить этихъ дѣлъ въ пользу церкви—(non in causa eorum Ecclesiam constituerem), не строилъ бы на пескѣ, отдѣлилъ бы ихъ отъ камня. «На семъ камнѣ, сказалъ Господь, Я создамъ церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея» (Матѳ. XVI, 18). Камень этотъ—Христосъ. «Развѣ Павелъ распялся за васъ?»—вотъ эти слова помните, это держи́те, это братски и любовно говорите.

6. Въ мѣсто же, гдѣ будетъ происходить собесѣдованіе, пусть никто насильно не вторгается изъ васъ, братія мои. Вообще, если можно, избѣгайте даже и проходить около того мѣста, чтобы не дать какого-либо толчка къ спору, или распрѣ, чтобы не представился для того какой-нибудь предлогъ, и чтобы не нашли здѣсь повода къ распрѣ тѣ, которые ищутъ повода. А кто не боится Бога, или не обра-

[1]) См. Epist 128 и 129. August. Opera omn. tom II.

щаетъ вниманія на наши просьбы, пусть убойтся, по крайней мѣрѣ, угрозъ со стороны гражданской власти. Читали вы публично выставленное распоряженіе сановнаго мужа [1]). Издано оно не для васъ, разумѣется, боящихся Бога и не пренебрегающихъ наставленіями епископовъ вашихъ, но для того, чтобы кто-нибудь не забылся и не пренебрегъ этимъ. Пусть же каждый наблюдаетъ за собой, чтобы не случилось съ нимъ того, что говоритъ апостолъ: «противящійся власти противится Божію установленію... Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ» (Римл. XIII, 2—3). Будемъ избѣгать раздоровъ и всякихъ поводовъ къ раздору. Но, можетъ быть, вы скажете: мы постараемся быть внимательны къ себѣ, и чѣмъ помѣшаемъ вамъ? Но партія православныхъ, къ счастію, достаточна сильная (partes forte uberes pietalis). Мы будемъ разсуждать за васъ, а вы молитесь за насъ, при этомъ поддерживайте свои молитвы, какъ мы и раньше увѣщевали васъ о томъ, постомъ и милостыней. Прибавьте къ нимъ (молитвамъ), крылья, коими поднимаются онѣ къ Богу. Такъ поступая, будете, быть можетъ, вы даже болѣе полезны намъ, чѣмъ мы вамъ. Вѣдь, никто изъ насъ въ этомъ предстоящемъ собесѣдованіи [2]) не надѣется на свои силы. На Бога вся надежда наша. Не лучше же мы апостола, который проситъ молиться за него. «Молитесь, говоритъ онъ, о мнѣ, дабы мнѣ дано было слово» (Ефес. VI, 19). Итакъ, просите за насъ Того, въ Комъ мы полагаемъ надежду нашу, чтобы и вамъ порадоваться о бесѣдѣ нашей. Помните это, братія, умоляемъ васъ. Именемъ Самого Господа, Виновника, Насадителя и Покровителя мира, просимъ, чтобы вы молились Ему въ мирѣ, мирно просили Его. Помните, что вы—дѣти Того, Кто сказалъ: «блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими» (Матѳ. V, 9).

---

[1]) Марцеллина, представителя на соборѣ императора Говорія.
[2]) Т. е. въ собесѣдованіи съ донатистами.

Бесѣда 19-я [1]).

О единеніи между братіями и любви между ближними (Сир. XXV, 2). О враждѣ и мирѣ съ донатистами—(De lite et concordia cum donatistis).

1. Первое чтеніе Божественныхъ словъ изъ книги, которая называется «Проповѣдникъ» (Ecclesiasticus) [2]), указываетъ три нѣкоторыя достойныя вниманія превосходства: любовь между братьями, любовь между ближними и мужа и жену, въ согласіи живущихъ. Блага эти, конечно, пріятны и похвальны и въ человѣческихъ дѣлахъ, но гораздо болѣе похвальны они въ дѣлахъ Божественныхъ. Потому что кто не радуется согласію между братіями? Но о томъ нужно скорбѣть, что это столь великое качество рѣдко наблюдается у людей. Всѣ его хвалятъ, но весьма немногіе обладаютъ имъ. Счастливы, которые въ себѣ самихъ имѣютъ то, что вынуждаются хвалить даже въ другихъ. Всѣ хвалятъ въ согласіи живущихъ братьевъ. Да и почему трудно жить братіямъ въ согласіи? Потому что препираются о землѣ и хотятъ быть землею. Еще отъ начала сказано было человѣку—грѣшнику: «земля еси и въ землю отыдеши» (Быт. III, 19). Отсюда же мы можемъ заключить и о словахъ, которыя долженъ услышать праведникъ. Если справедливо грѣш-

[1]) По общему счету 359-я.
[2]) Такъ называется здѣсь книга Прем. Іисуса, Сына Сирахова.

нику сказано: «земля ты и въ землю возвратишься»,—то справедливо и праведнику говорится: небо ты и на небо возвратишься. И развѣ праведники не суть небеса, когда объ апостолахъ весьма ясно сказано: «небеса проповѣдаютъ славу Божію?» А что именно о нихъ сказано здѣсь, въ этомъ убѣждаютъ достаточно насъ послѣдующія слова: «и о дѣлахъ рукъ Его возвѣщаетъ твердь». Кого назвалъ псалмопѣвецъ небесами, тѣхъ назвалъ и твердью. «День дню передаетъ рѣчь, ночь ночи открываетъ знаніе. Нѣтъ языка, и нѣтъ нарѣчія, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ». Чей голосъ? Конечно, голосъ небесъ. Слѣдовательно, это сказано объ апостолахъ, сказано о провозвѣстникахъ истины. Отсюда понятно и дальнѣйшее: «по всей землѣ проходитъ звукъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ» (Пс. XVIII, 2—5). «Нѣтъ языка, и нѣтъ нарѣчія, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ»—(ст. 4). Когда сошелъ на апостоловъ Духъ Святый, и Богъ сталъ обитать въ небѣ, которое создалъ изъ земли, они, по дѣйствію Духа Святаго, стали говорить языками всѣхъ народовъ. Поэтому сказано: «нѣтъ языка, и нѣтъ нарѣчія, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ». И такъ какъ послѣ того они посланы были для проповѣди Евангелія ко всѣмъ народамъ, то «по всей землѣ проходитъ звукъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ». Чьи слова? Слова небесъ, о коихъ справедливо можно сказать: «небеса вы и на небеса возвратитесь»,—какъ справедливо говорится и грѣшнику: «земля ты и въ землю возвратишься».

2. Итакъ, если братія желаютъ быть въ согласіи между собой, пусть не привязываются къ землѣ. И если не хотятъ привязываться къ землѣ, пусть не уподобляются ей. Пусть ищутъ владѣнія, котораго нельзя раздѣлить, и тогда будутъ въ согласіи между собой. Откуда между братьями раздоры? Откуда ослабленіе благочестія? Откуда одно чрево, а не одинъ духъ, если не отъ того, что въ то время, какъ душа ихъ портится, всякій заботится о своей части, старается объ увеличеніи и умноженіи своей доли и хочетъ одинъ имуществомъ владѣть, если у кого начинается раздѣленіе съ братомъ? Чье это столь хорошее владѣніе?—спрашиваютъ иногда. Наше,—отвѣчаютъ другіе. Какое прекрасное владѣніе! Но все ли оно твое, братъ? Нѣтъ, есть у меня товарищъ; быть можетъ, Богъ дастъ, онъ продастъ мнѣ часть

свою. Дай, Богъ!—отвѣчаетъ на это льстецъ. Но чего дай, Богъ!? Чтобы одинъ человѣкъ оказался въ стѣсненномъ положеніи и продалъ свою часть другому. Но пусть сдѣлаетъ это Богъ, пусть сдѣлаетъ для тебя. «Ибо нечестивый хвалится похотью души своей; корыстолюбецъ ублажаетъ себя» (Псал. IX, 24). Однако, что можетъ быть хуже того, когда одинъ обогащается на счетъ бѣдности другого? И все-таки часто встрѣчается это. Спокойнымъ чувствуетъ себя корыстолюбецъ. Можетъ быть, онъ употребилъ насиліе; можетъ быть, стѣснилъ другого и вынудилъ у него; можетъ быть, мучилъ и вымучилъ и не у кого-нибудь, а у своего брата. Лучше, говоришь ты, все же мнѣ купить, чѣмъ стороннему.—Но подвергшійся стѣсненію, если онъ благочестивъ, имѣетъ утѣшеніе. Пусть утѣшается словами Писанія, которыя только что слышали вы. Пусть онъ терпитъ нужду, а братъ его имѣетъ обиліе во всемъ. Но послѣдній изобилуетъ прахомъ, будучи чуждъ праведности. Помни же то, что говорится бѣдному: «не бойся, когда богатѣетъ человѣкъ, когда слава дома его умножается, ибо, умирая, не возьметъ ничего» (Псал. XLVIII, 17, 18). Старайся, бѣднякъ, пріобрѣтать то, что не теряешь, умирая, и что обрѣтешь, живя въ вѣчности. Старайся имѣть праведность и не раскаешься. О томъ ли печалишься ты, что остаешься бѣднымъ здѣсь, на землѣ? Но бѣднымъ былъ здѣсь и Тотъ, Кто создалъ землю. Утѣшаетъ тебя Господь Богъ твой, утѣшаетъ Творецъ твой, утѣшаетъ твой Искупитель. Доставляетъ тебѣ утѣшеніе не алчущій братъ твой, потому что Господь благоволилъ быть братомъ нашимъ. Одинъ Онъ только и есть самый надежный Братъ нашъ, съ Коимъ слѣдуетъ быть намъ въ согласіи. Назвалъ я Его неалчущимъ. Но, можетъ быть, и Его найду алчущимъ. Алкаетъ Онъ, правда, но насъ хочетъ имѣть, насъ хочетъ обрѣсти. За насъ уплатилъ Онъ великую цѣну—Себя Самого. Къ этой цѣнѣ нельзя прибавить ничего. Отдалъ Онъ Себя Самого и сдѣлался Искупителемъ нашимъ. И не такъ отдалъ Себя цѣною за насъ, чтобы врагъ, освободивъ насъ, владѣлъ вмѣсто этого Имъ Самимъ. Отдалъ Онъ Себя смерти, убивая смерть. Смертію Своею именно Онъ убилъ смерть, Самъ не будучи уничтоженъ ею, и, уничтоживъ смерть, избавилъ насъ отъ смерти. Живетъ смерть, когда мы уми-

раемъ; умретъ она, когда мы оживемъ, когда ей будетъ сказано: «Смерть! гдѣ твое жало». (1 Коринѳ. XV, 55)?

3. И вотъ къ этому-то Брату нашему обратился нѣкто противъ брата своего, съ коимъ не было у него согласія, и сказалъ: «Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство» (Лук. XII, 13 ст.). Все отнялъ онъ, не хочетъ уступить мнѣ даже и части, не слушаетъ меня, пусть послушаетъ Тебя. Но что до этого Господу? что говоримъ обыкновенно мы, находясь въ этой жизни, будучи сами земными, по землѣ пресмыкающимися, помышляя о земномъ, не желая кого-либо опечалить,—говоримъ мы, причиняя тѣмъ по бо́льшей части еще бо́льшую печаль? Поди, братъ, и отдай брату своему часть его. Но не это сказалъ Господь. А что правдивѣе Его? Кто найдетъ такого судью, къ которому бы можно было обратиться противъ алчности брата своего? И развѣ не радовался человѣкъ тотъ, что нашелъ великое утѣшеніе? Великой помощи, безъ сомнѣнія, ждалъ онъ, взывая къ столь великому Судіи: «Господи! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство». Что же Онъ отвѣтилъ ему? «Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?» Отклонилъ Господь просьбу, не исполнилъ того, чего просили у Него, не оказалъ желательной для того помощи. Что было особеннаго тамъ? Что терялъ Онъ (Господь) отъ того? И какимъ трудомъ было бы для Него оказать это благодѣяніе? Однакоже, Господь не оказалъ его. Гдѣ же то, о чемъ Самъ Онъ говоритъ: «всякому, просящему у тебя давай» (Лук. VI, 30). Не сдѣлалъ этого однакоже Самъ Тотъ, Кто далъ намъ примѣръ жизни. Какъ же мы будемъ дѣлать то? Или какъ будемъ давать, когда несемъ нѣкоторый расходъ, если не оказываемъ благодѣянія тамъ, гдѣ нѣтъ никакого расхода, гдѣ ничего мы не платимъ, ничего не теряемъ? Не исполнилъ Господь той просьбы и однако Онъ не ничего не сдѣлалъ. Въ меньшемъ отказалъ Онъ и большее далъ. Сказалъ Онъ ясно: «всякому, просящему у тебя давай». Что же, если кто-нибудь станетъ просить у тебя, не говорю того, что не полезно давать, но что преступно давать? Что, если какой-либо мужчина станетъ искать того, чего искали лжесвидѣтели отъ Сусанны? Что, если какая-либо женщина станетъ просить, чего женщина просила у Іосифа? Нужно ли слѣдовать и здѣсь этому

повелѣнію, какъ руководственному: «всякому, просящему у тебя давай?» Да не будетъ этого. Станешь ли ты поступать въ этомъ случаѣ вопреки заповѣди Божіей? Скорѣе будемъ исполнять мы заповѣдь Господа въ томъ случаѣ, когда просящему злого не будемъ давать; при этомъ, мы не нарушаемъ и повелѣнія того, потому что сказано: «всякому, просящему у тебя давай». Не сказано: все просящему у тебя давай, но: «всякому, просящему у тебя давай», давай вообще; давай, хотя бы и не то, что проситъ онъ. Проситъ дурного, ты давай доброе. Такъ поступилъ Іосифъ. Не далъ онъ того, чего просила безстыдная жена, и далъ то, что она должна была выслушать, чтобы не быть безстыдной. Не палъ онъ въ яму похоти и другому человѣку далъ совѣтъ цѣломудрія. «Да не будетъ, отвѣчалъ онъ, чтобы я сдѣлалъ это для господина моего, и чтобы осквернилъ ложе того, кто все ввѣрилъ мнѣ въ домѣ своемъ» (Быт. XXXIX). Если рабъ, за деньги купленный, оказалъ такую вѣрность господину своему, то какую же вѣрность должна оказывать жена въ отношеніи къ мужу? Въ этомъ именно и состояло наставленіе Іосифа: я, какъ бы говорилъ онъ, рабъ, не сдѣлаю этого господину моему, а ты ли, жена, сдѣлаешь это предъ мужемъ своимъ?! Дала и Сусанна просящимъ, и она не оставила безъ наставленія лжесвидѣтелей, если бы они пожелали только принять данный имъ совѣтъ цѣломудрія. Не только не согласилась она, но и не умолчала о томъ, почему не согласилась. Если соглашусь съ вами, разсуждала она, то согрѣшу предъ Богомъ. Если не соглашусь, не избѣгну рукъ вашихъ. Но лучше впасть въ руки ваши, нежели согрѣшить предъ Богомъ (Дан. XIII). Что же,— лучше ли впасть въ руки ваши, нежели согрѣшить предъ Богомъ? Грѣшите предъ Богомъ и вы (Deo peristis), желая совершить насиліе надо мной.—Вотъ это правило имѣйте, братія, всегда передъ собой. Давайте, когда просятъ у васъ, хотя бы и не то, что просятъ. Такъ поступилъ Господь. Просилъ человѣкъ тотъ о чемъ? О раздѣленіи наслѣдства. Далъ Господь, но что далъ? Осужденіе страсти. О чемъ просилъ и что получилъ? «Скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мной наслѣдство». Господь же сказалъ: «кто поставилъ меня судить или дѣлить васъ?.. Смотрите, берегитесь любостяжанія». И скажу, почему такъ. Быть можетъ, просишь ты половину наслѣд-

ства для того, чтобы быть богатымъ. «У одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай». Великій успѣхъ ожидался. Много хлѣба было на полѣ. И онъ разсуждалъ самъ съ собою: «что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ своихъ». И тщательно обдумавъ, сказалъ: «вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю бо́льшія и соберу туда весь хлѣбъ мой». Бо́льшія сдѣлаю житницы, чѣмъ старыя были. «И скажу душѣ моей: душа! много добра у тебя... ѣшь... веселись». И говоритъ ему Богъ: «безумный ты, который кажешься себѣ столь благоразумнымъ! Знаешь ты, какъ сломать старыя житницы и построить новыя, а самъ остаешься развалиной, ты, коему слѣдовало уничтожить ветхое въ себѣ самомъ и уже не мыслить о земномъ. Безумный! что сказалъ ты и кому сказалъ? душѣ своей сказалъ: веселись, много добра у тебя. Но въ эту же ночь возьмутъ у тебя душу твою, коей ты обѣщалъ все это. «Кому же достанется, что ты заготовилъ» (Лук. XII, 13—20)? Итакъ, «не бойся, когда богатѣетъ человѣкъ... ибо, умирая, не возьметъ ничего» (Псал. XLVIII, 17—18).

4. Вотъ какое наставленіе преподалъ Господь несогласнымъ братьямъ, чтобы вслѣдствіе этого были они въ согласіи между собой, чтобы старались освободиться отъ любостяжанія и исполнялись истиной. Будемъ же заботиться о такомъ наслѣдіи. Но сколь долго еще говорить намъ объ этомъ согласіи между земными братьями, которое бываетъ такъ рѣдко, такъ непрочно, такъ трудно достижимо? Скажемъ о томъ согласіи, которое только должно быть и можетъ быть истиннымъ согласіемъ. Братіями намъ пусть будутъ всѣ христіане, всѣ вѣрующіе, рожденные отъ Бога и изъ чрева Матери—Церкви чрезъ Духа Святаго; пусть они будутъ братьями, пусть владѣютъ наслѣдствомъ, раздаваемымъ и не раздѣляемымъ. Наслѣдство это есть Самъ Богъ, Коего наслѣдіемъ сами они являются, и Онъ взаимно является ихъ наслѣдіемъ. Какимъ образомъ они являются Его наслѣдіемъ? «Проси у Меня, и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ» (Псал. II, 8), и еще: «Господь есть часть наслѣдія моего и чаши моей» (Псал. XV, 5). Въ этомъ наслѣдіи соблюдается согласіе, о немъ не препираются. Иное наслѣдство пріобрѣтается тяжбою; это наслѣдство вслѣдствіе тяжбы теряется. Поэтому и люди, не желающіе лишиться его, стараются избѣгать распри. И когда кажется, быть можетъ, что они во враждѣ, однакоже, не враждуютъ. Но, можетъ быть, кажется иногда, что они враждуютъ или думаютъ о нихъ, что враждуютъ, когда хотятъ выразить попеченіе о братіяхъ. Видите, какъ участлива тяжба ихъ, какъ мирна, какъ доброжелательна, какъ справедлива, какъ достойна уваженія. Вотъ, и мы, кажется, что препираемся съ донатистами, но не враждуемъ. Тотъ враждуетъ, кто зла желаетъ противнику своему. Тотъ ссорится, кто хочетъ, чтобы противникъ его потерпѣлъ какой-либо вредъ, а себѣ ищетъ выгоды, старается у того отнять, а себѣ взять. Не такъ поступаемъ мы. Это извѣстно вамъ, извѣстно вамъ, препирающимся, извѣстно и вамъ, оставившимъ раздѣленіе. Знаете вы, что эта тяжба не есть тяжба зложелательная, что она не направляется ко вреду противника, а скорѣе—къ его выгодѣ. Хотѣли мы лишь тѣхъ, съ кѣмъ казались тяжущимися или теперь еще кажемся, привлечь къ общенію съ нами, а не заставлять ихъ искать насъ самихъ. И слова у насъ другія, а не тѣ, которыя слышались изъ устъ человѣка, обращавшагося ко Христу, когда Онъ былъ на землѣ, съ просьбой о раздѣленіи имущества съ братомъ. Мы также обращаемся съ просьбой къ Нему, пребывающему на небѣ, но не говоримъ: «скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство», а наоборотъ: «скажи брату моему, чтобы онъ владѣлъ со мною наслѣдствомъ».

5. Что мы хотимъ этого, о томъ говорятъ и открытыя дѣла наши. Что этого хотѣли мы, возвѣщаютъ о томъ не только наши слова, но и наши, предназначенныя для нихъ (донатистовъ) сочиненія (litterae). Нравится вамъ епископствованіе? Владѣйте имъ съ нами. Ничего мы въ васъ не ненавидимъ, ничего не безчестимъ, ничего не оскверняемъ, ничего не анаѳематствуемъ, кромѣ заблужденія человѣческаго. Отвергаемъ заблужденіе людское, не божественную истину. Что имѣете вы отъ Бога, это мы признаемъ, а что своего имѣете непохвальнаго, это мы исправляемъ. Знакъ Господа моего, печать моего Повелителя, черты Царя моего узнаю я и въ томъ, кто покидаетъ меня. Ищу, нахожу, стараюсь приблизить, подхожу, беру, веду, исправляю бѣглеца, но не искажаю его образа. Если кто думаетъ усмотрѣть и найти такого, это не значитъ враждовать, а—любить. Мы уже говорили, что можно въ одной церкви ради мира сохранить согласіе

между братіями. Великое это дѣло—согласіе между братіями. Пусть не можетъ быть двухъ епископовъ. Но мы сказали уже, чтобы вмѣстѣ возсѣдали они въ базиликѣ: одинъ на каѳедрѣ, другой, какъ пришлецъ. Тотъ на каѳедрѣ христіанской, этотъ—на другой (haeretica), но чтобы сидѣлъ возлѣ, какъ товарищъ его. Такъ же точно тотъ пусть предсѣдательствуетъ въ своемъ собраніи, а этотъ—въ своемъ. Мы говоримъ имъ, что покаяніе во отпущеніе грѣховъ проповѣдано апостолами всѣмъ народамъ, начиная отъ Іерусалима. Что же отвѣтите вы той церкви, которая основана апостолами среди всѣхъ народовъ, начиная отъ Іерусалима? Мы говорили далѣе: предположимъ, что Цециліанъ совершилъ дурное дѣло. Но неужели одинъ человѣкъ, поступающій дурно, или два, или пять, или десять могутъ чернить столько тысячъ вѣрующихъ, въ несмѣтномъ количествѣ живущихъ по всему лицу земли? Говорили мы также: повѣрилъ Авраамъ, и обѣщаны были ему всѣ племена. Согрѣшилъ Цециліанъ, и неужели погибли всѣ народы, такъ что слѣдовательно сдѣланное нечестіемъ оказалось бо́льшимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что обѣщано истиною? Сказано было это и читано (legitur). Противъ такихъ заимствованныхъ изъ божественныхъ книгъ примѣровъ и свидѣтельствъ, указывающихъ на церковь, распространенную по всему кругу земли, единство какой церкви именемъ Господа содержимъ мы, они (донатисты) рѣшительно ничего не могли отвѣтить.

6. Итакъ, дѣло церкви признано правымъ, утвержденнымъ, упроченнымъ и укрѣпленнымъ какъ бы на каменномъ фундаментѣ, коего и врата ада не могутъ одолѣть. Далѣе, мы перешли къ дѣлу Цециліана, уже спокойные за него, что бы онъ ни сдѣлалъ. Потому что возможно ли, чтобы, пусть онъ даже, какъ человѣкъ, окажется виновнымъ въ чемъ-нибудь, изъ-за вины одного человѣка мы подверглись осужденію или были перекрещены? И мы сказали: дѣло церкви правое, и грѣхъ Цециліана нисколько не вредитъ ей. Ни праведность Цециліана не дѣлаетъ церковь болѣе славной, ни преступленіе его не дѣлаетъ ея достойной порицанія. Но посмотримъ, каково и самое дѣло его. Мы захотѣли изслѣдовать безпристрастно, какъ дѣло брата, а не какъ дѣло отца или матери. Отецъ нашъ—Богъ; мать наша—церковь. Цециліанъ же былъ и есть братъ нашъ. Если добрый, то

добрый братъ; если дурной братъ, но все-таки братъ. Если найдемъ мы его невиннымъ, то гдѣ будете вы, явившіеся безсильными и въ самой клеветѣ человѣческой? Если же окажется виновнымъ, подлежащимъ суду, то и въ этомъ случаѣ мы не такъ ужъ много теряемъ, потому что сохраняемъ единство церкви, которая непобѣдима. Пусть окажется вовсе виновнымъ, человѣка я буду анаѳематствовать, а церкви Христовой не покину. Такъ и поступимъ мы. Кромѣ того, мы не будемъ считать его принадлежащимъ къ клиру, среди епископовъ, которыхъ считаемъ вѣрными и невинными. Такъ мы и сдѣлаемъ. Неужели же изъ-за Цециліана вы всѣхъ будете перекрещивать? Когда все это было высказано и признано, начало выясняться и дѣло Цециліана. Онъ оказался невиннымъ, оказался оклеветаннымъ. Одинъ разъ осужденъ онъ заочно и трижды оправданъ. Осужденъ партіей, оправданъ со стороны церковной истины. Прочитано все это было и одобрено. Затѣмъ спрашивали, не имѣетъ ли кто возразить противъ того. Послѣ этого исчерпаны были всякія средства клеветы и, когда уже ничего не могли представить они противъ очевидныхъ доказательствъ и противъ невинности Цециліана, произнесенъ былъ судъ надъ ними. И все-таки говорятъ они: мы побѣдили. Пусть побѣждаютъ, но себя, такъ, чтобы быть во владѣніи Христовомъ. Пусть побѣждаетъ ихъ Тотъ, Кто искупилъ ихъ.

7. И все-таки мы за многихъ радуемся. Многіе изъ нихъ спасительно признали себя побѣжденными, потому что не были побѣждены. Побѣждено заблужденіе человѣческое, человѣкъ же остался цѣлымъ. Вѣдь, врачъ не споритъ съ больнымъ. И если больной имѣетъ дѣло со врачемъ, болѣзнь побѣждается, и больной выздоравливаетъ. О томъ старается врачъ, чтобы побѣдить; этого же хочетъ и болѣзнь,—чтобы побѣдить. Если побѣдитъ врачъ, больной выздоравливаетъ; если побѣждаетъ болѣзнь, больной умираетъ. Такъ и въ нашемъ состязаніи боролся врачъ за спасеніе больного, а больной ратовалъ за болѣзнь. Кто обратилъ вниманіе на совѣтъ врача, тотъ побѣдилъ, одолѣлъ болѣзнь. Видимъ мы ихъ здоровыми и радующимися съ нами въ церкви. Поносили насъ они прежде, такъ какъ не считали насъ за братьевъ. Болѣзнь затемняла мысль ихъ. Мы же любимъ ихъ и въ то время, когда они поносятъ насъ и ожесточаются, и ста-

рались служить злобствующимъ противъ насъ больнымъ. Сопротивлялись мы, спорили и, какъ бы, ссорились, и однако любили. Докучливо непріятны всѣ старающіеся служить такимъ больнымъ, но непріятны во спасеніе.

8. Приходится также встрѣчать иногда людей, лѣниво говорящихъ: правда это, владыка (domine), правда. Нечего возразить. Но отецъ мой умеръ тамъ, (т.-е. въ общинѣ донатистовъ), мать моя тамъ погребена. Вотъ, на мертваго указываешь ты и на погребеннаго. Но ты, вѣдь, живъ еще и есть съ кѣмъ поговорить тебѣ. Родители твои были христіане изъ партіи Доната; ихъ родители, быть можетъ, тоже были христіанами, а дѣды или прадѣды были, конечно, язычниками. И вотъ, первые, сдѣлавшіеся христіанами, развѣ были равнодушны къ истинѣ, когда оставили родителей своихъ—язычниковъ? Развѣ слѣдовали они авторитету умершихъ родителей и не предпочитали умершимъ родителямъ живого Христа? Итакъ, если здѣсь истинное единство, внѣ коего ты неизбѣжно подвергаешься вѣчной смерти, то почему хочешь ты слѣдовать мертвымъ родителямъ твоимъ, мертвымъ для тебя и для Бога? Что скажешь? — отвѣчай. — Правду говоришь ты, нечего сказать тебѣ. Но что же дѣлать? И вотъ вялость какая-то овладѣваетъ такими людьми. Одержимы они, какъ бы, летаргіей, страдаютъ непріятной болѣзнью, готовые умереть въ своемъ снѣ. Другіе оказываются, наоборотъ, слишкомъ изувѣрны (phrenetici) и опасны (molesti). Одержимый сонною болѣзнью, хотя ему и угрожаетъ смерть, не бываетъ, однако, опасенъ для того, кто служитъ ему. Изувѣры же опасны; потерявъ здравый смыслъ, они, бѣшеные и неистовые, всюду ходятъ съ оружіемъ, ища, кого бы убить, кого бы ослѣпить. Мы услыхали, что одному пресвитеру вашему они вырѣзали языкъ. Таковы изувѣры. Но нужно испытывать свою любовь, и ихъ должно любить. Многіе изъ нихъ, будучи вразумлены, проливали слезы. Многіе исправились. Мы знаемъ, къ намъ приходили такіе изъ числа самыхъ неистовыхъ. Ежедневно оплакивали они свое прошлое, не могутъ сдержать слезъ, смотря на ярость тѣхъ, которые, не пришедши въ себя отъ угара безумія, продолжаютъ еще свирѣпствовать. Итакъ, какъ же поступать намъ? Любовь заставляетъ помогать и такимъ.

Хотя и непріятны мы для тѣхъ и другихъ, пробуждая охваченнаго сонною болѣзнью и сдерживая безумца, однако, мы любимъ обоихъ.

9. Впрочемъ, хотя доброе дѣло—согласіе братьевъ между собой, но смотрите гдѣ: во Христѣ, у христіанъ. Также и любовь между ближними. Что же, если кто-нибудь не является еще братомъ для тебя во Христѣ? Однако, онъ—человѣкъ и твой ближній. Люби поэтому и его, чтобы и его пріобрѣсти. Такимъ образомъ, живя въ согласіи съ братомъ-христіаниномъ, ты долженъ любить и ближняго, съ коимъ у тебя еще нѣтъ согласія, потому что онъ еще не является братомъ твоимъ во Христѣ, потому что еще не возрожденъ во Христѣ, еще не позналъ таинъ Христовыхъ; пусть онъ язычникъ пока, пусть іудей, все же ближній твой, потому что человѣкъ. Если любишь и его, то ты достигаешь этимъ самымъ другой любви и въ тебѣ уже два дара: согласіе между братьями и любовь къ ближнимъ. Изъ всѣхъ такихъ, живущихъ въ единомысліи съ братьями и любящихъ ближняго, и состоитъ церковь, обрученная Христу, покорная мужу, чтобы получилось и третье, о чемъ говорится въ Писаніи (Сир. XXV, 2), именно: «жена и мужъ, согласно живущіе между собою». Поэтому убѣждаемъ любовь вашу и увѣщеваемъ васъ въ Господѣ, презирайте настоящее, братія мои, чего вы, умирая, не можете взять съ собою. Берегитесь грѣха, остерегайтесь неправды, избѣгайте нечистыхъ страстей. Тогда будетъ и плодъ нашъ невредимъ въ насъ и полная радостей награда наша у Господа.

Вѣдь, если и говоримъ мы вамъ, что должно говорить, если и проповѣдуемъ, что должно проповѣдывать, и стараемся быть чистыми предъ лицемъ Божіимъ, не умалчивая о томъ, чего боимся, не умалчивая о томъ, чего любимъ, такъ—чтобы, если на кого придетъ мечъ наказанія Божія, не нашелъ онъ, что поставить въ вину руководителю, однако, не хотимъ мы награды себѣ безъ васъ, но только съ вами. Вѣдь, и апостолъ Павелъ былъ увѣренъ въ своей наградѣ, и, однако, что говоритъ? «Ибо теперь мы живы, когда вы стоите въ Господѣ» (1-е Ѳессалон. III, 8). Говорю я вамъ и любви вашей по повелѣнію Господа, отцы и братія. Говорю за брата моего епископа вашего, радостью для коего должны быть вы, если будете повиноваться Господу Богу нашему.

Вотъ во имя Господа стараніемъ его сдѣлана вамъ эта церковь на благочестивыя, щедрыя, благоговѣйныя приношенія вѣрующихъ братьевъ. Сдѣлана для васъ эта церковь, но сами вы составляете еще бо́льшую церковь (sed vos magis estis Ecclesia). Сдѣлана вамъ церковь, куда входятъ тѣла́ ваши; но мысли ваши должны быть обращены туда, куда входитъ Богъ. Вы почтили епископа вашего, пожелавъ назвать базилику эту Флорентіей [1]); но вы—слава (florentia) его; такъ и апостолъ говоритъ къ Филиппійцамъ, что они радость и вѣнецъ его въ Господѣ (Филипп. IV, 1). Все, что ни случается въ этомъ мірѣ, исчезаетъ, переходитъ. Что жизнь настоящая, какъ не то, что сказалъ псалмопѣвецъ: «какъ трава, которая утромъ цвѣтетъ, вечеромъ подсѣкается и засыхаетъ» (Псал. LXXXIX, 6)? Такова всякая плоть. Потому и Христосъ явился, потому и новая жизнь, потому надежда вѣчная, потому утѣшеніе безсмертія обѣщано намъ и въ плоти Христа уже показано. Отъ насъ принята плоть Христова, которая уже безсмертна, и намъ указалъ Онъ то, что въ Себѣ исполнилъ. Для насъ Онъ принялъ тѣло. Вѣдь, для Себя «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ» (Іоанн. I, 1). Ищи здѣсь плоти и крови: гдѣ она въ Словѣ? Но такъ какъ истинно захотѣлъ спострадать намъ и избавить насъ, принялъ на Себя образъ раба и сошелъ сюда Тотъ, Кто былъ здѣсь, чтобы явился Тотъ, Кого не было. Захотѣлъ стать человѣкомъ создавшій человѣка, родиться отъ матери создавшій мать. Восшелъ Онъ даже на крестъ, умеръ и показалъ намъ то, что и мы знали: рожденіе и смерть. Въ Себѣ пережилъ Онъ эти исконныя, обычныя для насъ явленія. Рожденіе и смерть мы знали, воскресенія и жизни вѣчной не знали. Первыя два: рожденіе и смерть Онъ смиренно принялъ на Себя, другія два великія и новыя явленія показалъ Онъ, будучи прославленъ. Воскресъ Онъ плотію, вознесся, возсѣлъ «одесную Отца». Главою нашею благоволилъ быть Онъ и молился за Свои члены, потому что, когда былъ здѣсь, говорилъ: «Отче!.. хочу,

[1]) По имени епископа Флоренція, служившаго, какъ полагаютъ, въ Иппонѣ—Діарритскомъ.

чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною» (Іоанн. XVII, 24). Будемъ ожидать того же и для плоти нашей: воскресенія, прославленія, нетлѣнія, безсмертія, вѣчнаго покоя. Будемъ стараться, чтобы и достигнуть этого. То будетъ слава (florentia), истинная слава.

Бесѣда 20-я [1]).

Объ одномъ донатистѣ, обратившемся къ Церкви.

Произнесена за бдѣніемъ въ память Максиміана (ad vigilias Maximiam) [2]).

Благодареніе Богу! братія. Порадуйтесь за брата вашего, который былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся. Слава терпѣнію и милосердію Господа Бога нашего; терпѣнію, потому что терпѣлъ Онъ упорствующаго; милосердію, потому что благоволилъ принять обращающагося. Это виноградникъ, гдѣ я не трудился; въ другомъ тратилъ я силы свои. О, виноградникъ, возлюбленный Господомъ моимъ! не только нисколько не былъ полезенъ я тебѣ, но даже противъ тебя служилъ врагу твоему. Съ большимъ рвеніемъ расточалъ я, когда не собиралъ для тебя. Слава насадителю твоему, у коего не остается плата работниковъ, призванныхъ даже въ позднѣйшій часъ. Поздно прихожу я, но не отчаяваюсь въ полученіи динарія (Матѳ. XX, 9). Я былъ прежде хулителемъ, гонителемъ и обидчикомъ тебя, но помилованъ, потому что дѣлалъ это по невѣдѣнію (1-е къ Тимоѳ. I, 13). Хранилъ я слова родителей моихъ, не патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, но родителей плоти моей. Но не пошелъ я до конца за плотью и кровью, послѣдовалъ за истиной, будучи побѣжденъ ею, и успокоился теперь, возвратившись къ единству. Развѣ не читалъ я того же Писанія, что и теперь читаю? Но такъ же точно и тотъ учитель языковъ, сосудъ избранный, изъ Савла ставшій Павломъ, изъ высокомѣрнаго смиреннымъ, изъ губителя пастыремъ, изъ волка агнцемъ, еврей отъ евреевъ, по ученію фарисей (Филипп. III, 5), воспитанный у ногъ Гамаліила (Дѣян. XXII, 3), не зналъ сначала о Христѣ, что Онъ возсѣдаетъ на небесахъ и не позволялъ чтить Его на землѣ. Не вѣдая, воспѣвалъ устами вѣру въ Него, въ Его страданія и воскресеніе [1]) и, неистовствуя въ заблужденіи, производилъ опустошенія. Согласно пророчествамъ, въ которыхъ съ малыхъ лѣтъ былъ онъ (Савлъ) воспитанъ, Христосъ уже, возставъ изъ мертвыхъ, сидѣлъ одесную Бога (in coelo), а онъ все еще ослѣпленъ былъ ложью своихъ родителей, что ученики украли Его изъ гроба. Такъ и я блуждалъ кругомъ около церкви каѳолической, распространенной всюду по землѣ, по слову Божественнаго Писанія, и меня дѣлали глухимъ къ Нему отъ родителей перешедшіе ложные слухи о предателяхъ. Я сравниваю себя съ Павломъ не по заслугамъ, а по грѣхамъ. Вѣдь, хотя я и не заслужилъ быть столь великимъ, однако, до своего обращенія не былъ и столь злымъ. Онъ не узнавалъ жениха изъ книгъ, которыя читалъ; я не узнавалъ невѣсты. Кто открылъ ему о прославленіи Христа въ словахъ: «будь превознесенъ выше небесъ, Боже», тотъ же открылъ мнѣ о распространеніи Церкви въ словахъ, которыя слѣдуютъ дальше: «надъ всею землею слава Твоя» (Псал. CVII, 6). То и другое свидѣтельство ясно для видящихъ, но сокрыто отъ слѣпыхъ. Тому отверзло глаза крещеніе во Христа, а мнѣ миръ Христовъ. Того баня святой воды содѣлала новымъ, а мнѣ любовь покрыла множество грѣховъ моихъ.

---

[1]) По общему счету 360-я.

[2]) Вѣроятно, одного изъ мучениковъ африканскихъ. Бесѣда произносится какъ бы отъ лица обратившагося.

[1]) Т. е. признавалъ и читалъ ветхозавѣтныя пророчества, въ коихъ говорилось о страданіяхъ и воскресеніи Іисуса Христа.

Бесѣда 21-я [1]).

О воскресеніи мертвыхъ.

1. Замѣтили мы, братія, во время апостольскаго чтенія похвальное движеніе вѣры и любви вашей, замѣтили, какъ гнушаетесь вы людей, которые думаютъ, что есть только одна настоящая жизнь, общая у насъ со скотами, что со смертію все оканчивается, и нѣтъ для насъ никакой надежды на другую, лучшую жизнь, которые, распространяя дурные слухи (pruritum malarum aurium corrumpentes), говорятъ: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ» (1-е Коринѳ. XV, 32). Вотъ съ этого-то и начнемъ бесѣду нашу. Это пусть будетъ какъ бы центромъ нашей рѣчи, около коего будетъ вращаться все остальное, что Господь благоволитъ даровать намъ.

2. Воскресеніе мертвыхъ составляетъ предметъ упованія нашего. Воскресеніе мертвыхъ составляетъ предметъ вѣры нашей. Оно есть и предметъ любви нашей, которая возбуждается предуказаніемъ вещей невидимыхъ и стремленіемъ къ нимъ, вслѣдствіе чего сердца́ наши дѣлаются способными къ блаженству, которое обѣщается въ будущемъ, пока же служитъ предметомъ вѣры, такъ какъ оно невидимо. Поэтому самая любовь наша не должна направляться на это видимое и временное; нельзя думать, что въ воскресеніи мы будемъ имѣть нѣчто подобное тому, что теперь имѣемъ, хотя бы мы и не придавали значенія благамъ настоящей

[1]) По общему счету 361-я.

жизни, хотя бы мы жили хорошо и сами были хороши, не будемъ имѣть мы тамъ плотскихъ удовольствій и утѣшеній. Безъ сомнѣнія, съ уничтоженіемъ вѣры въ воскресеніе мертвыхъ падаетъ все ученіе христіанское. Однако, и съ признаніемъ вѣры въ воскресеніе мертвыхъ можно оставаться спокойнымъ за духъ христіанина лишь въ томъ случаѣ, если признавать, что будущая жизнь та отлична отъ жизни настоящей, преходящей. Поэтому если не воскреснутъ мертвые, то нѣтъ для насъ никакой надежды на жизнь будущую. Если же воскреснутъ, будетъ, слѣдовательно, и жизнь загробная. Но возникаетъ другой вопросъ: какая будетъ эта жизнь? Отсюда первое разсужденіе наше посвящено будетъ вопросу о томъ, будетъ ли воскресеніе мертвыхъ, во второмъ мы разсмотримъ, какова будетъ жизнь святыхъ въ воскресеніи.

3. Итакъ, кто говоритъ, что мертвые не воскреснутъ, тотъ не христіанинъ. Тѣ же, которые думаютъ, что мертвые, когда воскреснутъ, будутъ проводить плотскую жизнь, являются грубыми плотскими христіанами. Такимъ образомъ, что въ настоящемъ разсужденіи говорится противъ отрицающихъ воскресеніе мертвыхъ, относится собственно къ тѣмъ, которые не носятъ имени христіанъ, изъ каковыхъ, я не думаю, чтобы здѣсь присутствовалъ кто-либо. И наше разсужденіе можетъ показаться излишнимъ, если мы будемъ доказывать, что мертвые воскресаютъ. Потому что христіанинъ, который увѣровалъ во Христа, который никоимъ образомъ не можетъ допустить, что апостолъ говоритъ неправду, долженъ руководствоваться силою авторитета. Достаточно, слѣдовательно, если онъ слышитъ: «если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша». «Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ» (1-е Коринѳ. XV, 14, 13). Если же Христосъ воскресъ, въ чемъ и спасеніе христіанъ, то во всякомъ случаѣ не невозможнымъ является воскресеніе мертвыхъ, потому что Кто воскресилъ Сына Своего, Кто разбудилъ плоть Свою, Тотъ во Главѣ показалъ примѣръ всему тѣлу, т.-е. церкви. Итакъ, могло бы быть излишнимъ разсужденіе о воскресеніи мертвыхъ, и намъ слѣдовало бы заняться тѣми вопросами, которые обыкновенно ставятъ христіане себѣ самимъ, а именно: каковы будемъ мы, когда воскреснемъ, какъ будемъ жить тогда,

каковы будутъ наши занятія, и будутъ ли вообще какія-нибудь занятія, или не будетъ никакихъ? Если не будетъ никакихъ, то будемъ ли мы жить совершенно праздно, ничего не дѣлая, или, если будемъ что-нибудь дѣлать, то что именно? Затѣмъ, будемъ ли мы ѣсть и пить, будетъ ли тамъ общеніе между мужами и женами, или будетъ одна непорочная общая жизнь? И если такъ, то какова будетъ эта жизнь, каково будетъ свойство и образъ самыхъ тѣлъ? Вотъ вопросы христіанъ, касающіеся вѣры въ воскресеніе.

4. Къ этомъ разсужденію, насколько это можетъ быть уяснено или выражено чрезъ людей и людямъ, подобнымъ намъ и вамъ, я теперь и перешелъ бы, если бы на вопросѣ о томъ, воскреснутъ ли мертвые, не вынуждало меня остановиться нѣкоторое безпокойство о слишкомъ плотскихъ братьяхъ нашихъ, почти язычникахъ. Конечно, я увѣренъ, что здѣсь никого изъ язычниковъ нѣтъ теперь, но всѣ христіане. Однакоже, язычники и хулители воскресенія не перестаютъ ежедневно говорить въ слухъ христіанамъ: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ». Слова эти сказалъ апостолъ, указывая далѣе на опасность худыхъ сообществъ, развращающихъ добрые нравы (1-е Коринѳ. XV, 32, 33). Боясь этого зла, и опасаясь за нетвердыхъ изъ христіанъ, мы не только по отеческой, но какъ бы по материнской нѣкоторой любви и будемъ говорить столько, сколько потребно для слушателей. Вѣдь, всѣхъ, которые собрались здѣсь, привело сюда великое благоговѣніе къ слову Божію (circa scripturas), а не торжество какого-либо праздничнаго дня собрало въ церковь Божію толпы зрителей. Потому что нѣкоторые имѣютъ обыкновеніе сходиться не по побужденіямъ благочестія, а только для торжества. Вотъ эти соображенія и заставляютъ насъ говорить сначала о воскресеніи мертвыхъ, а потомъ, если Господь поможетъ, скажемъ о томъ, какова будетъ будущая жизнь праведниковъ.

5. «Боюсь, говоритъ апостолъ, чтобы, какъ змѣй хитростію своею прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонившись отъ простоты во Христѣ» (2-е Коринѳ. XI, 3). А повреждаютъ умы слова: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ». Пусть же всякій, кто съ удовольствіемъ хочетъ слѣдовать только этимъ словамъ, кто думаетъ, что есть одна только настоящая жизнь, и ни на что другое не надѣется,

кто не молится Богу или только и молится о томъ, чтобы ѣсть и пить, хотя бы ему и непріятна была наша доброжелательная рѣчь, послушаетъ насъ, съ великою скорбію говорящихъ слова эти. Хотятъ они ѣсть и пить, потому что завтра умрутъ. Но, о, если бы на самомъ дѣлѣ они думали о томъ, что завтра умрутъ! Кто будетъ столь безразсуденъ и безуменъ, кто столь враждебенъ себѣ, чтобы, думая умереть на завтрашній день, не подумалъ, что кончено все, изъ-за чего онъ трудился? Вѣдь «въ тотъ день, какъ написано, исчезаютъ всѣ помышленія его» (Псал. CXLV, 4). И если люди, въ виду угрожающаго имъ дня смерти, стараются дѣлать завѣщанія ради тѣхъ, коихъ покидаютъ здѣсь, то насколько же болѣе они должны подумать о душѣ своей? Или заботится человѣкъ о тѣхъ, кого оставляетъ, а о себѣ, покидающемъ все, не думаетъ? Вотъ сыновья твои будутъ владѣть тѣмъ, что ты оставляешь; самъ же ты ничего не будешь имѣть, и однако все вниманіе твое сосредоточивается на томъ, чѣмъ послѣ тебя будутъ владѣть чужіе, а не на томъ, какая участь ожидаетъ тлѣнныхъ (non quo transeantes perveniant). О, если бы было у тебя помышленіе о смерти! Правда, когда выносятся мертвые, люди думаютъ о смерти и говорятъ: несчастный! Вчера гулялъ онъ, или: семь дней назадъ тому я видѣлъ его, то-то и то-то говорилъ онъ со мной,—и вотъ нѣтъ человѣка. Такъ говорятъ обычно. Но говорятъ это быть можетъ только, пока мертвый оплакивается, пока идутъ хлопоты о его погребеніи, пока совершаются приготовленія къ похоронамъ, пока выносится мертвый и погребается. Съ погребеніемъ же прекращаются и эти рѣчи. Возвращается суетная забота, забывается тотъ, кого увлекла смерть и о замѣстительствѣ его думаетъ имѣющій самъ удалиться,—возвращается къ обманамъ, къ хищеніямъ, къ клятвопреступленіямъ, къ пьянству, къ безчисленнымъ плотскимъ наслажденіямъ, не исчезающимъ даже во время пользованія ими и что хуже того, отъ только что погребеннаго мертвеца берутъ люди какъ бы поводъ къ погребенію сердца и говорятъ: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ».

6. Иные, осмѣивая вѣру въ воскресеніе мертвыхъ, говорятъ себѣ: вотъ такой-то лежитъ въ могилѣ, пусть же услышится голосъ его. Если это невозможно, пусть услышу я голосъ моего отца, моего дѣда и прадѣда. Кто возставалъ

оттуда? Кто объявилъ о томъ, что̀ дѣлается у умершихъ? Станемъ же заботиться о благахъ для себя во время этой земной жизни. Если же, когда мы умремъ, наши родители, родные или ближніе приносятъ что-либо на гробы наши, то себѣ, живущимъ приносятъ они, а не намъ, мертвымъ. Это даже и Писаніе осмѣиваетъ, когда говоритъ о снѣдяхъ, поставленныхъ на могилѣ (Сир. XXX, 18). Ясно, что мертвые не нуждаются въ томъ, и что это есть обычай языческій, и ведетъ онъ свое начало не отъ отцевъ нашихъ, патріарховъ, у которыхъ мы хотя и находимъ указанія на славныя похороны, но не находимъ указаній на приношенія умершимъ. То же можно замѣчать и въ обычаяхъ іудеевъ. Все же они сохранили въ нѣкоторыхъ случаяхъ обычаи старины, хотя и не извлекли оттуда пользы для добродѣтели. И если нѣкоторые ссылаются на слова Писанія: «раздавай хлѣбы твои при гробѣ праведныхъ, но не давай грѣшникамъ» (Товит. IV, 17.—Frange panem tuum, et effunde vinum tuum super sepulcra justorum, et ne tradas eum injustis), то безъ всякаго труда вѣрующіе могутъ понимать, о чемъ сказано здѣсь. Вѣдь, знаютъ вѣрующіе, какъ нужно совершать поминовеніе своихъ умершихъ; знаютъ также, что этого нельзя совершать за нечестивыхъ, т.-е за невѣрующихъ, потому что только «праведный вѣрою живъ будетъ» (Римл. I, 7). Пусть же никто не ищетъ отъ врачеванія болѣзней и изъ Писанія пусть не пытается извлечь узъ, чтобы положить сѣти смерти для душѝ своей. Ясно, какъ слѣдуетъ понимать то. Правиленъ и спасителенъ этотъ обычай христіанскій (aperta atque salubris est haec celebratio christianorum).

7. Итакъ, остановимся на томъ, о чемъ я выше сказалъ уже, и на что указываютъ люди, смущающіе слухъ нетвердыхъ, словами: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ», именно, на тѣхъ словахъ ихъ, что никто не воскресаетъ изъ мертвыхъ, и что не слышатъ они ничьего голоса: ни дѣда, ни прадѣда, ни отца. Отвѣчайте таковымъ, христіане, если вы христіане, и если захотѝте принять участіе въ пиршествахъ (имѣются въ виду, вѣроятно, поминальныя пиршества), безъ смущенія отвѣчайте развратителямъ. И вы знаете, что̀ отвѣтить, но обуреваетесь страстью къ удовольствіямъ, хотите утонуть въ нихъ и быть погребенными за́живо. Поднимается у васъ страсть невоздержанія, и какъ бы нѣкото-

рое волненіе врывается въ душу, возбужденную дыханіемъ дурного влеченія (male suadentis). И вотъ, претерпѣвая великое волненіе, не хочешь отвѣчать ты развратителю и съ готовностью идешь на пиршество. И волненіе страсти, черезчуръ усиливаясь, хочетъ обрушиться, какъ на корабль, на сердце твое. Но спитъ Христосъ на кораблѣ твоемъ. Разбуди же Его, и Онъ повелитъ бурѣ, чтобы она умо́лкла (Матѳ. VIII, 24—26). Своймъ волненіемъ на кораблѣ, когда Христосъ спалъ, ученики предуказали, что и христіане будутъ обуреваться, пока не пробудится въ нихъ вѣра христіанская. Знаешь ты, что̀ говоритъ апостолъ: «да дастъ вамъ... вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши» (Ефес. III, 17). По свойству величія и по Божеству Своему Онъ всегда со Отцемъ. И тѣломъ Своимъ Онъ уже на небесахъ «одесную Отца»; но вѣрѣ же Онъ присутствуетъ во всѣхъ христіанахъ. И ты обуреваешься, слѣдовательно, потому, что Христосъ спитъ, т.-е. потому ты не можешь побороть тѣхъ страстей, которыя возбуждаются въ тебѣ внушеніемъ дурныхъ привычекъ (male suadentium), что спитъ вѣра твоя. Что значитъ, что спитъ вѣра твоя? Значитъ, что вѣра приведена въ усыпленіе. Но что значитъ: приведена́ въ усыпленіе? Значитъ, что ты забылъ вѣру. Что же значитъ такимъ образомъ— разбуди́ть Христа? Значитъ пробудить вѣру, вспомнить то, во что ты увѣровалъ. Итакъ, помни вѣру твою, буди Христа. Эта вѣра твоя повелитъ волнамъ, коихъ ты боишься, и вѣтру дурныхъ навѣтниковъ; и тотчасъ удалятся они, тотчасъ успокоится все. Потому что, хотя злой навѣтникъ и не перестаетъ сговаривать тебя, но онъ уже не подвергаетъ опасности корабля твоего, не возбуждаетъ волненія, не погружаетъ судна, на которомъ плывешь ты.

8. Но для чего станешь будить ты Христа? Что сказалъ тебѣ злой тотъ собесѣдникъ? Что сказалъ тотъ развратитель, дурными рѣчами своими растлѣвающій добрые нравы? Что сказалъ? Вотъ что сказалъ: никто оттуда (изъ-за гроба) не возвратился. Не слыхалъ я ни голоса отца моего, ни дѣда моего. Пусть кто-нибудь возвратится оттуда и пусть скажетъ, что дѣлается тамъ.

Разбудивъ Христа на кораблѣ твоемъ и помня о вѣрѣ твоей, ты отвѣчай ему и скажи: Безумецъ! если бы отецъ твой воскресъ, ты повѣрилъ бы, но вотъ Господь всѣхъ

воскресъ, и ты ли не вѣришь? Для чего благоволилъ Онъ умереть и воскреснуть, если не для того, чтобы вѣрили мы одному и не обольщались многими? И что сдѣлалъ бы отецъ твой, если бы воскресъ и сталъ бесѣдовать съ тобой, и снова умеръ бы? Смотри, съ какою властію воскресъ Тотъ, Кто «уже не умираетъ, и смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти» (Римл. VI, 9)! Явился Онъ ученикамъ Своимъ и вѣрующимъ, ощупано было тѣло Его, такъ какъ недостаточно было для нѣкоторыхъ видѣть то, что они ранѣе видѣли, и не ощупать того, что видѣли теперь. Вѣра эта не въ сердцахъ только запечатлѣна была, но засвидѣтельствована предъ взоромъ людей. Далѣе, Тотъ, Кто показалъ это, восшелъ на небо, послалъ Духа Святаго ученикамъ Своимъ, и Евангеліе проповѣдано всюду.

Если мы говоримъ неправду, вопроси самое лице земли. Многое изъ того, что обѣщано, уже совершилось. Многое, чего ожидали мы, исполнилось. Вѣра христіанская распространена по всему лицу земли. Не осмѣливаются отрицать воскресенія Христа даже невѣрующіе. Свидѣтельствуетъ о томъ небо, свидѣтельствуетъ земля, свидѣтельствуютъ ангелы, свидѣтельствуютъ находящіеся въ царствѣ мертвыхъ (ab inferis). Что еще не свидѣтельствовало бы объ этомъ? И ты говоришь: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ».

9. Опечалился ты объ умершемъ другѣ (charissimo) твоемъ, потому что не слышишь уже голоса его. Жилъ онъ и умеръ. Ѣлъ, а теперь уже не ѣстъ, ощущалъ, а теперь не ощущаетъ, уже не радуется радостями и утѣшеніемъ живыхъ.

Но развѣ сталъ бы ты оплакивать сѣмя, когда бы пахалъ землю? Вѣдь, если бы нашелся кто-нибудь столь невѣдущій, который бы, видя, какъ сѣмя выносится на поле, бросается въ землю и зарывается въ глыбахъ, сталъ плакать о немъ и, вспоминая о лѣтнемъ зноѣ, сталъ бы говорить самъ себѣ: вотъ хлѣбъ, съ такимъ трудомъ сжатый, вымолоченный и очищенный, лежалъ въ житницѣ; смотрѣли мы на него и радовались, теперь же нѣтъ его на глазахъ нашихъ: вижу землю вспаханную, хлѣба же ни въ житницѣ, ни здѣсь не вижу. Если бы, говоримъ, нашелся такой человѣкъ, который бы сильно грустилъ и плакалъ о хлѣбѣ, какъ умершемъ и погребенномъ, смотря на глыбы и на

землю, и не думая о жатвѣ, то какъ смѣялись бы надъ нимъ иные, хотя и неученые, но свѣдущіе въ томъ дѣлѣ? Какъ сталъ бы плакать онъ, столь неопытный, предъ свѣдущими въ этомъ дѣлѣ, хотя и несвѣдущими въ другихъ предметахъ? И что сказали бы ему тѣ, которые знали бы, что скорбитъ онъ потому, что не понимаетъ? Не печалься,—сказали бы они ему. Того, что разбросали мы въ землю, нѣтъ уже въ житницѣ, нѣтъ въ рукахъ нашихъ. Но вотъ потомъ придемъ мы на это поле, и отрадно будетъ созерцать тебѣ видъ жатвы тамъ, гдѣ теперь скорбишь ты надъ голой землей. Кто знаетъ, что получится послѣ изъ посѣяннаго хлѣба, тотъ радуется и во время самой пашни. Если же кто вслѣдствіе недовѣрія или неразумія, или лучше сказать, вслѣдствіе недостатка опыта скорбитъ въ началѣ, то все же потомъ, довѣряя опыту знающаго, уйдетъ отъ него утѣшеннымъ и станетъ ожидать вмѣстѣ съ нимъ будущей жатвы.

10. Но жатва обыкновенно бываетъ каждогодно. Единственная же послѣдняя жатва рода человѣческаго произойдетъ при кончинѣ вѣка. Теперь нельзя ея видѣть глазами. Но доказательство того, что она будетъ, дано въ зернѣ пшеничномъ, о которомъ Самъ Господь говоритъ: «если пшеничное зерно... не умретъ, то останется одно» (Іоан. XII, 24), указывая въ этихъ словахъ на Свою смерть и на то, что велико будетъ число имѣющихъ воскреснуть вѣрующихъ въ Него. Примѣръ взятъ здѣсь отъ зерна, но такой примѣръ, коимъ убѣждаются всѣ, желающіе быть въ числѣ зеренъ. Впрочемъ, и вся тварь свидѣтельствуетъ о воскресеніи, если только мы не хотимъ быть глухими. И отъ этихъ свидѣтельствъ можно заключать, что̀ сдѣлаетъ Богъ въ концѣ концовъ съ родомъ человѣческимъ, когда ежедневно мы наблюдаемъ столько подобій. Воскресеніе христіанъ имѣетъ совершиться только одинъ разъ. Сонъ же животныхъ и пробужденіе ихъ отъ сна свершается ежедневно. Сонъ—подобіе смерти, пробужденіе—подобіе воскресенія. Наблюдая то, что совершается предъ тобой ежедневно, вѣрь въ то, что произойдетъ нѣкогда одна́жды. Луна рождается каждый мѣсяцъ, растетъ, достигаетъ наибо́льшей величины, затѣмъ уменьшается, совсѣмъ исчезаетъ и снова появляется. Что происходитъ съ луною ежемѣсячно, это при воскресеніи со-

вершится одинъ разъ за все время. Далѣе, куда уходятъ, напр., и откуда появляются листья на деревьяхъ? въ какіе тайники уходятъ они? изъ какихъ скрытыхъ мѣстъ приходятъ? Вотъ теперь зима, и деревья какъ бы высохли; въ весеннее же время они одѣваются зеленью. Теперь ли только такъ стало или и въ прошедшемъ году то же самое было? Конечно, и въ прошедшемъ году то же было. Исчезаетъ зелень съ осени, въ теченіе зимы, появляется съ весны, лѣтомъ. Такъ годъ повторяется во времени, и неужели люди, созданные по образу Божію, умирая, совсѣмъ погибаютъ?

11. Но кто-нибудь, менѣе внимательный къ измѣненіямъ и возрожденію, замѣчаемому въ природѣ, можетъ сказать мнѣ: вѣдь, тѣ листья сгнили и рождаются новые. Однако всякій разумный можетъ видѣть, что и то, что сгниваетъ, даетъ силу землѣ. Потому что отъ чего утучняется земля, какъ не отъ разложенія земного? Знаютъ это тѣ, которые занимаются земледѣліемъ. А тѣ, которые не занимаются земледѣліемъ, проживая въ городѣ, пусть хоть отъ прилегающихъ къ городу усадебъ узнаютъ, какъ старательно берегутся разныя нечистоты города, за какую цѣну покупаются онѣ и куда дѣваются. Конечно, онѣ уже презрѣнны и могутъ считаться недостаточно свѣдущимъ человѣкомъ совершенно ненужными. Кто въ самомъ дѣлѣ станетъ смотрѣть на помѣтъ? Но на что человѣкъ не хочетъ смотрѣть, это старается онъ беречь. Такимъ образомъ, что казалось уже уничтоженнымъ и выброшеннымъ, это употребляется на утучненіе земли, сберегаетъ въ ней влагу и идетъ въ корень. А что изъ земли проходитъ въ корень, это невидимыми путями переходитъ затѣмъ въ стволъ, расходится по вѣтвямъ, отсюда идетъ въ отростки, а отъ отростковъ—въ плоды и листья. И вотъ отъ чего отворачиваешься ты, когда нечистоты гніютъ,—это, создавая прелестную зелень дерева, вызываетъ твое удивленіе.

12. Не хочу, чтобы ты указывалъ мнѣ при этомъ на то, на что обыкновенно указываешь, именно, что тѣло погребеннаго мертвеца не остается цѣлымъ;—если бы оставалось оно цѣлымъ, говоришь ты, я вѣрилъ бы въ воскресеніе мертвыхъ. Выходитъ, поэтому, что одни только египтяне вѣрятъ въ воскресеніе, потому что они тщательно сохраняютъ трупы умершихъ. Обыкновенно, они высушиваютъ тѣла, дѣлая ихъ

какъ бы неразрушимыми, и называя ихъ муміями. Итакъ, по мнѣнію людей, незнающихъ таинъ природы, въ которой для Творца все остается цѣлымъ, хотя бы и теряло способность внѣшняго чувства, только одни египтяне могутъ вѣрить въ воскресеніе мертвыхъ, вѣра же другихъ, вѣра христіанъ неосновательна. Часто, когда вслѣдствіе ветхости или по другой какой причинѣ открываются и обнажаются гробы, оказывается, что находившіяся тамъ тѣла уже сгнили, и люди, привыкшіе любоваться тѣлесною красотой, скорбно вздыхаютъ и говорятъ сами себѣ: неужели этотъ прахъ будетъ имѣть когда-либо прежній видъ красоты? Неужели онъ возвратится къ жизни, возвратится къ свѣту? Когда это будетъ? И могу ли я надѣяться увидѣть когда-нибудь изъ этого пепла что-либо живое? Однакоже ты, говорящій такъ, видишь во гробѣ хоть пепелъ. Но оглянись назадъ лѣтъ хотя на тридцать, на сорокъ, на пятьдесятъ или болѣе. Вотъ, во гробѣ оказывается хоть прахъ мертваго, а ты что представлялъ изъ себя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Гдѣ былъ ты тогда? Тѣла всѣхъ насъ, разговаривающихъ теперь, спустя немного лѣтъ, будутъ прахомъ, а назадъ тому нѣсколько лѣтъ не было и самаго праха. Итакъ, кто могъ создать то, чего не было, неужели не въ состояніи возсоздать того, что было?

13. Пусть же прекратится пустословіе злорѣчивыхъ, дурными рѣчами своими развращающихъ добрые нравы. Утвердите ноги ваши на пути, утвердите, чтобы не сбиваться съ него и не останавливаться на немъ, а стремиться впередъ, какъ написано: «такъ бѣгите, чтобы получить» (1-е Кор. IX, 24). Пусть въ сердцѣ вашемъ всегда бодрствуетъ Христосъ, Который во главѣ (т.-е. въ Себѣ Самомъ) благоволилъ показать то, чего должны ожидать прочіе члены тѣла Его. Мы на землѣ страдаемъ; глава же наша на небѣ уже не умираетъ, не испытываетъ слабости, не страдаетъ. Однако и глава страдала за насъ. Потому что Онъ (Христосъ) «преданъ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего» (Римл. IV, 25). Познаемъ это мы вѣрою. Тѣ же, коимъ являлся Онъ, видѣли своими глазами. Впрочемъ, и мы не остались обиженными изъ-за того, что Онъ уже воскресъ, и мы не можемъ видѣть Его плотскими глазами. Имѣемъ поучительное для насъ свидѣтельство Самого Господа, которое далъ

Онъ сомнѣвающемуся ученику, ищущему осязанія для того, чтобы вѣрить. Вѣдь, когда, послѣ прикосновенія къ Его ранамъ, онъ воскликнулъ и сказалъ: «Господь Мой и Богъ мой», — Господь отвѣтилъ ему: «ты повѣрилъ потому, что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе» (Іоан. XX, 28, 29). Итакъ, пробудитесь же для блаженства вашего, и никакой злой навѣтникъ пусть не исторгнетъ изъ сердецъ вашихъ того, что насаждено Христомъ.

14. Пусть же болѣе не говорятъ мнѣ того. Говорятъ это обычно тѣ, которые не по доброй волѣ уступили авторитету Христа. Вѣдь, даже и язычники, которые не хотятъ или откладываютъ принять ученія Христово, не осмѣливаются поносить Христа. Христіанъ поносятъ, а Христа не осмѣливаются. Смиряются предъ Главой, хотя надъ тѣломъ еще и глумятся. Но пусть тѣло, слыша глумленія тѣхъ, кои уступаютъ Главѣ, не считаютъ себя отдѣленными отъ Главы, но заодно съ Нею. Если бы мы были отдѣлены отъ Нея, тогда можно было бы бояться намъ издѣвательствъ враговъ нашихъ. Но что мы не отдѣлены отъ Главы, объ этомъ свидѣтельствуетъ Самъ Тотъ, Который Павлу, когда онъ былъ еще Савломъ, преслѣдующимъ церковь, говоритъ: «Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня?» Уже избавился Онъ отъ рукъ нечестивыхъ іудеевъ, уже проникъ въ преисподняя, уже возсталъ отъ гроба, уже вознесся на небо, уже обогатилъ сердца вѣрующихъ дарами Духа Святаго и утверждаетъ ихъ, пребывая одесную Отца, и ходатайствуя за насъ. Не подвергаясь уже болѣе опасности смерти, а лишь насъ желая освободить отъ смерти,—что могъ потерпѣть Онъ отъ неистовствующаго Савла? Какъ рука та могла коснуться Его, хотя тотъ, какъ написано о немъ, и дышалъ еще убійствомъ (Дѣян. IX, 1)? На христіанъ, живущихъ на землѣ, могъ еще дѣлать нападенія Савлъ, Христу же когда и какъ могъ бы вредить онъ? Издаетъ Онъ, однако, мучительный крикъ за члены Свои и не говоритъ: что ты гонишь Моихъ? Если бы говорилъ такъ, тогда могли бы мы считать себя только рабами Его. Но не такъ соединяются рабы со своимъ господиномъ, какъ христіане со Христомъ. Другая связь эта, другое здѣсь соотношеніе членовъ, другое единство любви. Голова говоритъ за члены Свои и не такъ говоритъ: что ты гонишь члены Мои,—но: «что ты гонишь Меня?» Не касался гонитель

Главы, а трогалъ лишь то, что соединено съ Главою. Не разъ уже указывали мы на одно подобіе, и такъ какъ подобіе это очень подходящее и хорошо поясняетъ дѣло, позволимъ себѣ повторить его. Вотъ, напримѣръ, кто-нибудь въ толпѣ тѣснитъ тебя, давитъ ногу твою, хотя языку и не причиняетъ никакой боли. Почему же языкъ все-таки кричитъ: ты давишь меня? Сдавлена нога, языку не сдѣлано никакой непріятности, однако, связаны они (нога и языкъ) тѣснымъ единствомъ. Потому что «страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены» (1-е Коринѳ. XII, 26). Итакъ, если языкъ твой говоритъ за ногу твою, то Христосъ ли не станетъ говорить за христіанъ съ неба? Не такъ говоритъ языкъ твой за ногу твою, чтобы говорить, напр.: давишь ногу мою, но: давишь меня, хотя самъ онъ и остается неприкосновеннымъ. Познавай же и ты Главу свою, когда Она съ неба говоритъ за тебя: «Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня?» Но, братія, для чего сказали мы это? Для того, чтобы какъ-нибудь не подкрались къ вамъ тѣ, на которыхъ указываетъ апостолъ, когда говоритъ, что «худыя сообщества развращаютъ добрые нравы», которые говорятъ: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ» (1-е Коринѳ. XV, 32), чтобы не говорили они вамъ: для Христа, однако, только возможно было это (не осмѣливаются они поносить Христа, преклоняются предъ величіемъ Его, распростертымъ по всему кругу земному, но хотя, какъ написано: «нечестивый увидитъ и будетъ досадовать, заскрежещетъ зубами своими и истаетъ» (Псал. CXI, 10), они и скрежещутъ зубами и истаяваютъ, злословить Христа все-таки не осмѣливаются). Иногда искренно говорятъ они это, иногда же изъ страха. Но ты будь внимателенъ къ тому, что они осмѣливаются говорить, и чего не осмѣливаются высказывать.

15. Вотъ, станутъ говорить они тебѣ,—указываешь ты на Христа, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и вслѣдствіе этого ожидаешь всеобщаго воскресенія мертвыхъ. Но Христосъ могъ воскреснуть изъ мертвыхъ, и начинаютъ хвалить Христа не съ тѣмъ, чтобы воздать Ему честь, но чтобы тебя лишить упованія. Опасное коварство здѣсь, когда, желая похвалою отвлечь отъ Христа, лицемѣрно прославляютъ Того, Кого не осмѣливаются порицать. Усугубляютъ величіе Его,

какъ существа небеснаго, чтобы ты не надѣялся получить что-либо такое, что явлено было въ Его воскресеніи. Какъ бы съ великимъ благоговѣніемъ относятся они ко Христу, когда говорятъ: вотъ осмѣливается онъ сравнивать себя со Христомъ, и думаетъ, что и онъ воскреснетъ изъ мертвыхъ, какъ Христосъ воскресъ. Не обольщайся, однако, лицемѣрною похвалою. Коварные замыслы тебя смущаютъ, но вспомни о смиреніи Христа, о Его человѣчествѣ. Тотъ (лицемѣръ) указываетъ тебѣ, какъ Христосъ великъ въ сравненіи съ тобою, но Самъ Христосъ говоритъ, какъ Онъ близокъ къ тебѣ (descendit ad te). Итакъ, смѣло отвѣтствуй ему, пробуждай въ себѣ вѣру свою; вотъ передъ тобой буря, волненіе, корабль въ опасности, а Христосъ спитъ въ тебѣ. Пробуди же въ себѣ вѣру Христову, не забывай, во что ты увѣровалъ. И тотчасъ отвѣтишь ты, какъ только начнетъ оживать въ тебѣ вѣра евангельская. Не будешь безпомощнымъ при отвѣтѣ. Не ты будешь говорить, а пребывающій въ тебѣ Христосъ, взявъ орудіемъ Своимъ языкъ твой, какъ бы мечъ Свой, и пользуясь сердцемъ твоимъ и голосомъ твоимъ, какъ владѣлецъ, противостанетъ врагу и сдѣлаетъ тебя безопаснымъ. Ты же только буди спящаго, т.-е. не забывай вѣры твоей.

16. Но что скажу я такого, что могъ бы и ты возразить имъ? Не новое скажу что-либо, но то, во что увѣровалъ ты уже. Пробуди вѣру свою и отвѣчай тому, кто говоритъ, что Христосъ одинъ могъ воскреснуть, а мы не можемъ. Отвѣчай и скажи ему: потому Христосъ могъ воскреснуть, что Онъ Богъ. Если же потому, что Онъ Богъ, то слѣдовательно потому, что Онъ всемогущій. Если же потому, что всемогущій, то могу ли я отчаяваться, что можетъ Онъ и во мнѣ явить то, что показалъ въ Себѣ ради меня? Затѣмъ спрошу еще: откуда возсталъ Господь? Отвѣчаетъ: изъ мертвыхъ. Но какъ умеръ Богъ? и можетъ ли умирать Богъ? Развѣ то Божественное Слово, та сила Всемогущаго Художника, чрезъ Котораго все создано, та неизмѣнная Мудрость, въ Себѣ пребывающая и все обновляющая, распростирающаяся отъ одного конца до другого и все устрояющая на пользу (Прем. Солом. VIII, 1) могла умереть? Нѣтъ,—отвѣчаетъ противникъ. И, однако, Христосъ умеръ. Почему умеръ? Разумѣется, потому, что, не почитая хищеніемъ быть равнымъ Богу, Онъ «уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба» (Филипп. II, 7). А раньше апостолъ говоритъ: «Онъ, будучи образомъ Божіимъ...» (Филипп. II, 6). Образъ Божій принялъ Онъ или былъ имъ по существу (an in ea naturaliter erat)? Различаетъ это апостолъ. Когда говоритъ онъ объ образѣ Божіемъ, употребляетъ слово «будучи», а когда говоритъ объ образѣ раба, сказалъ: принявъ. Христосъ, слѣдовательно, однимъ былъ, а другое принялъ, такъ что единымъ стало съ Нимъ то, что Онъ принялъ. Будучи образомъ Божіимъ, Онъ былъ равенъ Богу, почему евангелистъ говоритъ: «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ» (Іоанн. I, 1), т.-е. Онъ, будучи образомъ Божіимъ, «не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу». Чего нѣтъ по естеству, и что присвоивается не по праву, то есть уже хищеніе. Равенство съ Богомъ присвоилъ себѣ ангелъ, но палъ и сдѣлался діаволомъ. Равенство съ Богомъ хотѣлъ присвоить себѣ человѣкъ, но палъ и сдѣлался смертнымъ. Христосъ, Который рожденъ равнымъ, потому что рожденъ не во времени, но вѣчный Сынъ отъ вѣчнаго Отца, черезъ Коего все создано, есть образъ Божій (in forma Dei est). Чтобы быть посредникомъ между Богомъ и людьми, между Праведнымъ и неправедными, между Безсмертнымъ и смертнымъ, Онъ принялъ нѣчто отъ беззаконныхъ и смертныхъ, въ то же время имѣя нѣчто общее съ Праведнымъ и Безсмертнымъ. Сохраняя вмѣстѣ съ Праведнымъ и Безсмертнымъ праведность, Онъ отъ беззаконныхъ и смертныхъ принимаетъ смертность, ставши примирителемъ, разрушивъ стѣну грѣховъ нашихъ, почему и говорится въ псалмѣ: «Съ Богомъ моимъ восхожу на стѣну» (Псал. XVII, 30). Возвращая Богу то, что отчуждено грѣхомъ, искуплия кровію Своею порабощенное діаволомъ, Онъ умеръ за насъ и воскресъ. Носилъ Онъ грѣхи наши не участіемъ въ нихъ, но претерпѣвая ихъ,— какъ Іаковъ носилъ кожу козлятъ, чтобы показаться волосатымъ отцу своему, благословляющему (Быт. XXVII, 16). Дурной Исавъ имѣлъ свои волосы, добрый же Іаковъ носилъ чужіе. Смертнымъ людямъ, конечно, прилежитъ грѣхъ; не прилежитъ же онъ Тому, Кто сказалъ: «имѣю власть отдать душу Свою и власть имѣю опять принять ее» (Іоанн. X, 18).

Итакъ, смерть въ Господѣ нашемъ была слѣдствіемъ чужихъ грѣховъ, а не наказаніемъ за грѣхи собственные. Во

всѣхъ людяхъ смерть есть наказаніе за грѣхъ. Ведетъ она свое начало отъ первороднаго грѣха, отъ паденія перваго человѣка, а не отъ нисхожденія откуда-либо. Потому что одно есть — падать, другое — нисходить. Палъ одинъ преступно, снисшелъ другой милосердно. Потому что «какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ и во Христѣ всѣ оживутъ» (1-е Коринѳ. XV, 22). Итакъ, носящій чужіе грѣхи Христосъ, по слову псалмопѣвца, отдалъ то, чего не отнималъ (Псал. LXVIII, 5), т.-е., не имѣя грѣха, подвергся смерти. Вотъ, говоритъ Онъ, «идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего». Что это значитъ, что «во Мнѣ не имѣетъ ничего?» Значитъ: не найдетъ во Мнѣ ничего достойнаго смерти. Потому что достойное смерти—грѣхъ. Почему же смерть? «Но, говоритъ Онъ далѣе, чтобы міръ зналъ, что Я люблю Отца, и какъ заповѣдалъ Мнѣ Отецъ, такъ и творю: встаньте, пойдемъ отсюда» (Іоанн. XIV, 31). И возставъ, Онъ пошелъ на страданія. Почему? Потому что исполнялъ волю Отца Своего, а не потому, что былъ сколько-нибудь повиненъ князю грѣха, такъ какъ въ Немъ не было никакого грѣха. Такимъ образомъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ съ Собою принесъ Божество, смертность же принялъ отъ насъ. Принялъ ее во утробѣ Дѣвы Маріи, соединяя Себя, Божественное Слово, съ природою человѣка, какъ женихъ соединяется съ невѣстою въ брачномъ чертогѣ, такъ что Онъ исходитъ, «какъ женихъ изъ брачнаго чертога Своего» (Псал. XVIII, 6).

17. Итакъ, помни то, что сказалъ я тебѣ. Смертность отъ грѣха перешла на всѣхъ людей. Въ Господѣ же она явилась вслѣдствіе Его милосердія, и, однако, была истинная, потому что такая же истинная была Его плоть, истинно-смертная, имѣющая подобіе «плоти грѣховной» (Римл. VIII, 3), не подобіе плоти, но подобіе «плоти грѣховной», такъ какъ она была истинная плоть, хотя и негрѣховная плоть. И не заслуженно, какъ сказалъ я, не за грѣхъ смертность эту принялъ Тотъ, Кто «уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба..., бывъ послушнымъ даже до смерти». Слѣдовательно, чѣмъ же былъ Онъ и что имѣлъ? Былъ Божествомъ, нося смертность. Но чѣмъ умеръ Онъ, тѣмъ и воскресъ.

Теперь обратившись къ тѣмъ, которые говорятъ: только одинъ Христосъ могъ воскреснуть, а ты не можешь,—отвѣчай и скажи: Христосъ воскресъ тѣмъ, что́ Онъ принялъ

отъ насъ. Отними отъ Него образъ раба, и не было бы того въ Немъ, чѣмъ бы Онъ могъ воскреснуть, потому что не было бы того, чѣмъ бы Онъ могъ умереть. И зачѣмъ, прославляя Господа, хочешь разорить вѣру, которую насадилъ во мнѣ Господь? Вслѣдствіе того только, что принялъ образъ раба, сдѣлался Онъ мертвымъ. Отсюда никогда не усумнюсь я и въ воскресеніи раба, если Господь воскресъ въ образѣ раба. Если же только силѣ человѣчества хотятъ приписать то, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, такъ какъ имѣютъ обыкновеніе говорить и это, именно, что человѣкъ Онъ былъ столь праведный, что могъ даже изъ мертвыхъ воскреснуть, то я готовъ на время и здѣсь согласиться съ ними. Не буду говорить о Божествѣ Господа нашего;—но если Онъ столь праведенъ, что могъ даже воскреснуть изъ мертвыхъ, то, разумѣется, никоимъ образомъ не могъ Онъ обманывать насъ, когда и намъ обѣщалъ воскресеніе.

18. Все, что сказано нами, братія, сказано съ тою цѣлію, чтобы вы были подготовлены къ отвѣту на случай, если бы кто-либо сталъ говорить, что мертвые не воскреснутъ. Говорено было, если помните, насколько Богъ благоволилъ сдѣлать насъ способными къ тому, и о видимой природѣ, при чемъ указаны были доказательства изъ ежедневныхъ явленій ея, и о всемогуществѣ Бога, для Коего ничего нѣтъ труднаго, Который, если могъ создать то, чего не было, тѣмъ болѣе можетъ возсоздать то, что было, и о Самомъ Господѣ и Спасителѣ нашемъ, Который, несомнѣнно, воскресъ, и о воскресеніи, что оно не могло быть, какъ только въ образѣ раба, потому что не могъ Онъ умереть, а слѣдовательно, и воскреснуть иначе, какъ только въ образѣ раба. А такъ какъ мы рабы, слѣдовательно, нужно и намъ ожидать того, что благоволилъ показать Господь, будучи въ образѣ раба.

Пусть умолкнутъ, поэтому, языки говорящихъ: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ». На эти слова вы отвѣчайте имъ и говорите: будемъ поститься и молиться, потому что завтра умремъ.

19. Намъ остается сказать еще, какова будетъ жизнь въ воскресеніи праведныхъ. Но такъ какъ сегодня, какъ видите, уже не мало времени потрачено на бесѣду, довольствуйтесь пока тѣмъ, что́ сказано. А объ этомъ молитесь, чтобы мы когда-нибудь могли побесѣдовать съ вами. Замѣтьте также,

что говоримъ мы объ этомъ теперь особенно по причинѣ настоящихъ праздничныхъ дней у язычниковъ. Будьте внимательны къ себѣ: преходитъ міръ этотъ. Вспомните Евангеліе, гдѣ Господь предсказываетъ, что послѣдній день придетъ такъ же, какъ это было во дни Ноя, когда люди «ѣли и пили, женились, выходили замужъ, до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и пришелъ потопъ и погубилъ всѣхъ» (Лук. XVII, 27). И въ другомъ мѣстѣ Господь, увѣщевая слушающихъ, говоритъ: «смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пьянствомъ» (Лук. XXI, 34), и еще: «да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи; и вы будете подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія Господина своего съ брака» (Лук. XII, 35—36). Будемъ ожидать Его. Пусть не найдетъ Онъ насъ безпечными. Постыдно для женщины замужней не стремиться (non desiderare) къ мужу своему. Насколько же постыднѣе церкви не стремиться ко Христу?! Приходитъ мужъ для плотскихъ объятій и принимается съ великою любовью женою чистою. Но вотъ имѣетъ притти Женихъ церкви, чтобы предложить намъ вѣчныя объятія, чтобы сдѣлать насъ Себѣ вѣчными сонаслѣдниками, а мы такъ живемъ, что не только Его прихода какъ будто не желаемъ, но даже боимся! Несомнѣнно, что такъ придетъ день тотъ, какъ во дни Ноя. И столь многихъ застанетъ Онъ такъ же внезапно изъ тѣхъ, которые называются христіанами? Вѣдь, для того такъ долго строился ковчегъ, чтобы вразумились невѣрующіе. Сто лѣтъ строился онъ, и не вразумились они настолько, чтобы говорить: не по иной причинѣ человѣкъ Божій строитъ ковчегъ, какъ только по той, что грозитъ гибель роду человѣческому,—не позаботились предотвратить гнѣвъ Божій, дѣлая угодное Богу, какъ сдѣлали ниневитяне, которые принесли плодъ покаянія и отвратили отъ себя гнѣвъ Божій.

20. Возвѣстилъ имъ Іона не о милосердіи, но объ ожидающемъ ихъ гнѣвѣ; не сказалъ, напр., такъ: еще нѣкоторое время, и Ниневія будетъ разрушена. Если же за это время раскаетесь, то Господь пощадитъ васъ, не сказалъ этого. Однимъ разрушеніемъ угрожалъ онъ имъ, одно это предсказывалъ, и однако, они не отчаялись въ милосердіи Божіемъ, обратились къ покаянію, и Господь помиловалъ ихъ (Іоны III). Что сказать вамъ на это? Неужели пророкъ предсказалъ неправду? Если будешь понимать это буквально, то, по-

димому, пророкъ сказалъ здѣсь неправду. Если же станешь понимать духовно, то случилось то, что именно сказалъ пророкъ. Посмотри, что представляла Ниневія, и чѣмъ она стала. Что представляла Ниневія? Ѣли и пили, покупали, продавали, садили, строили, предавались клятвопреступленію, лжи, пьянству, всякимъ порокамъ, растлѣнію,—вотъ что представляла Ниневія. Посмотри же теперь, что стало съ ниневитянами? Плачутъ они, скорбятъ, сокрушаются, во вретищѣ и пеплѣ, въ постѣ и молитвахъ. Гдѣ та прежняя Ниневія? Она разрушена, потому что нѣтъ уже болѣе тѣхъ прежнихъ одѣяній.

21. И теперь, братія, такъ же точно строится ковчегъ, и тѣ сто лѣтъ знаменуютъ настоящее время. Этимъ числомъ лѣтъ обозначается все настоящее теченіе времени. Слѣдовательно, если справедливо погибли тѣ, которые въ то время, когда Ной строилъ ковчегъ, не обращали на это вниманія, то чего достойны тѣ, которые, когда Христосъ созидаетъ церковь,—отвращаются отъ спасенія? Разница между Ноемъ и Христомъ такая же, какъ между рабомъ и господиномъ, или скорѣе, какъ между Богомъ и человѣкомъ. Вѣдь, рабомъ и господиномъ могутъ называться два человѣка. И въ томъ, именно, что люди не вѣрили, когда человѣкъ строилъ ковчегъ, данъ предостерегающій примѣръ для насъ. Вотъ Христосъ, Богъ и ради насъ человѣкъ, созидаетъ церковь. Въ основаніе этого ковчега Онъ положилъ Себя Самого. Ежедневно деревья негніющія, вѣрующіе люди, отказывающіеся отъ настоящаго вѣка, кладутся (intrant) въ связь ковчега,—и до этихъ поръ еще говорятъ люди: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ». Но вы, какъ сказалъ я, отвѣчайте такимъ наоборотъ: «будемъ поститься и молиться, потому что завтра умремъ». Говорятъ эти слова: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ» тѣ, которые не вѣрятъ въ воскресеніе. А мы на основаніи предсказаній пророковъ, Христа и апостоловъ вѣрующіе въ воскресеніе и проповѣдующіе его, ожидающіе другой жизни послѣ этой смерти, не станемъ падать духомъ, не отягчимъ сердецъ нашихъ объяденіемъ и пьянствомъ, но, препоясавши чресла, съ возженными свѣтильниками, спокойно ожидая пришествія Господа нашего, будемъ поститься и молиться не потому, что завтра умремъ, но для того, чтобы умереть въ мирѣ. Что еще остается сказать намъ, братія, этого во имя Господа требуйте отъ насъ уже въ другой разъ.

Бесѣда 22-я [1]).

О воскресеніи мертвыхъ.

1. Памятуя о своемъ обѣщаніи, мы распорядились, чтобы соотвѣтствовали тому и чтенія: евангельское и апостольское. Тѣ, которые были за первой бесѣдой, помнятъ, что взятый нами вопросъ о воскресеніи мы раздѣлили на два разсужденія: первое—по поводу тѣхъ, которые сомнѣваются, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, или даже отвергаютъ его; второе—о томъ, какова, по ученію Свящ. Писанія, будетъ жизнь праведныхъ въ воскресеніи. На первомъ вопросѣ, разсуждая о томъ, что мертвые воскресаютъ, мы, какъ вы помните, такъ долго остановились, что для обсужденія другого вопроса недоставало уже времени, и такимъ образомъ мы вынуждены были отложить его до настоящаго дня. Уплаты этого долга требуетъ теперь отъ насъ ваше вниманіе, и мы знаемъ, что время платить.

Итакъ, вмѣстѣ будемъ просить съ благоговѣніемъ Господа, чтобы и намъ благополучно уплатить долгъ, и вамъ спасительно принять его. Вопросъ этотъ, надо признаться, болѣе трудный. Но сильнѣе всѣхъ такихъ трудностей любовь, которой и должны служить мы такъ, чтобы Богъ, давшій намъ эту заповѣдь любви, содѣлалъ труды наши легкими и пріятными.

2. Помните, что отвѣчали мы говорящимъ: «станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ», и какъ апостолъ обличаетъ ихъ, говоря, что «худыя сообщества развращаютъ добрые нравы»,

[1]) По общему счету 362-я.

и давая такое наставленіе: «отрезвитесь, какъ должно, и не грѣшите; ибо къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога» (1-е Коринѳ. XV, 33—34). Слова апостола всѣ будемъ помнить и запечатлѣемъ ихъ въ своемъ сердцѣ. А кто хочетъ повиноваться имъ и запечатлѣетъ въ своемъ сердцѣ, тотъ самымъ дѣломъ докажетъ пусть это. Всякій слушатель есть какъ бы поле, принимающее сѣмя сѣющаго. Кто запечатлѣваетъ слышанное въ сердцѣ, тотъ подобенъ взрывающему землю и зарывающему сѣмя, посѣянное въ ней. Кто же поступаетъ при этомъ согласно тому, что принято имъ и запечатлѣно на сердцѣ, тотъ есть именно ожидающій жатвы и приносящій плодъ въ терпѣніи: иной «во сто кратъ, иной—въ шестьдесятъ, а иной—въ тридцать» (Матѳ. XIII, 23; Лук. VIII, 15). Для него готовятся житницы, какъ для хлѣба, а не огонь, какъ для плевелъ.

Эти сокровенныя житницы представляютъ тѣ блаженныя обители въ воскресеніи мертвыхъ и тѣ вѣчныя несказанныя сокровища, которыя, по слову Писанія, они должны будутъ получить тамъ.

3. Въ другомъ мѣстѣ Господь Іисусъ Христосъ называетъ ихъ (вѣчныя обители) именемъ сосудовъ, когда говоритъ, что царство небесное подобно неводу, или сѣтямъ, такъ какъ иныя и сѣти называются неводомъ. «Подобно, говоритъ Онъ, царство небесное неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на берегъ и, сѣвши, хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ» (Матѳ. XIII, 47, 48). Господь нашъ образно хотѣлъ показать здѣсь, что такъ же и слово Божіе преподается народамъ и племенамъ, какъ неводъ бросается въ море. Собираетъ Онъ (Господь) при совершеніи христіанскихъ таинствъ и добрыхъ и злыхъ. Но не всѣ, коихъ захватываетъ неводъ, собираются въ сосуды. Сосуды эти суть обители святыхъ. Тѣхъ великихъ таинъ (secreta) блаженной жизни удостоиваются не всѣ, именующіеся христіанами, а лишь тѣ, кои, именуясь такъ, таковыми и являются. Конечно, въ неводѣ вмѣщаются добрыя и худыя рыбы, и добрыя терпятъ худыхъ, пока, наконецъ, онѣ не будутъ отдѣлены. Въ одномъ мѣстѣ Писанія сказано: «Ты укрываешь ихъ подъ покровомъ лица Твоего» (Псал. XXX, 21). Говорится здѣсь именно о святыхъ. «Ты укрываешь ихъ подъ покровомъ лица

Твоего», т.-е. тамъ, куда не могутъ проникнуть взоры людей, ни помышленія смертныхъ. Желая обозначить нѣкоторыя тайны, слишкомъ сокровенныя, псалмопѣвецъ и сказалъ: «подъ покровомъ лица Твоего» (Божія). Но слѣдуетъ ли думать, что Богъ имѣетъ нѣкое огромное лицо, и что въ лицѣ у Него есть нѣкоторое тѣлесное вмѣстилище, гдѣ будутъ скрыты святые? Все такое, братія, представляемое чувственно, должно быть отвергнуто вѣрующими.

Что нужно разумѣть подъ покровомъ лица Божія, какъ не то, что остается неузнаннымъ относительно этого лица? Итакъ, когда говорится о житницахъ, чтобы обозначить нѣчто сокровенное, а въ другомъ мѣстѣ—о сосудахъ, это не тѣ житницы, которыя мы знаемъ, и не сосуды. Вѣдь, если бы было что-либо одно изъ этого, оно не обозначалось бы другимъ именемъ. Но такъ какъ непостижимое, насколько возможно, уясняется людямъ чрезъ извѣстныя имъ подобія, принимайте въ этомъ смыслѣ и то и другое наименованіе, подразумѣвая таинственное и въ имени житницы и въ наименованіи сосудовъ. Но если станете спрашивать, что же это такое (quale secretum), слушайте пророка, который говоритъ: «Ты укрываешь ихъ подъ покровомъ лица Твоего».

4. Если же это такъ, братія, то мы пока странники въ этой жизни и живемъ вѣрою въ то неизвѣстное отечество. И почему это отечество, коего являемся мы гражданами, неизвѣстно, если не потому, что въ своемъ продолжительномъ блужданіи мы забыли его, такъ что говоримъ о немъ, какъ о неизвѣстномъ? Забвеніе это удаляетъ изъ сердца нашего Господь Іисусъ Христосъ, Царь самаго отечества, приходящій къ невѣдающимъ Его (ad peregrinos). Вслѣдствіе принятія плоти, Божество Его становится путемъ для насъ, такъ что чрезъ человѣка-Христа мы восходимъ и пребываемъ во Христѣ-Богѣ. Итакъ, что же, братія, какимъ словомъ изъяснимъ мы тайну ту, которой не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, и которая не приходила на сердце человѣку (1 Коринѳ. II, 9), или какъ мы проникнемъ въ нее? Иногда мы не можемъ выразить и того, что знаемъ, этого даже, случается, не можемъ выразить. Если же бываетъ, что нельзя высказать даже и того, что знаю я, то насколько труднѣе будетъ слово мое, когда и я, братія, вмѣстѣ съ вами хожу вѣрою, а не видѣніемъ (II Коринѳ. V, 7)? Но я ли только, или

самъ апостолъ? Вѣдь, и онъ утѣшаетъ насъ въ нашемъ незнаніи и утверждаетъ вѣру, говоря: «братія, я не почитаю себя достигшимъ; а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести высшаго званія» (Филип. III, 13, 14), чѣмъ показалъ апостолъ, что находится въ пути. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «водворяясь въ тѣлѣ, мы устранены отъ Господа; ибо мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ» (2-е Коринѳ. V, 6, 7). И еще: «Ибо мы спасены въ надеждѣ. Надежда же, когда видитъ, не есть надежда, ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи» (Римл. VIII, 24—25).

5. Такъ, братія, выслушайте же отъ меня поэтому слово благоговѣйное, смиренное, кроткое, не высокомѣрное и дерзновенное, не необдуманное и безразсудное. Псалмопѣвецъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Я вѣровалъ, поэтому и говорилъ» (Псал. CXV, I). Приведя эти слова, апостолъ добавляетъ: «и мы вѣруемъ, потому и говоримъ» (2-е Коринѳ. IV, 13) Итакъ, хотите ли, чтобы я говорилъ вамъ, что знаю? Не хочу обманывать васъ,—слушайте отъ меня то, во что я увѣровалъ. Пусть не покажется вамъ малоцѣннымъ, если слышите вы то, во что я увѣровалъ, потому что слышите вы мое истинное исповѣданіе. Вѣдь, если бы я сталъ говорить: вотъ, послушайте, что я знаю, вы услышали бы только одно безразсудное самомнѣніе. Всѣ мы, братія, а также, какъ повѣствуютъ писанія святыхъ, и всѣ тѣ, которые прежде насъ жили во плоти, чрезъ которыхъ Духъ Божій, говоря, сообщалъ людямъ столько, сколько нужно было для странствующихъ,—всѣ говоримъ то, чему вѣруемъ; Господь одинъ лишь говоритъ то, что знаетъ. Но что же изъ того, если одинъ Господь говоритъ о будущей вѣчной жизни то, что знаетъ, а другіе—послѣдователи Господа говорили объ этомъ лишь потому, что вѣрили?! Но мы знаемъ, что и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ иногда не говоритъ того, что знаетъ. Въ одномъ мѣстѣ Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: «еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить» (Іоан. XVI, 12), вслѣдствіе немощи ихъ, а не вслѣдствіе того, что не могъ, не хотѣлъ сказать Онъ того, что зналъ. По причинѣ этой общей всѣмъ намъ немощи и мы не то, что знаемъ, хотимъ высказать достойно,

но чему вѣримъ, то изъясняемъ, какъ можемъ; вы же, насколько можете, принимайте это. И если кто изъ васъ можетъ разумѣть больше, нежели я могу сказать, тотъ пусть не останавливается около малаго ручейка, но стремится къ преизобильному источнику; потому что у Того источникъ жизни, во свѣтѣ Коего мы увидимъ свѣтъ (Псал. XXXV, 10).

6. Итакъ, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, мы уже говорили объ этомъ (disputavimus). Такъ мы вѣруемъ, такъ должны вѣрить; такъ говоримъ мы, потому что такъ увѣровали,—если только мы христіане,—созерцая могущество руки Господней, всюду поражающей гордость языческую и столь широко распространяющей эту вѣру по лицу земли, какъ это обѣщано было гораздо ранѣе, чѣмъ случилось. Видя это, мы побуждаемся къ вѣрѣ въ то, чего еще не видимъ, чтобы получить самое видѣніе, какъ награду за вѣру. И такъ какъ теперь ясно для вѣры нашей, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, такъ ясно, что если бы кто усумнился въ этомъ, тотъ недостойно носилъ бы и самое имя христіанина, возникаетъ вопросъ далѣе о томъ, какія тѣла будутъ имѣть святые, и какова будетъ жизнь ихъ? Многіе думаютъ, что если и есть воскресеніе, то только духовное (per solas animas).

7. Однако, о томъ, что и тѣла воскреснутъ, нѣтъ нужды долго говорить послѣ предшествующей бесѣды. Теперь возникаетъ такого рода вопросъ; если воскреснутъ тѣла, то каковы они будутъ: такія ли, какъ теперь, или другія? Если другія, то какія? Если такія же, то, слѣдовательно, способны они на тѣ же и дѣла? Но что неспособны они на тѣ же дѣла, объ этомъ говоритъ Господь и учитъ апостолъ. Не для той же, вѣдь, жизни предназначаются они, не для тѣхъ же дѣлъ смертныхъ, тлѣнныхъ, временныхъ и преходящихъ, не для тѣлесныхъ радостей, не для плотскихъ наслажденій. Если же предназначены они не для тѣхъ же дѣлъ, то, слѣдовательно, и не таковы они будутъ. Если не таковы, то какъ же воскреснетъ тѣло? Ученіе о воскресеніи тѣла содержимъ мы, какъ основное ученіе вѣры, и крестимся, исповѣдуя это ученіе. И что мы тамъ исповѣдуемъ, исповѣдуемъ отъ истины и въ истинѣ, въ которой мы живемъ и движемся и существуемъ. Вѣдь, временными дѣяніями и нѣкоторыми преходящими, совершающимися предъ нами, фактами мы назидаемся (instruimur) для жизни

вѣчной. И все, что совершилось въ исторіи вѣры Христовой, совершилось для того, чтобы мы слышали нѣчто спасительное для насъ, какъ то: рожденіе Господа нашего, Его голодъ и жажда, узы, поношеніе, бичеваніе, распятіе, смерть, погребеніе, воскресеніе, на небеса восхожденіе. Все это прешло, и когда предсказывались эти событія, предсказывались нѣкоторыя временныя и преходящія явленія вѣры нашей. Но развѣ отъ того, что они (явленія эти) преходятъ, преходитъ и то, въ чемъ они назидаютъ? Пусть попытается святость ваша уразумѣть это чрезъ нѣкоторое подобіе. Вотъ архитекторъ строитъ посредствомъ временныхъ приспособленій домъ. Вѣдь, и въ этомъ, столь великомъ, просторномъ зданіи (проповѣдникъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, базилику, въ которой произноситъ свою бесѣду), когда строилось оно, были приспособленія, которыхъ здѣсь нѣтъ теперь, потому что то, что строилось посредствомъ ихъ, стоитъ уже законченнымъ. Такъ, братія, созидалось нѣчто и въ вѣрѣ христіанской, и здѣсь нужны были нѣкоторыя временныя посредства. Вѣдь, напр., что Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ, — это уже прешло. Теперь Онъ уже не воскресаетъ. То, что вознесся на небо, тоже прешло, и Онъ уже не возносится. А что Онъ «уже не умираетъ, смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти» (Римл. VI, 9), что вѣчно остается въ Немъ человѣческая природа, которую принять, въ которой родиться, умереть и быть погребеннымъ благоволилъ Онъ, это и есть именно то, что какъ бы уже закончено и что остается вѣчнымъ. Орудія, чрезъ которыя создано это, прешли. Потому что не всегда зачинается во утробѣ дѣвичей, не всегда рождается отъ Дѣвы Маріи Христосъ, не всегда подвергается заключенію, не всегда судится, бичуется, распинается и погребается. Все это были посредства, чтобы чрезъ нихъ могло быть создано то, что пребываетъ вѣчно. Теперь воскресшій Господь нашъ Іисусъ Христосъ пребываетъ на небѣ (Haec autem resurrectio Domini nostri Jesi Christi in coelo posita est).

8. Пусть же любовь ваша обратитъ вниманіе на это дивное строеніе. Вотъ, и земныя зданія своею тяжестью давятъ землю, и все направленіе тяжести въ этомъ большомъ строеніи опирается на землю, и если нѣтъ поддержки, стремится книзу, куда влечетъ его тяжесть. Слѣдовательно, когда

постройка воздвигается на землѣ, въ землѣ предварительно закладывается фундаментъ, чтобы уже надъ фундаментомъ спокойно могъ строить тотъ, кто ведетъ постройку. Такимъ образомъ, внизу кладетъ онъ крѣпчайшія глыбы, чтобы онѣ удобно могли выдерживать то, что накладывается сверху, и сообразно съ величиною зданія бываетъ величина фундамента, который закладывается, какъ я сказалъ, въ землѣ, потому что и то, что строится сверху, строится во всякомъ случаѣ на землѣ. Іерусалимъ же нашъ тотъ горній (peregrinus) созидается на небѣ. Потому и восшелъ Христосъ, основаніе его, на небо. Тамъ фундаментъ нашъ и глава церкви, такъ какъ, вѣдь, и фундаментъ называется главою и на самомъ дѣлѣ бываетъ такъ. Фундаментъ есть глава зданія, и заглавіе бываетъ не тамъ, гдѣ кончается что-либо, но гдѣ стихъ начинается. Вершины земныхъ зданій выдаются вверхъ, основу же ихъ (главу) утверждаютъ въ землѣ. Такъ и глава церкви—Христосъ восшелъ на небо и сѣдитъ одесную Отца. Какъ поступаютъ люди, когда, въ видахъ укрѣпленія основанія, употребляютъ нѣчто такое, что закладываютъ внизу для безопасности поднимающейся вверхъ громады будущаго строенія, такъ и все то, что случилось со Христомъ: рожденіе, возрастаніе, заключеніе, поношеніе, бичеваніе, распятіе, смерть, погребеніе,—все это употреблено, какъ средство, въ фундаментъ небеснаго зданія.

9. Итакъ, если вверху (in summis) положено основаніе наше, то и будемъ утверждаться на немъ. Слушай апостола. «Никто, говоритъ онъ, не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ»—(1-е Коринѳ. III, 11), и далѣе: «строитъ ли кто, продолжаетъ апостолъ, на этомъ основаніи изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, дерева, сѣна, соломы» (Тамъ же, ст. 12)?.. Христосъ, хотя на небѣ, но также и въ сердцѣ вѣрующихъ. Если первое мѣсто здѣсь занимаетъ Христосъ, то основаніе положено правильно. И кто строитъ, пусть строитъ спокойно, если по достоинству фундамента строитъ изъ золота, серебра, и драгоцѣнныхъ камней. Если же кто беретъ матеріалъ не по достоинству фундамента: дерево, сѣно, солому,—тотъ пусть хранитъ по крайней мѣрѣ фундаментъ и съ тѣмъ, что выстроилъ, пусть готовится для испытанія на огнѣ. Однако, если у кого-либо есть фундаментъ, т.-е. если первое мѣсто въ сердцѣ занимаетъ Христосъ, а все временное цѣнится такъ, что Господь Христосъ предпочитается ему и занимаетъ въ сердцѣ фундаментъ, т.-е. первое мѣсто, такой, по слову апостола, «потерпитъ уронъ; впрочемъ, самъ спасется, но такъ, какъ бы изъ огня» (1-е Коринѳ. III, 15). Теперь нѣтъ времени увѣщевать васъ, чтобы вы лучше строили на столь великомъ и крѣпкомъ фундаментѣ изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, а не изъ дровъ, сѣна и соломы; но и кратко сказанное примите такъ, какъ будто бы было говорено оно долго и во многихъ словахъ. Вѣдь, если бы кому-либо изъ васъ, братія, за то, что онъ любитъ теперь, угрожало заключеніе въ смрадной тюрьмѣ, онъ скорѣе бы пожелалъ лишиться всего, нежели попасть въ такое мѣсто. Но вотъ, не знаю, почему, когда говорится объ огнѣ будущаго суда, всѣ къ этому равнодушны и, боясь обыкновеннаго пламени, пламя геенны считаютъ ни во что. Какое еще нужно ожесточеніе? Какое еще развращеніе сердца? Пусть бы хотя такъ люди боялись словъ апостола объ огнѣ, какъ всякій боится, чтобы не сгорѣть живымъ, что происходитъ скоро, пока оставляющее тѣло ощущеніе не сдѣлаетъ излишнимъ самаго пламени, и все же человѣкъ боится мученія и не дѣлаетъ того, что запрещается закономъ, опасаясь попасть въ мѣсто даже кратковременнаго страданія.

10. Впрочемъ, братія, повторяю, теперь нѣтъ времени разсуждать объ этомъ предметѣ. Скажу лишь, что того же нужно ждать намъ въ воскресеніи мертвыхъ, что случилось съ Главою нашею, что произошло съ тѣломъ Господа нашего Іисуса Христа. Кто думаетъ иначе, тотъ уже не строитъ на основаніи не только изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, но даже и изъ соломы. Внѣ основанія полагаетъ онъ все, потому что не на Христѣ полагаетъ. Господь нашъ воскресъ въ томъ тѣлѣ, въ какомъ былъ погребенъ. Воскресеніе обѣщается и христіанамъ. Будемъ же ожидать такого воскресенія, какое въ Господѣ нашемъ предшествовало общей вѣрѣ нашей. Для того предшествовало, чтобы на немъ утверждалась эта вѣра. Итакъ, что же? Почему же не такими мы будемъ, каковы теперь? Потому что плоть Господа нашего Іисуса Христа воскресла, но вмѣстѣ и вознеслась на небо. На землѣ если и совершала она земныя дѣла, то для

того лишь, чтобы убѣдить, что воскресло тò именно, что и погребено было. Но развѣ и на небѣ такая же пища для нея!? Какъ извѣстно, и ангелы на землѣ совершали дѣла человѣческія. Явились они къ Аврааму и ѣли. Съ Товіей также былъ ангелъ и вкушалъ пищу. Зачѣмъ говорить, что вкушеніе то было призрачное, а не дѣйствительное? Развѣ неизвѣстно, что Авраамъ закололъ теленка, взялъ хлѣбы и положилъ на столъ, что онъ служилъ ангеламъ, и они ѣли (Быт. XVIII, 1—9)? Все это произошло дѣйствительно и выражено весьма ясно.

11. Но что говоритъ въ книгѣ Товита ангелъ? «Видите вы меня вкушающимъ, но только взорамъ вашимъ представляется это» (Тов. XII, 19). Неужели это значитъ, что онъ не вкушалъ, но только казалось, что вкушалъ? Что же значатъ эти слова: «только взорамъ вашимъ представляется это»? Но пусть святость ваша внимаетъ тому, чтò я говорю; болѣе внимательны будьте къ словамъ моимъ, а не ко мнѣ, чтобы, какъ вы могли понять то, что мы говоримъ, такъ и мы могли бы сказать это съ пользою для вашего слышанія и пониманія. Вѣдь, тѣло наше, пока оно тлѣнно и смертно, постоянно нуждается въ подкрѣпленіи, иначе является голодъ. Мы голодаемъ и жаждемъ, и если терпимъ голодъ и жажду болѣе, чѣмъ тѣло можетъ перенести, оно приходитъ тогда въ опасное истощеніе и въ нѣкоторую болѣзненную слабость, когда силы его падаютъ и не поддерживаются. Если же это продолжится, то слѣдуетъ смерть. И всегда изъ нашего тѣла выходитъ нѣчто, какъ бы въ какое выходное русло; но мы не чувствуемъ упадка силъ, потому что чрезъ подкрѣпленіе себя получаемъ новыя силы. Что входитъ въ насъ вдругъ (copiose), то выходитъ постепенно, такъ что подкрѣпляемся мы въ короткое время, а ослабѣваемъ мало-по-малу, въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, лишаясь тѣхъ силъ, кои получаются нами при подкрѣпленіи. Какъ масло вливается въ свѣтильникъ въ короткое время, а горитъ понемногу и долго, когда же сгоритъ почти все, тогда слабость пламени, какъ бы голодъ свѣтильника, заставляетъ насъ позаботиться о поддержаніи его, и снова является въ свѣтильникѣ свѣтъ, подкрѣпленный своей пищей, когда вливается туда масло, такъ силы наши, которыя получаемъ мы вслѣдствіе принятія пищи,

хотя и постепенно (paulatim), исчезаютъ и оставляютъ насъ. Вѣдь, это самое совершается въ насъ и теперь, во время всѣхъ дѣйствій нашихъ, и во время самаго даже покоя нашего не перестаетъ выходить изъ насъ то, что получено. И если совсѣмъ будетъ израсходовано, тогда человѣкъ умираетъ, гаснетъ, какъ свѣча. Но чтобы не умирать, т.-е. чтобы не уничтожалась, не прекращалась эта тѣлесная наша жизнь, и чтобы дать тѣлу нѣкоторую бодрость, мы стараемся возмѣстить то, что уходитъ, и подкрѣпляемъ себя. Зачѣмъ бы сталъ человѣкъ подкрѣплять себя, если бы нисколько не ослабѣвалъ? Вслѣдствіе таковой немощи нашей и тлѣнія мы и умремъ всѣ, такъ какъ тѣло наше таково, что подлежитъ смерти. Эту смертность знаменуютъ и кожи, въ которыя одѣлись Адамъ и Ева, когда изгнаны были изъ рая (Быт. III, 21—24). Смерть знаменуютъ онѣ, такъ какъ берутся обыкновенно съ мертвыхъ животныхъ. Итакъ, пока мы носимъ эту тяготѣющую надъ нами немощь, которая, хотя бы и никогда не было недостатка въ пищѣ для нея, почерпаетъ отсюда лишь нѣкоторыя силы, но не дѣлается совсѣмъ безсмертной (такъ какъ тѣло, съ постепеннымъ увеличеніемъ возраста, достигая нѣкогда предѣла старости, не найдетъ далѣе ничего, кромѣ смерти. Вѣдь, и свѣтильникъ, хотя бы ты всегда подливалъ масло, не вѣчно будетъ горѣть и, если не гаснетъ отъ другихъ причинъ, самая сердцевина его въ концѣ концовъ слабѣетъ и уничтожается отъ нѣкоторой какъ бы старости), пока, говорю, мы имѣемъ такія тѣлá, мы, вслѣдствіе слабости нашей, терпимъ нужду, голодаемъ и, побуждаемые голодомъ, принимаемъ пищу. Ангелъ же не вслѣдствіе такой нужды принимаетъ пищу. Одно значитъ дѣлать что-нибудь добровольно (ex potestate), и другое—по необходимости. Вкушаетъ человѣкъ, чтобы не умереть; вкушаетъ ангелъ, чтобы уподобиться смертнымъ. Потому что, если ангелъ не боится смерти, то онъ не нуждается и въ подкрѣпленіи отъ слабости; если не нуждается въ подкрѣпленіи отъ слабости, слѣдовательно, не отъ нужды вкушаетъ. Но тѣ, которые видѣли ангела вкушающимъ, считали его какъ бы терпящимъ голодъ. Это именно и означаютъ слова: «но только взорамъ вашимъ представляется это». Не сказалъ онъ: вы видѣли меня вкушающимъ, но я не вкушалъ. «Видите, сказалъ онъ, меня вкушающимъ, но

только взоромъ вашимъ представляется это», т.-е., я вкушаю, чтобы уподобиться вамъ, не потому, что я терплю какой-либо голодъ или нужду, по причинѣ чего сами вы привыкли вкушать пищу, такъ что, когда увидите кого вкушающимъ, думаете, что это дѣлается по нуждѣ, вы, которые по своимъ привычкамъ судите о томъ, что видите. Вотъ что значатъ слова: «только взоромъ вашимъ представляется это».

12. Итакъ, что же, братія мои? «Знаемъ, какъ говоритъ апостолъ, что Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ: смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Ибо, что Онъ умеръ, то умеръ однажды для грѣха; а что живетъ, то живетъ для Бога» (Римл. VI, 9—10). Итакъ, если Онъ уже не умираетъ, и смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти, то и мы будемъ надѣяться, что воскреснемъ, и въ томъ же видѣ (statu) пребудемъ, въ какой измѣнимся при воскресеніи. И хотя будемъ имѣть возможность ѣсть и пить, но необходимости для этого у насъ не будетъ тогда. Если же Господь вкушалъ по воскресеніи, то лишь потому, что во плоти еще были тѣ, коимъ Онъ хотѣлъ уподобиться, и коимъ считалъ нужнымъ показать даже раны Свои. Тотъ, Кто создалъ очи слѣпому, коихъ онъ не получилъ во утробѣ матери, имѣлъ силу воскреснуть и безъ язвъ. Если бы хотѣлъ Онъ немощь плоти Своей даже прежде смерти измѣнить такъ, чтобы она не подлежала никакому закону необходимости (ut non haberet aliquam necessitatis inopiam), то могъ бы, конечно: это было въ Его власти, потому что былъ Онъ Богъ во плоти и Сынъ столь же Всемогущій, какъ Всемогущъ Отецъ. И Онъ, дѣйствительно, прежде смерти Своей измѣнялъ тѣло Свое, какъ хотѣлъ. Такъ, когда былъ Онъ на горѣ съ учениками Своими, лице Его просіяло, какъ солнце (Матѳ. XVII, 2). Это Онъ сдѣлалъ Своею силою, желая показать, что Онъ могъ бы избавить плоть Свою отъ всякой немощи (если бы это было угодно Ему), такъ чтобы она не умирала. «Имѣю власть, говоритъ Онъ, отдать ее (жизнь Свою), и власть имѣю опять принять ее». «Никто не отнимаетъ ея у Меня» Іоанн. X, 18). Подлинно, великая власть, по которой Онъ могъ бы и не умереть. Но больше ея было милосердіе, вслѣдствіе коего Онъ благоволилъ претерпѣть смерть. Чего могъ бы и не дѣлать по Своей власти, это сдѣлалъ Онъ по Своему милосердію, чтобы положить основаніе нашему воскресенію,

такъ что то именно смертное, что принялъ Онъ ради насъ, и умирало въ Немъ, потому что и мы умремъ, оно и воскресло къ безсмертію, чтобы и мы получили упованіе безсмертія. Поэтому въ Писаніи и говорится, что прежде смерти Онъ не только ѣлъ и пилъ, но терпѣлъ голодъ и жажду, а послѣ воскресенія только ѣлъ и пилъ, но не голодалъ и не жаждалъ, такъ какъ пребывалъ въ тѣлѣ, болѣе уже не подлежащемъ смерти, въ тѣлѣ нетлѣнномъ, подкрѣплять которое не было необходимости, хотя способность принимать пищу и была въ Немъ. Дѣлалось это для уподобленія, не съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить немощную плоть, а чтобы доказать, что то была истинная плоть.

13. Однако, противъ этой столь несомнѣнной истины нѣкоторые дѣлаютъ слѣдующее возраженіе. Нѣтъ, говорятъ они, не воскреснетъ плоть. Потому что, если воскреснетъ, то, слѣдовательно, наслѣдуетъ и царствіе Божіе. Апостолъ же ясно говоритъ, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія» (1-е къ Коринѳ. XV, 50). Итакъ, неужели мы проповѣдуемъ несогласно съ ученіемъ апостола, или и самъ онъ проповѣдывалъ несогласно съ Евангеліемъ? Евангеліе Божественными устами свидѣтельствуетъ: «и Слово стало плотью и обитало съ нами» (Іоанн. I, 14). Если стало плотію, то плотію, конечно, истинною. Вѣдь, если бы не было истинной плоти, не было бы и плоти. Какъ истинна плоть Маріи, такъ истинна и плоть Христа, отъ нея зачатая. Эта истинная плоть была схвачена, подверглась бичеванію, заушенію и распятію. Она умерла и была погребена. Эта же истинная плоть и воскресла; свидѣтельствуютъ о томъ раны на тѣлѣ, видятъ это тѣло ученики своими глазами и дивятся, ощупываютъ его руками, чтобы не сомнѣвался духъ. Неужели же, братія, эту столь же очевидную истину, которую такимъ образомъ благоволилъ Господь доказать ученикамъ Своимъ, имѣвшимъ проповѣдывать по всей землѣ, хочетъ опровергнуть, повидимому, апостолъ, когда говоритъ, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія?»

14. Уже этого одного достаточно было бы для обличенія указаннаго пустословія лжецовъ. Однакоже, тщательнѣе вникнемъ въ то, что говоритъ апостолъ, и почему оно сказано.

Постараюсь говорить такъ, чтобы по возможности легче

было дать отвѣтъ противникамъ. О чемъ повѣствуетъ Евангеліе? О томъ, что Христосъ воскресъ въ томъ самомъ тѣлѣ, въ какомъ погребенъ, что Его видѣли и осязали, что ученикамъ, думающимъ о Немъ, что то былъ духъ, Онъ говоритъ: «осяжите Меня и разсмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня» (Лук. XXIV, 39). А что говоритъ апостолъ? «Плоть и кровь, говоритъ онъ, не могутъ наслѣдовать царствія Божія». Однако, и то и другое примиряю я. Не хочу говорить, что тутъ есть противорѣчіе, чтобы не идти противъ рожна. Но какимъ образомъ возможно примирить то и другое? Кратко можно было бы отвѣтить на это такъ: апостолъ говоритъ, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія». Правильно говоритъ онъ, потому что не прилично плоти наслѣдовать, обладать, но быть обладаемой. Вѣдь, не тѣло твое владѣетъ, напр., чѣмъ-либо, а владѣетъ душа твоя, которая владѣетъ и тѣломъ самымъ. Слѣдовательно, если такъ воскреснетъ тѣло, что не только не будетъ имѣть чего-либо, но само будетъ составлять принадлежность другого, если оно не будетъ владѣть, а само составитъ предметъ обладанія, то что удивительнаго, если плоть и кровь царствія Божія не наслѣдуютъ, такъ какъ сами будутъ находиться во власти другого? Надъ тѣми только владычествуетъ плоть, которые составляютъ не царство Божіе, но царство діавола и служатъ удовольствіямъ плоти. Потому и разслабленный принесенъ былъ на постели, но Господь, исцѣливъ его, говоритъ ему: «возьми постель твою и иди въ домъ твой» (Марк. II, 11). Исцѣлившись отъ паралича, онъ уже владѣетъ плотію и ведетъ ее, куда хочетъ; не влечется самъ ею, куда не хочетъ, но самъ управляетъ тѣломъ своимъ, а не оно управляетъ имъ. Несомнѣнно, что и въ будущемъ воскресеніи плоть не будетъ имѣть увлекающей силы, чтобы чрезъ нѣкоторыя обольщенія и приманки вести душу туда, куда она не хочетъ, и, однако, преодолѣвается часто, говоря съ апостоломъ: «въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ» (Римл. VII, 23). Это значитъ, что разслабленный еще какъ бы на постели, не въ состояніи самъ нести. Пусть же восклицаетъ онъ: «бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла

смерти»,—и пусть въ отвѣтъ на это говоритъ: «благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ» (Римл. VII, 24—25). Такимъ образомъ, когда мы воскреснемъ, не плоть будетъ управлять нами, а мы плотію; если же такъ, то мы будемъ и владычествовать надъ нею, потому что, освободившись отъ власти діавола, мы будемъ царствомъ Божіимъ.

Итакъ, плоть и кровь царства Божія не наслѣдуютъ. Пусть же умолкнутъ поэтому тѣ пустословы, которые дѣйствительно суть плоть и кровь и не могутъ мыслить иначе, какъ только о плотскомъ. О нихъ-то именно, погрязшихъ въ плотскихъ вожделѣніяхъ, почему и называются они справедливо плотію и кровью, и говорится, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія».

Такъ можно рѣшать этотъ вопросъ, т.-е. что не могутъ наслѣдовать царствія Божія люди, именующіеся плотію и кровію (ихъ также имѣетъ въ виду апостолъ, когда говоритъ: «наша брань не противъ плоти и крови»—Ефес. VI, 12), если они не обратятся отъ плотской жизни къ жизни духовной и духомъ не умертвятъ грѣховныхъ дѣлъ плоти.

15. Что же говоритъ апостолъ?—спроситъ кто-нибудь. Конечно, то толкованіе слѣдуетъ считать болѣе истиннымъ, которое согласуется съ контекстомъ рѣчи. Поэтому, самого его лучше послушаемъ и, по связи рѣчи, посмотримъ, что хотѣлъ высказать онъ въ этомъ мѣстѣ. А говоритъ онъ такъ: «первый человѣкъ изъ земли перстный; вторый человѣкъ—Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные; и какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго. Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія» (1 Коринѳ. XV, 47—50). Разсмотримъ это поподробнѣе. «Первый человѣкъ, говоритъ апостолъ, изъ земли перстный; второй человѣкъ—Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные», т.-е. всѣ смертны. «И каковъ небесный, таковы и небесные», т.-е. всѣ воскреснутъ. Уже воскресъ небесный человѣкъ и вознесся на небо. Посредствомъ вѣры мы возсоединяемся съ Нимъ, такъ что Онъ является Главою нашею, а члены въ своемъ порядкѣ слѣдуютъ за Главою, и что ранѣе показано было во Главѣ, это въ свое время явлено бу-

детъ и въ членахъ. Пока же будемъ содержать это и носить вѣрою, чтобы въ свое время достигнуть и видѣнія. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ апостолъ: «если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сѣдитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ» (Колосс. III, 1—2). Такимъ образомъ, хотя мы еще и не воскресли, подобно Христу, тѣломъ, говорится, однако, что вѣрою мы воскресли со Христомъ; такъ же точно апостолъ заповѣдуетъ намъ носить образъ небеснаго человѣка, т.-е. Того, Который уже на небесахъ.

16. Когда же кто спроситъ, почему о второмъ человѣкѣ говоритъ апостолъ, что онъ съ неба, хотя Господь принялъ тѣло отъ земли, и Марія также произошла отъ Адама и Евы, такой пусть знаетъ, что человѣкъ названъ «перстнымъ» по причинѣ того земного вожделѣнія, той земной страсти, когда, въ силу сопряженія мужа и жены, рождаются люди, наслѣдуя отъ родителей и грѣхъ первородный. Тѣло же Господа воспринято было Имъ отъ утробы дѣвичей отнюдь не вслѣдствіе такого вожделѣнія. На основаніи этого, хотя Христосъ и отъ земли принялъ плоть, на что указываетъ, по толкованіямъ, Духъ Святый, когда говоритъ устами пророка, что «истина возникнетъ изъ земли» (Псал. LXXXIV, 12), однакоже, Онъ называется не земнымъ, а небеснымъ человѣкомъ, Господомъ съ неба. Потому что, если и вѣрующимъ далъ Онъ это право (наименованія) по Своей милости, такъ что апостолъ справедливо указываетъ «наше жительство на небесахъ» (Филипп. III, 20), то насколько болѣе долженъ быть названъ небеснымъ человѣкомъ Тотъ, въ Комъ никогда не было никакого грѣха? Вѣдь, вслѣдствіе грѣха, сказано было человѣку: «земля еси, и въ землю отыдеши» (Быт. III, 19). Слѣдовательно, по справедливости называется небеснымъ Тотъ, Коего жительство всегда на небесахъ, хотя Сынъ Божій, сдѣлавшись также Сыномъ Человѣческимъ, и принялъ тѣло отъ земли, т.-е., хотя и принялъ образъ раба, такъ какъ никто не восходитъ куда-либо, если сначала не сойдетъ. Вмѣстѣ съ Нимъ восходятъ въ Немъ и прочіе, кому Онъ соблаговолилъ дать это право, потому что они дѣлаются тѣломъ Его. Тайна эта великая по отношенію ко Христу и къ Церкви. «И будутъ двое одна плоть»,—пишетъ апостолъ (Ефес. V, 31). Также и въ другомъ мѣстѣ говорится:

«они уже не двое, но одна плоть» (Матѳ. XIX, 6). И еще: «Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ Человѣческій, Сущій на небесахъ» (Іоан. III, 13). Для того прибавлено здѣсь: «Сущій на небесахъ», чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ оставилъ жительство на небесахъ, когда явился въ тѣлесномъ видѣ на землю. Итакъ, «какъ носили мы образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго», именно вѣрою, чрезъ которую мы и воскреснемъ съ Нимъ, ища горняго, «гдѣ Христосъ сѣдитъ одесную Бога». И потому будемъ стремиться къ горнему, о горнемъ помышлять, а не о земномъ.

17. Но апостолъ говоритъ здѣсь и о воскресеніи тѣла, потому что раньше онъ ставитъ такой вопросъ: «но скажутъ нѣкоторые: какъ воскреснутъ мертвые и въ какомъ тѣлѣ придутъ» (1 Коринѳ. XV, 35)? И для того сказалъ онъ: «первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ—Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные», чтобы мы надѣялись, что и съ нашимъ тѣломъ совершится то же, что случилось ранѣе съ тѣломъ Христа, и такъ какъ мы еще не получили этого, то содержимъ теперь пока вѣрою, почему онъ далѣе и говоритъ: какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго». Однако, чтобы не подумали мы, что воскреснемъ для тѣхъ же дѣлъ, какія свойственны первому перстному, тлѣнному человѣку, онъ тотчасъ же прибавляетъ: «но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія» (1 Коринѳ. XV, 50), желая показать при этомъ, что называетъ онъ плотью и кровью не самое тѣло, а тлѣніе, коего тогда (въ царствѣ Божіемъ) не будетъ. Это будетъ тѣло безъ тлѣнія (corpus), но не плоть (caro) и кровь. Если плоть, то значитъ, умираетъ. Если же не умираетъ и не подвергается тлѣнію, то это уже называется не плотью, а тѣломъ. Если же и называется иногда плотью, то не въ собственномъ смыслѣ, а лишь по причинѣ видимаго только сходства. На основаніи этого сходства можемъ мы говорить даже о плоти ангеловъ, когда являлись они людямъ въ образѣ людей, хотя они имѣли тѣло, а не плоть, потому что имъ не было свойственно тлѣніе. Вотъ поэтому-то, т.-е., такъ какъ можемъ мы по сходству называть плотію и тѣло нетлѣнное, апостолъ по-

печительно потомъ и указываетъ, что̀ именно называетъ онъ плотію и кровію. А желая показать, что онъ имѣетъ въ виду здѣсь именно тлѣніе, а не тѣло само по себѣ, онъ тотчасъ же прибавляетъ: «и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія» (1 Коринѳ. XV, 50). Какъ бы такъ говоритъ онъ: а что сказалъ я: «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія»,—сказалъ это въ томъ смыслѣ, что «тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія».

18. Но кто-нибудь станетъ говорить, пожалуй: если тлѣніе не будетъ имѣть мѣста тамъ, то какъ же тамъ можетъ быть тѣло наше? Что говоришь ты?—какъ бы такъ кто-нибудь сталъ возражать апостолу. Не напрасно ли вѣримъ мы въ воскресеніе плоти? Если плоть и кровь царствія Божія не наслѣдуютъ, то не напрасно ли мы вѣримъ, что Господь нашъ воскресъ изъ мертвыхъ въ тѣлѣ, въ какомъ рожденъ и распятъ, что Онъ вознесся на небо на глазахъ учениковъ Своихъ, съ каковаго неба говорилъ потомъ къ тебѣ: «Савлъ, Савлъ! что ты гонишь Меня» (Дѣян. IX, 4)? Приходило, конечно, и это возраженіе на мысль святому и блаженному апостолу Павлу, рождающему дѣтей своихъ благовѣствованіемъ во Христѣ Іисусѣ (1 Коринѳ. IV, 15), которыхъ хотѣлъ рождать онъ до тѣхъ поръ, пока не изобразится въ нихъ Христосъ (Галат. IV, 19), т.-е. пока не станутъ они вѣрою носить въ себѣ образъ Того, Который есть «Господь съ неба» (qui de coelo est). Не желалъ онъ, понятно, чтобы оставались они въ заблужденіи и воображали, что и въ царствѣ Божіемъ, въ той вѣчной жизни станутъ они дѣлать то же самое, что дѣлали въ этой жизни,—ѣсть, пить, выходить замужъ, жениться и рождать по плоти, потому что эти дѣла свойственны тлѣнію, а не самому виду плоти (haec enim opera corruptio carnis habet, non ipsa species carnis).

Итакъ, что мы воскреснемъ не для такихъ дѣлъ, на это раньше указалъ, какъ уже говорено было, Господь въ евангельскомъ чтеніи, которое только что читано было. Іудеи, хотя и вѣрили въ воскресеніе плоти, однако думали, что въ воскресеніи будетъ та же жизнь, какую они проводятъ въ этой жизни. Притомъ, думая такъ плотски, они не могли отвѣтить саддукеямъ, предложившимъ имъ вопросъ, касающійся воскресенія, кому женой будетъ женщина, которую послѣдовательно брали себѣ въ жены семь братьевъ, каждый желая возстановить сѣмя умершему брату своему. Саддукеи—это была секта іудейская, непризнававшая воскресенія. Іудеи не могли отвѣтить на этотъ вопросъ имъ и чувствовали себя въ затрудненіи, потому что думали, что царствіе Божіе доступно для плоти и крови, т.-е. нетлѣніе возможно для тлѣнія. Но вотъ приходитъ Сама Истина и вопрошается и обольщенными, и обольстителями-саддукеями; вопросъ этотъ предлагается Господу. И Господь, зная, что̀ сказать, и желая, чтобы мы вѣрили въ то, чего не знаемъ, авторитетомъ величія Своего утверждаетъ то, чему мы должны вѣрить. Апостолъ же поясняетъ это, насколько ему дано было, чтобы мы, по мѣрѣ возможности, могли уразумѣть то. Итакъ, что же отвѣчаетъ Господь саддукеямъ? «Заблуждаетесь, говоритъ Онъ, не зная Писаній, ни силы Божіей, ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ» ...«и умереть уже не могутъ, а равны ангеламъ Божіимъ». Велико могущество силы Божіей. Почему не выходятъ замужъ въ воскресеніи, почему не женятся? Потому что не могутъ умереть, потому что только тамъ прибыль, гдѣ убыль (ibi enim successor, ubi decessor). Въ воскресеніи же не будетъ тлѣнія. Самъ Господь нашъ проходилъ возрастъ отъ младенчества до юности, потому что носилъ существо смертной плоти. Но послѣ того, какъ воскресъ онъ въ томъ возрастѣ, въ какомъ погребенъ,—станемъ ли мы думать, что Онъ и на небѣ проходитъ возрасты (senescere)? Но тамъ «пребываютъ, говоритъ Онъ, какъ ангелы Божіи». Такъ Имъ съ корнемъ вырвано заблужденіе іудеевъ и отвергнута ложь саддукеевъ, потому что іудеи, признавая, что и мертвые воскреснутъ, думали, что воскреснутъ для плотскихъ дѣлъ. Итакъ, будутъ тамъ, говоритъ Господь, какъ ангелы Божіи. Вотъ, выслушалъ ты о силѣ Божіей. Теперь послушай, что говоритъ Господь и о Писаніи. «А о воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы, заключаетъ Онъ, реченнаго вамъ Богомъ: Я Богъ Авраама, и Богъ Исаака, и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ» (Матѳ. XXII, 23—32; Лук. XX, 27—38).

19. Итакъ, о томъ, что мы воскреснемъ, было уже сказано. О томъ, что воскреснемъ для жизни ангельской, слышали вы отъ Господа. А въ какомъ образѣ воскреснемъ, это Онъ Самъ показываетъ въ Своемъ воскресеніи. Что не будетъ тамъ тлѣнія, апостолъ такъ говоритъ объ этомъ:

«но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія» (1-е Коринѳ. XV, 50), желая послѣдними словами показать, что подъ именемъ плоти и крови онъ разумѣетъ тлѣнность смертнаго, животнаго тѣла. Затѣмъ, онъ самъ уже разрѣшаетъ вопросъ, съ которымъ могли бы обратиться къ нему любознательные слушатели, потому что болѣе внимателенъ онъ къ разумѣнію дѣтей своихъ, нежели дѣти къ словамъ родителей. «Говорю вамъ тайну», добавляетъ онъ. Пусть исчезнетъ пытливость твоя, человѣкъ, кто бы ты ни былъ. Вотъ сталъ ты думать по поводу словъ апостола, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія», будто плоть человѣческая не воскреснетъ. Но выслушай дальнѣйшія слова и исправь дерзость мысли своей. «Говорю вамъ, замѣчаетъ апостолъ, тайну: всѣ мы воскреснемъ, но не всѣ измѣнимся (omnes resurgemus, non tamen omnes immutabimur—1-е Коринѳ. XV, 51) [1]. Что же это значитъ? Перемѣна, конечно, можетъ быть или къ худшему, или къ лучшему. Итакъ, если имѣетъ быть перемѣна, и мы еще не видимъ, къ лучшему ли будетъ она, или къ худшему, пусть же онъ самъ продолжитъ и изъяснитъ это. Зачѣмъ гадать намъ о томъ? Можетъ быть, авторитетъ апостола не дастъ тебѣ впасть въ заблужденіе при твоихъ гаданіяхъ и ясно укажетъ, какого рода перемѣна разумѣется тутъ. Такъ какъ сказалъ онъ: всѣ воскреснемъ, но не всѣ измѣнимся,—заключаю отсюда, что всѣ воскреснутъ: и добрые и злые. Но посмотримъ, кто измѣняется, и отсюда уразумѣемъ, будетъ ли то перемѣна къ лучшему или къ худшему. Потому что если та перемѣна относится къ злымъ, то она будетъ къ худшему, а если къ добрымъ—то къ лучшему. «Вдругъ, говоритъ апостолъ, въ мгновеніе ока при послѣдней трубѣ: ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся (et nos immutabimur). И ужъ, конечно, къ лучшему будетъ перемѣна эта, когда говоритъ: «а мы измѣнимся». Однако здѣсь не указывается съ достаточной ясностью, въ какой степени тѣло наше измѣнится къ лучшему, и не сказано, въ чемъ будетъ заключаться это лучшее. Вѣдь,

[1] По русскому тексту стихъ этотъ читается такъ: „говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся“.

и во время перехода отъ младенчества къ юношескому возрасту можно говорить, что тѣло мѣняется къ лучшему, когда дѣлается болѣе крѣпкимъ, но все же еще остается немощнымъ и смертнымъ.

20. Итакъ, отнесемся повнимательнѣе къ этимъ словамъ апостола. «Вдругъ» (in atomo), — говоритъ. Труднымъ кажется людямъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Но достойно удивленія то, какъ апостолъ устраняетъ изъ сердецъ вѣрующихъ кажущіяся трудности. Вотъ говоришь ты, что мертвые не воскреснутъ. Я же говорю, что мертвые не только воскреснутъ, но воскреснутъ еще съ большей быстротой, нежели ты могъ возникнуть и родиться. Потому что сколько времени нужно, чтобы человѣкъ могъ образоваться во чревѣ, чтобы могъ развиться, родиться и со временемъ скрѣпнуть? Нежели то же будетъ и при воскресеніи? Нѣтъ. Но «вдругъ»,—говоритъ апостолъ. Многіе не знаютъ, что значитъ «вдругъ», во мгновеніи, въ атомѣ (in atomo). «Атомъ» производится отъ греческаго слова «τομή», что значитъ дѣленіе. По-гречески атомомъ называется то, чего нельзя раздѣлить. Атомъ можетъ быть въ тѣлѣ, можетъ быть и во времени. Въ тѣлѣ, когда оказывается нѣчто такое, чего нельзя раздѣлить, нѣкоторая весьма маленькая частица, недоступная для дѣленія. Также и во времени атомомъ называется моментъ столь короткій, котораго нельзя раздѣлить. Чтобы и наименѣе догадливые могли понять слова мои, укажу, напр., хоть на камень; раздѣли камень на части, эти части на болѣе мелкіе камешки, камешки на крупицы, подобныя песчинкамъ, и опять эти послѣднія—на мельчайшія частицы до тѣхъ поръ, пока, если возможно, не получишь нѣкоторой столь малой частицы, которой уже нельзя раздѣлить. Это атомъ въ тѣлахъ. Во времени же это бываетъ такъ. Вотъ, напр., годъ дѣлится на мѣсяцы, мѣсяцы на дни, дни на часы, часы опять на нѣкоторыя свои части, которыя допускаютъ дѣленіе, до тѣхъ поръ, пока не дойдешь до такого момента времени, до такого мгновенія, гдѣ невозможно уже никакое замедленіе, и котораго поэтому нельзя уже раздѣлить. Это и есть мгновеніе (atomus) времени. Итакъ, вотъ ты говорилъ, что мертвые не воскреснутъ. Однакожъ они не только воскреснутъ, но съ такою быстротою воскреснутъ, что воскресеніе всѣхъ мертвыхъ про-

изойдетъ мгновенно (in atomo temporis) Тотъ, кто указалъ тебѣ на эту быстроту, тотчасъ же и пояснилъ это, добавивъ: «во мгновеніе ока». Понималъ апостолъ, что сказалъ не совсѣмъ ясно:—«in atomo» и захотѣлъ выразить пояснѣе, чтобы было болѣе понятно. Что такое мгновеніе ока? Не то это, когда мы закрываемъ или открываемъ вѣки, но мгновеніемъ ока называетъ онъ какъ бы нѣкоторое испусканіе луча зрительнаго. Потому что лишь только ты устремишь взоръ, испущенный тобой лучъ зрѣнія тотчасъ же достигаетъ неба, гдѣ мы видимъ солнце, луну и звѣзды, отдѣленныя отъ земли огромнымъ разстояніемъ. Говоритъ также апостолъ о послѣдней трубѣ, о послѣднемъ сигналѣ. «Ибо вострубитъ, пишетъ онъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся». Когда говоритъ «мы», разумѣетъ во всякомъ случаѣ вѣрныхъ, воскресающихъ для вѣчной жизни. Слѣдовательно, перемѣна та, такъ какъ она относится къ благочестивымъ и святымъ, будетъ перемѣною къ лучшему, а не къ худшему.

21. Но что это будетъ за перемѣна, и что означаютъ слова его: «а мы измѣнимся»? Видъ ли только измѣнится, который теперь имѣетъ тѣло наше, или только не будетъ тамъ тлѣнія, такъ какъ сказано, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія»? Но чтобы это не порождало сомнѣнія касательно воскресенія плоти, онъ прибавилъ: «говорю вамъ тайну: всѣ мы воскреснемъ, но не всѣ измѣнимся». И чтобы не думали, что измѣненіе это будетъ къ худшему, онъ замѣчаетъ потомъ: «а мы измѣнимся». Остается, такимъ образомъ, чтобы онъ объяснилъ, каково будетъ измѣненіе. «Ибо тлѣнному сему, продолжаетъ апостолъ, надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе» (1-е Коринѳ. XV, 53). Если тлѣнное это облечется въ нетлѣніе и смертное это облечется въ безсмертіе, то плоть, слѣдовательно, уже не будетъ тлѣнной. Если плоть не будетъ тлѣнной, не должно быть и указанія на свойство тлѣнія въ плоти и крови, не должно быть и самаго названія плоти и крови, потому что названіе это совмѣщаетъ въ себѣ понятіе смертности. Если же это такъ, если плоть воскреснетъ, и если она измѣнится и будетъ нетлѣнной, то ясно, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія». Если же кто будетъ имѣть въ виду здѣсь перемѣну тѣхъ, коихъ послѣдній день тотъ застанетъ въ живыхъ еще, когда умершіе воскреснутъ, а оставшіеся въ живыхъ измѣнятся, и если именно ихъ разумѣетъ апостолъ, когда говоритъ: «а мы измѣнимся», то и такое пониманіе возможно допустить, потому что нетлѣніе то относится вѣдь ко всѣмъ. «Когда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою» (Исаіи XXV, 8). «Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда» (Осіи XIII, 14)? Тѣло, которое не имѣетъ уже свойства смертности, нельзя назвать уже собственно плотію и кровію, каковыя наименованія прилагаются къ земнымъ тѣламъ; но называется оно тѣломъ (corpus), каковое названіе лучше приличествуетъ небесному. Тотъ же апостолъ, говоря о различіи тѣлъ пишетъ: «не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя и тѣла земныя»... (1-е Коринѳ. XV, 39, 40). Онъ говоритъ о плоти небесной. Хотя плоть и можетъ называться тѣломъ, но только земнымъ тѣломъ. Потому что всякая плоть—тѣло, но не всякое тѣло—плоть. И не только небесныя тѣла не называются плотію, но даже и нѣкоторыя тѣла земныя, какъ, напр., дрова, камни и т. п. Слѣдовательно, «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія», потому что имѣющая воскреснуть плоть преобразится въ такое тѣло, гдѣ уже не будетъ смертности и тлѣнія, а потому не будетъ и самаго названія плоти и крови.

22. Однако же будьте внимательны, братія. Предметъ этотъ немаловажный. Дѣло идетъ о нашей вѣрѣ; для которой не столько опасны язычники, сколько иные лжеучители (perversi), которые хотятъ именоваться и казаться христіанами. И во времена апостоловъ были люди, которые утверждали, что воскресеніе уже совершилось и растлевали вѣру, «которые, по словамъ апостола, отступили отъ истины, говоря, что воскресеніе уже было, и разрушаютъ въ нѣкоторыхъ вѣру» (2-е Тимоѳ. 2, 18). Смерть уже уничтожена, говорятъ они, и ея не будетъ. Смертное поглощено жизнію, по слову апостола (2-е Коринѳ. V, 4). Такъ и о Господѣ сказано, что Онъ побѣдилъ смерть (2-е Петр. III, 22). Не такъ, какъ бы исчезла смерть по своему существу, но въ

томъ тѣлѣ, гдѣ уже она была, перестанетъ быть, такъ что будешь имѣть нѣкоторый видъ, нѣкоторую внѣшность, однакоже станешь искать тлѣнія и смертности и не найдешь. Не такъ, чтобы кто-либо свободенъ былъ отъ тлѣнія. Но оно со смертью прекращается, уничтожается. Однакоже, какъ въ такомъ случаѣ могъ онъ сказать эти слова: «тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему— облечься въ безсмертіе... тогда сбудется слово, написанное: поглощена смерть побѣдою. Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда?» И не говоритъ онъ: ушла смерть въ побѣду, но: «поглощена смерть побѣдою». Итакъ, въ чемъ они отступили отъ истины? Въ томъ, что, признавъ одно воскресеніе, они отвергли другое.

23. Есть, вѣдь, воскресеніе по вѣрѣ, въ которой всякій вѣрующій воскресаетъ духовно. И, конечно, только тотъ воскреснетъ тѣлесно, кто сначала воскресъ духовно. Которые сначала не воскресли духовно, посредствомъ вѣры, тѣ не воскреснутъ для той перемѣны тѣлесной, гдѣ прекратится и уничтожится всякое тлѣніе, а воскреснутъ для мучительной безконечности (ad illam poenalem integritatem). Цѣлы, вѣдь, будутъ и тѣла нечестивыхъ. Ничего они не потеряютъ. Но для наказанія будетъ эта цѣлость тѣла и нѣкоторая, какъ бы сказать, крѣпость его, тлѣнная крѣпость, потому что гдѣ скорбь, тамъ нельзя сказать, что нѣтъ тлѣнія, хотя во время скорби и не прекращается немощность, чтобы не прекратилась самая скорбь. И не напрасно самое тлѣніе обозначается пророчески именемъ червя, а скорбь— именемъ огня. Но такъ какъ свойство тѣла будетъ таково, что ни вслѣдствіе мукъ оно не можетъ умереть, ни измѣниться не можетъ въ нетлѣніе, такъ чтобы сдѣлаться недоступнымъ ни для какого страданія, потому и написано: «червь ихъ не умретъ, и огонь не угаснетъ» (Исаіи LXVI, 24; Марк. IX, 46). Измѣненіе же, когда тѣло не будетъ способно къ тлѣнію, свойственно будетъ тѣламъ лишь святымъ, именно тѣмъ, которые теперь воскресаютъ духовно посредствомъ вѣры. Объ этомъ воскресеніи апостолъ говоритъ: «если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ» (Колосс. III, 1—3). Какъ умираемъ мы духовно и духовно воскресаемъ, такъ потомъ умираемъ тѣлесно и тѣлесно воскресаемъ. Духовная смерть требуетъ, чтобы не вѣрить тому суетному, чему раньше вѣрили, не дѣлать того зла, какое прежде дѣлали. Духовное воскресеніе есть признаніе спасительнымъ того, чего раньше не признавали, и дѣланіе добра, коего раньше не дѣлали. Кто признавалъ ранѣе земныхъ идоловъ и изображенія за боговъ, и позналъ потомъ единаго Бога, увѣровалъ въ Него, тотъ умеръ для идолослуженія и воскресъ посредствомъ вѣры христіанской. Кто былъ пьяницей и сталъ воздержнымъ, тотъ умеръ для пьянства и воскресъ для трезвости. Такъ, когда душа удаляется отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, въ ней происходитъ какъ бы нѣкоторая смерть, и снова воскресаетъ она къ совершенію добрыхъ дѣлъ. «Умертвите, говоритъ апостолъ, земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжаніе, которое есть идолослуженіе» (Колос. III, 5). Умертвивъ эти члены, мы возстаемъ въ совершеніи дѣлъ, противоположныхъ имъ: въ чистотѣ, кротости, любви и милосердіи. И какъ смерть духовная предшествуетъ духовному воскресенію, такъ смерть по плоти предшествуетъ будущему по плоти воскресенію.

24. Итакъ, будемъ признавать то и другое воскресеніе: и духовное, и тѣлесное. Къ духовному относятся слова: «встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ» (Ефес. V, 14), и еще: «на живущихъ въ странѣ и тѣни смертной свѣтъ возсіяетъ» (Исаіи IX, 2), а также и то, о чемъ я нѣсколько выше упоминалъ: «если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго»... Къ тѣлесному воскресенію относится то, что говоритъ апостолъ, когда задаетъ себѣ такой вопросъ: «но скажетъ кто-нибудь: какъ воскреснутъ мертвые? и въ какомъ тѣлѣ придутъ?» (1-е Коринѳ. XV, 35), разсуждая ясно о воскресеніи тѣла, коимъ Господь предварилъ церковь Свою; о немъ, слѣдовательно, говоритъ апостолъ въ словахъ: «ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе» (1-е Коринѳ. XV, 53), каковыя слова сказаны въ поясненіе словъ, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія» (ст. 50). И въ другомъ мѣстѣ имѣемъ мы весьма ясное свидѣтельство того же апостола о воскресеніи по плоти и воскресеніи по духу. Вѣдь, смертное тѣло, которое одушевлено или было

одушевлено, называется плотію (caro). Итакъ, апостолъ говоритъ: «если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, но духъ живъ для праведности. Вотъ воскресеніе духовное посредствомъ праведности. Смотри далѣе, слѣдуетъ ли ожидать воскресенія тѣла. Смертнаго тѣла не захотѣлъ онъ назвать смертнымъ, но мертвымъ. И потомъ онъ продолжаетъ: «если же духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ, то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ» (Римл. VIII, 10, 11). Вотъ, потому и отступили отъ истины отвергшіе другое воскресеніе. Признали одно воскресеніе духовное и отвергли другое воскресеніе—плотское, «говоря, что воскресеніе уже было». Если бы этого не говорили они и не препятствовали вѣрѣ въ будущее воскресеніе и надеждѣ на него, не было бы сказано о такихъ, что «они разрушаютъ въ нѣкоторыхъ вѣру» (2-е Тимоѳ. 2, 18).

25. Но выслушайте далѣе уже несомнѣннѣйшее свидѣтельство Самого Господа, говорящаго въ одномъ мѣстѣ, въ Евангеліи отъ Іоанна, объ обоихъ воскресеніяхъ: и о духовномъ, совершающемся теперь, и о плотскомъ, которое послѣдуетъ потомъ, такъ что уже не можетъ быть никакого сомнѣнія для того, кто именуетъ себя христіаниномъ и повинуется авторитету Евангелія, уже никакого мѣста не остается для клеветниковъ, желающихъ посредствомъ той же вѣры христіанской развратить христіанъ и привитіемъ своего яда заразить нетвердыя души. Но послушайте объ этомъ изъ самой книги. Здѣсь исполняю я обязанность не только оратора, но и чтеца, чтобы рѣчь наша опиралась на авторитетъ Священнаго Писанія, а не созидалась на пескѣ человѣческихъ заблужденій, если бы случайно что-нибудь забылось наизусть. Итакъ, слушайте Евангеліе отъ Іоанна. Господь говоритъ: «истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь. Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ. Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Себѣ Самомъ, такъ и Сыну далъ жизнь имѣть въ Самомъ Себѣ, и далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ Человѣческій. Не дивитесь сему; ибо

наступаетъ время, въ которое всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло—въ воскресеніе осужденія» (Іоан. V, 24—29). Надѣюсь, для большинства очевидно, что въ этомъ мѣстѣ Самимъ Господомъ раздѣльно и ясно обозначается и воскресеніе духовное посредствомъ вѣры и воскресеніе тѣлесное. Однако разсмотримъ слова эти повнимательнѣе, чтобы понятно было всѣмъ слушающимъ. «Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь». Это есть воскресеніе духовное, которое совершается теперь посредствомъ вѣры. Но чтобы не показалось кому-нибудь, что оно, воскресеніе это, имѣетъ послѣдовать въ далекомъ будущемъ, хотя сказано: «перешелъ отъ смерти въ жизнь», а не «перейдетъ», чтобы нельзя было считать этого слова, употребленнаго въ прошедшемъ времени, какъ пророчество, на подобіе того, напр., какъ сказано: «пронзили руки мои и ноги мои» (Псал. XXI, 17), хотя здѣсь предвозвѣщалось еще будущее, Господь далѣе объ этомъ же самомъ говоритъ яснѣе: «истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время и наступило уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ». Что выше сказалъ въ словахъ: «перешелъ отъ смерти въ жизнь»,—это же и теперь говоритъ въ словѣ: «оживутъ». Но чтобы нельзя было относить словъ: «наступаетъ время» къ концу вѣка, когда будетъ воскресеніе тѣлъ, Онъ прибавляетъ: «и настало уже». Не говоритъ только: «наступаетъ время», но: «наступаетъ время и настало уже». Которые услышатъ этотъ голосъ (голосъ Сына Божія), тѣ оживутъ. Жизнь здѣсь разумѣется та, на которую указано выше въ словахъ: «перешелъ отъ смерти къ жизни». Тутъ, слѣдовательно, Господь имѣетъ въ виду тѣхъ именно, которые не подлежатъ наказанію осужденія, такъ какъ предотвращаютъ это осужденіе своей вѣрой, переходя отъ смерти къ жизни.

26. Остается еще, чтобы показалъ Господь будущій судъ для добрыхъ и злыхъ, потому что здѣсь Онъ говоритъ только о добрыхъ, которые напередъ воскресаютъ духовно. Потомъ же, ниже, Онъ говоритъ: «и далъ Ему власть производить судъ, потому что Онъ есть Сынъ Человѣческій». Какъ

Сынъ Божій, Онъ, разумѣется, всегда имѣетъ власть вмѣстѣ съ Отцомъ. И далѣе Онъ послѣдовательно изъясняетъ, какъ произойдетъ будущій судъ. «Не дивитесь сему, говоритъ Онъ: ибо наступаетъ время, въ которое всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло—въ воскресеніе осужденія». Выше, когда сказалъ: «наступаетъ время»,—добавилъ: «и настало уже», чтобы нельзя было подразумѣвать здѣсь того времени, когда при кончинѣ вѣка послѣдуетъ воскресеніе тѣлъ. Здѣсь же, желая указать именно на это время, Онъ, когда сказалъ: «наступаетъ время»,—не добавилъ: «и настало уже». Равнымъ образомъ выше сказано, что мертвые услышатъ гласъ Сына Божія, о гробахъ же никакого упоминанія не сдѣлано, чтобы мы отличали мертвыхъ вслѣдствіе грѣха, кои воскресаютъ теперь посредствомъ вѣры, отъ тѣхъ мертвецовъ, тѣла коихъ имѣютъ встать изъ гробовъ при концѣ вѣка. А здѣсь, желая указать именно на послѣднее воскресеніе тѣлъ, Онъ говоритъ: «всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ»... Такъ же точно выше сказано: «услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ». Зачѣмъ нужно было прибавлять «и услышавши», когда можно было бы сказать просто: «услышатъ гласъ Сына Божія и оживутъ», какъ не для того, чтобы показать, что говоритъ Онъ о тѣхъ, кои умерли вслѣдствіе грѣха, изъ коихъ многіе, слыша, не слышатъ, т.-е. не слушаются, не вѣруютъ? А которые такъ слушаютъ, какъ Онъ желалъ этого, когда говорилъ: «кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ» (Лук. VIII, 8), тѣ оживутъ. Будетъ слушающихъ, такимъ образомъ, много, но только тѣ оживутъ, которые услышатъ, т.-е. увѣруютъ. Кто же такъ слышитъ, что не вѣруетъ, тотъ не оживетъ. Отсюда ясно, о какой смерти и о какой жизни въ этомъ мѣстѣ говоритъ Господь, именно—о смерти, которая касается однихъ только злыхъ, того, чѣмъ они злы, и о жизни, которая относится къ однимъ добрымъ вслѣдствіе того самаго, чѣмъ они добры. Здѣсь же, касаясь имѣющихъ воскреснутъ тѣлесно, Господь не говоритъ: «услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ», потому что всѣ услышатъ послѣднюю трубу и изыдутъ, потому что всѣ мы воскреснемъ. Но что не всѣ измѣнимся, на это указываетъ Онъ въ

дальнѣйшихъ словахъ: «творившіе добро — въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло—въ воскресеніе осужденія». Итакъ, выше, гдѣ идетъ рѣчь о духовномъ воскресеніи, всѣ оживаютъ для одной участи, такъ что въ жизни ихъ не обозначается дѣленія на блаженную жизнь и несчастную, но всѣмъ предуказывается благая часть. И потому, когда сказалъ Господь: «и услышавши оживутъ», не прибавилъ: дѣлавшіе добро для жизни вѣчной, а дѣлавшіе зло—для вѣчнаго наказанія. Это самое именно слово «оживутъ» употребилъ Онъ лишь въ добромъ смыслѣ, какъ и выше стоящія слова: «перешелъ отъ смерти въ жизнь». Не сказано, въ какую жизнь, потому что новая жизнь чрезъ вѣру не можетъ быть дурной жизнью. Здѣсь же Онъ не говоритъ: услышатъ гласъ Его и оживутъ, такъ какъ вездѣ слово «оживутъ» употребляется въ хорошемъ смыслѣ, но сказалъ: «и услышатъ... и изыдутъ», каковымъ словомъ обозначается физическое движенія тѣлъ изъ мѣстъ погребенія. Но исшествіе изъ гробовъ не для всѣхъ послужитъ къ добру, почему Онъ и говоритъ: «творившіе добро—въ воскресеніе жизни», употребляя и здѣсь слово «жизнь» только въ добромъ значеніи, «а дѣлавшіе зло—въ воскресеніе осужденія», употребивъ слово «осужденіе» въ смыслѣ наказанія.

27. Но пусть никто изъ васъ, братія, не спрашиваетъ, желая блеснуть своимъ остроуміемъ, какой образъ будетъ имѣть тѣло въ воскресеніи, какой строй, каковы движенія, и каковы будутъ его чувства. Довольно для тебя знать, что плоть твоя воскреснетъ въ томъ видѣ, въ какомъ явился (воскресшій) Господь, т.-е. въ образѣ человѣка. Но не допускай вслѣдствіе этого тлѣнія. Потому что если не допустишь тлѣнія, не убоишься также и словъ, что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія», не впадешь тогда и въ сѣть саддукеевъ, которой ты не могъ бы избѣжать въ томъ случаѣ, если бы сталъ думать, что для того воскреснутъ люди, чтобы жениться, рождать и совершать дѣла жизни земной. Если станешь спрашивать, какая будетъ жизнь та, то кто изъ людей въ состояніи объяснить это? Будетъ то жизнь ангельская. Кто въ состояніи изобразить тебѣ жизнь ангеловъ, тотъ изобразитъ и жизнь воскресшихъ праведниковъ. Если же жизнь ангеловъ сокровенна, никто пусть не ищетъ бо́льшаго, чтобы, заблуждаясь, придти не къ тому,

чего ищетъ, а къ тому, что самъ вообразитъ себѣ. Иной необдуманно и спѣшно хочетъ узнать все. Ты же иди, не спѣша, и достигнешь отечества, если будешь держаться пути. Держитесь Христа, братія, держитесь вѣры, держитесь пути. Онъ приведетъ васъ къ тому, чего теперь вы не можете видѣть. Въ Главѣ нашей проявилось то, чего нужно ожидать и въ членахъ, въ основаніи показано то, что пока пусть созидается вѣрою, чтобы затѣмъ стать доступнымъ видѣнію, и чтобы не представилось вамъ что-либо ложное, чего нѣтъ, когда будете воображать себя видящими, такъ—чтобы, оставивши путь, не впасть вамъ въ заблужденіе и не лишиться отечества, т.-е. того видѣнія, куда ведетъ вѣра.

28. Но, быть можетъ, спросишь ты: «какъ живутъ ангелы? Однако, довольно знать для тебя, что они проводятъ жизнь нетлѣнную. Легче можно сказать, чего тамъ не будетъ, нежели то, что будетъ. И я могу вамъ, братія, указать кое-что, чего тамъ не будетъ, потому могу, что сами испытали мы, сами опытно знаемъ, чему не должно быть мѣста тамъ. Но что будетъ тамъ, этого не испытали, потому что «мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ», и потому что «водворяясь въ тѣлѣ, мы устранены отъ Господа» (2 Коринѳ. V, 7 и 6). Итакъ, чего же не будетъ тамъ? Не будетъ женитьбы и рожденія дѣтей, потому что не будетъ смерти. Не будетъ возрастанія, потому что не будетъ старости; не будетъ нужды въ подкрѣпленіи, потому что не будетъ ослабленія. Не будетъ труда (negotia), потому что не будетъ нужды. Не будетъ даже и непредосудительныхъ, невинныхъ занятій людскихъ, которыя вызываются нуждою и потребностями этой жизни. Не говорю, что не будетъ тамъ только, напр., разбоя, или грабительства, но даже не будетъ и того, что совершаютъ люди подъ давленіемъ необходимыхъ житейскихъ потребностей. Это будетъ вѣчная суббота, которая празднуется іудеями нынѣ, а нами ожидается въ вѣчности. Это будетъ покой несказанный, котораго нельзя изъяснить. И если возможно изъяснить сколько-нибудь, то лишь въ томъ случаѣ, когда говорится: «чего тамъ не будетъ». Къ этому покою стремимся мы, для него и возрождаемся духовно. Какъ плотію рождаемся мы для трудовъ, такъ духовно возрождаемся для покоя. «Придите ко Мнѣ, говоритъ Господь, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ» (Матѳ. XI, 28). Здѣсь утѣшаетъ

Онъ насъ, тамъ устрояетъ; здѣсь обѣщаетъ, тамъ воздаетъ; здѣсь предуказываетъ, тамъ осуществляетъ. Но хотя въ томъ блаженствѣ вѣчномъ духомъ и тѣломъ будемъ мы совершенны и здравы, однако, не будетъ тамъ земныхъ занятій, даже такихъ, которыя здѣсь поставляются среди добродѣтелей христіанскихъ. Какой христіанинъ не похваляется за дѣла свои, когда онъ подаетъ хлѣбъ голодающему и воду жаждущему, когда одѣваетъ нагого, принимаетъ страннаго, умиряетъ враждующаго, посѣщаетъ болящаго, погребаетъ мертваго, утѣшаетъ плачущаго? Великія это дѣла, полныя милосердія, достойныя похвалы и благодарности. Но не будутъ они имѣть мѣста тамъ, потому что дѣла милосердія являются слѣдствіемъ состраданія. Но кого ты будешь кормить тамъ, гдѣ никто не голодаетъ? Кому станешь подавать воду, гдѣ никто не жаждетъ? Будешь ли одѣвать нагого тамъ, гдѣ всѣ облечены въ самое безсмертіе? Раньше ты уже слышалъ объ одеждахъ святыхъ изъ словъ апостола: «тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе». Гдѣ говоритъ апостолъ объ одѣяніи, тамъ указываетъ и самую одежду. Одежды этой лишился Адамъ, когда одѣлъ себя кожами. Далѣе, развѣ будешь принимать ты странника тамъ, гдѣ всѣ пребываютъ въ своемъ отечествѣ? Развѣ будешь посѣщать больныхъ, гдѣ всѣ будутъ пользоваться однимъ и тѣмъ же здоровьемъ нетлѣнія? Будешь ли погребать мертваго, гдѣ всѣ живы? Будешь ли примирять враждующихъ, гдѣ всѣ пребываютъ въ мирѣ? или утѣшать печальныхъ тамъ, гдѣ всѣ будутъ имѣть нескончаемую радость? Такъ какъ не будетъ тамъ никакихъ несчастій, не будетъ, слѣдовательно, и дѣлъ милосердія.

29. Что же, такимъ образомъ, будетъ тамъ? Но не сказалъ ли уже я, что легче для меня указать, чего тамъ не будетъ, нежели что будетъ? Знаю, братія, что не будемъ мы проводить время тамъ, напр., во снѣ отъ праздности, потому что и самый сонъ данъ душѣ въ помощь, для подкрѣпленія. Вѣдь, постояннаго напряженія чувствъ не перенесло бы наше бренное тѣло, если бы посредствомъ усыпленія чувствъ не подкрѣплялось оно для продолженія той же самой дѣятельности. И какъ теперь получается нами отъ сна освѣженіе, такъ и отъ смерти произойдетъ обновленіе, и сна тамъ не будетъ. Гдѣ нѣтъ смерти, не будетъ и образа смерти. Однако,

не будемъ и скучать мы, хотя, при вѣчномъ бодрствованіи, не будетъ никакихъ занятій. Вотъ это могу сказать, но какъ именно оно будетъ, не могу высказать, потому что не могу еще видѣть. Впрочемъ, могу сказать отчасти и непостыдно, потому что отъ Писанія скажу, въ чемъ будетъ состоять тамъ дѣйствованіе наше. Все оно можетъ быть обозначено словами: «аминь» и «аллилуія». Но зачѣмъ переговаривать, братія? Вижу, что вы, услышавъ это, возрадовались. Не печальте же себя, увлекаясь плотскимъ помышленіемъ. Можетъ быть, кто изъ васъ, при постоянномъ произношеніи этихъ словъ теперь утомится скукой, задремлетъ, захочетъ лучше молчать и потому станетъ представлять себѣ непріятной ту жизнь, нежелательной, говоря самъ съ собою: «аминь» и «аллилуія»—будемъ говорить мы всегда,—кто можетъ вынести это? Отвѣчу вамъ на это, какъ и сколько могу. Будемъ говорить мы тамъ: «аминь» и «аллилуія» не этими преходящими звуками, но пламенѣніемъ духа. Что значитъ «аминь?» Что значитъ «аллилуія?» «Аминь» значитъ истинно. «Аллилуія» значитъ «Хвалите Бога». Потому что Богъ есть истина неизмѣняемая, безъ ослабленія и безъ усиленія, безъ уменьшенія и безъ увеличенія, безъ примѣси лжи какой бы то ни было, истина вѣчная, постоянная, всегда нерушимая. То, что мы видимъ въ твари и дѣлаемъ въ настоящей жизни—это образы вещей, при посредствѣ коихъ мы обозначаемъ нѣчто, доступное намъ, когда мы ходимъ вѣрою (et quaedam in quibus ambulamus per fidem). Когда же увидимъ лицомъ къ лицу то, что теперь видимъ «какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1-е Коринѳ. XIII, 12), тогда совсѣмъ другимъ и несказанно другимъ образомъ (affectu) мы будемъ говорить: «истинно это». И когда будемъ говорить это,—будемъ говорить именно «аминь», съ нѣкоторымъ какъ бы ненасытимымъ довольствомъ. Такъ какъ не будетъ тамъ никакого недостатка, то будетъ довольство. А такъ какъ ни въ чемъ не будетъ недостатка и будетъ постоянное услажденіе, то и явится нѣкоторое, если можно такъ выразиться, ненасытимое довольство. Такимъ образомъ, поскольку ненасытимо ты будешь питаться истиною, постольку, въ силу такой ненасытимости истиной, будешь говорить «Аминь». Но кто, однако, можетъ сказать, каково будетъ состояніе это, каково будетъ то, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо,

и что на сердце человѣку не приходило— (1 Коринѳ. II, 9)? Далѣе, такъ какъ мы будемъ созерцать истину безъ всякаго утомленія, съ постояннымъ услажденіемъ и будемъ созерцать съ несомнѣннѣйшей очевидностью, воспламененные любовью къ самой истинѣ, и соединясь съ ней нѣкоторымъ сладкимъ и чистымъ объятіемъ нетѣлеснымъ, мы такимъ же голосомъ будемъ прославлять ее и говорить: «аллилуія». Возбуждаясь взаимно пламеннѣйшей любовью къ одинаковому прославленію Бога, всѣ граждане того града будутъ говорить: «аллилуія», потому что будутъ говорить: «аминь».

30. Этою жизнію святыхъ такъ исполнятся измѣненныя въ небесное и ангельское состояніе тѣла ихъ, такъ проникнутся, что отъ того блаженнѣйшаго созерцанія и похвалы истины не будетъ отвращать и отвлекать ихъ никакое бремя необходимости. Пищей для нихъ будетъ сама истина и самый покой будетъ какъ бы пиршественнымъ возлежаніемъ, такъ какъ сказано, что блаженствовать праведники будутъ, возлегая, какъ объ этомъ говоритъ Господь. «Многіе, говоритъ Онъ, придутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ» (Матѳ. VIII, 11), чѣмъ также указывается, что въ великомъ будущемъ блаженствѣ они будутъ питаться трапезою истины. Такая пища, подкрѣпляя, не убиваетъ, наполняетъ и остается цѣлой. Ты насыщаешься, а пища не уменьшается. Между тѣмъ, настоящая земная пища, когда ею подкрѣпляется кто-либо, сама уменьшается и уничтожается, чтобы не умеръ тотъ, кто принимаетъ ее. Возлежаніе то будетъ вѣчнымъ покоемъ. Пиршественнымъ обѣдомъ тамъ будетъ истина неизмѣнная, пированіемъ—жизнь вѣчная, т.-е. самопознаніе (ipsa cognitio), потому что «сія есть жизнь вѣчная, говоритъ Господь, да знаютъ Тебя, Единаго, Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа» (Іоанн. XVII, 3).

31. Что жизнь та будетъ состоять не только въ несказанномъ, но и въ блаженнѣйшемъ созерцаніи истины, объ этомъ Писаніе говоритъ во многихъ мѣстахъ, такъ что всѣ ихъ нѣтъ возможности и вспомнить. Вотъ одно, напримѣръ: «кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня... и Я возлюблю его и явлюсь ему Самъ» (Іоанн. XIV, 21). Здѣсь какъ бы плодъ и награда ищется отъ Господа за соблюденіе Его заповѣдей. «И явлюсь ему Самъ», говоритъ

Господь, полагая совершенное блаженство въ познаніи Его, какъ Онъ есть. Вотъ и другое мѣсто: «возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1-е Іоанна III, 2). И апостолъ Павелъ говоритъ: «тогда мы будемъ видѣть лицомъ къ лицу» (1-е Коринѳ. XIII, 12), а также въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «мы преображаемся въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа» (2-е Коринѳ. III, 18). Равнымъ образомъ, въ книгѣ псалмовъ говорится: «упразднитеся (по русск. тексту—остановитесь) и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ» (Псаломъ XLV, 11). Тогда будетъ доступно намъ полное видѣніе, когда совершится полное торжество истины (Tunc ergo optime videbitur, quando summe vacabitur). Когда же совершится полное торжество, если не по окончаніи времени труда и нужды, коими мы связаны теперь до тѣхъ поръ, пока земля тернія и волчцы будетъ порождать человѣку-грѣшнику, и пока онъ будетъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой (Быт. III, 18—19)? Итакъ, лишь послѣ полнаго окончанія временъ земной жизни человѣческой, въ невечерѣющемъ днѣ небесной жизни мы будемъ вполнѣ видѣть, потому что вполнѣ будемъ торжествовать (quia summe vacabimus). Съ прекращеніемъ тлѣнія и нужды въ будущемъ воскресеніи, не будетъ тамъ и побужденій къ труду. Тамъ истинно свободные увидимъ мы Бога, какъ Онъ есть, и, видя, будемъ славить Его. Въ этомъ и будетъ состоять жизнь святыхъ, въ этомъ будетъ все дѣйствованіе достигшихъ блаженства, т.-е. въ непрестанномъ прославленіи Бога. Не одинъ день продолжится это, но, какъ день тотъ не имѣетъ конца времени, такъ похвала наша будетъ безконечной, а слѣдовательно, будемъ славить мы Бога во вѣки вѣковъ. Это именно самое, чего такъ пламенно ожидаемъ мы, подтверждается и слѣдующими словами Писанія: «Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ: они непрестанно будутъ восхвалять Тебя» (Псал. LXXXIII, 5). — Въ заключеніе же, обратившись къ Богу, будемъ молить Его за насъ и за стоящій во дворѣ дома Его народъ, чтобы Онъ помогъ намъ упасти и сохранить его чрезъ Сына Своего Христа, Господа нашего, Который живетъ и царствуетъ съ Нимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 23-я [1]).

О пѣсни въ книгѣ „Исходъ“ (гл. XV, 1—21).

1. При объясненіи и толкованіи Св. Писанія мысль наша, братія возлюбленнѣйшіе, должна руководиться авторитетомъ того же самаго Свящ. Писанія, такъ—чтобы черезъ то, что ясно выражено тамъ для наставленія нашего, правильно понималось и то, что сказано темнѣе для нашего упражненія. И кто осмѣлится иначе изъяснять Божественныя тайны, нежели какъ предуказываютъ разумъ и уста апостоловъ? Апостолъ же Павелъ говоритъ: «не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи, что отцы наши всѣ были подъ облакомъ, и всѣ прошли сквозь море; и всѣ крестились въ Моисея въ облакѣ и въ морѣ; и всѣ ѣли одну и ту же духовную пищу; и всѣ пили одно и то же духовное питіе, ибо пили изъ духовнаго послѣдующаго камня; камень же былъ Христосъ. Но не о многихъ изъ нихъ благоволилъ Богъ, ибо они поражены были въ пустынѣ. А это были образы для насъ, чтобы мы не были похотливы на злое, какъ они были похотливы». И потомъ, немного далѣе, онъ прибавляетъ: «все это происходило съ ними, какъ образы; а описано въ наставленіе намъ, достигшимъ послѣднихъ вѣковъ» (1 Коринѳ. X, 1—11).

2. Отсюда, возлюбленнѣйшіе, пусть никто изъ вѣрующихъ не сомнѣвается, что переходъ народа еврейскаго чрезъ Чермное море служилъ образомъ нашего крещенія. Будучи освобождены въ крещеніи Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, образомъ Коего служилъ Моисей, отъ власти діавола

[1]) По общему счету 363-я.

и ангеловъ его, угнетавшихъ насъ, оскверненныхъ нечистотою плоти, какъ нѣкогда фараонъ и египтяне угнетали евреевъ дѣланіемъ кирпичей, станемъ поэтому и мы пѣть Господу: «ибо Онъ высоко превознесся; коня и всадника ввергнулъ въ море» (Исх. XV, 1). Умерли для насъ тѣ, кои уже не могутъ господствовать надъ нами, потому что самые грѣхи наши, которые порабощали насъ діаволу, послѣ того, какъ мы омылись банею крещенія (gratiae sanctae), какъ бы уже омыты и потоплены въ морѣ. Итакъ, будемъ пѣть Господу, «ибо Онъ высоко превознесся; коня и всадника ввергнулъ въ море», гордость и гордеца потопилъ въ крещеніи. И уже, конечно, только смиренный, покорный можетъ воспѣвать эту пѣснь. Вѣдь, не для гордаго, ищущаго своей славы и себя превозносящаго высоко превознесся Господь. И грѣшникъ, оправданный вѣрою въ Того, Кто оправдываетъ нечестиваго, коему «вѣра его вмѣняется въ праведность» (Римл. IV, 5), потому что «праведный вѣрою живъ» (Римл. I, 17), между тѣмъ какъ неразумѣющій праведности Божіей и усиливающійся поставить собственную праведность не покоряется праведности Божіей (Римл. X, 3),—справедливо воспѣваетъ помощника и защитника во спасеніе себѣ Господа, Бога своего, Коему служитъ. Онъ не изъ тѣхъ превозносящихся, которые, «познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога» (Римл. I, 21). «Богъ отца моего»,—говоритъ Моисей [1]). Разумѣется, отца—Авраама, который повѣрилъ Богу, «и это вмѣнилось ему въ праведность» (Римл. IV, 3). Также и мы, полагаясь не на свою праведность, но на милость Господа, будемъ прославлять Его, потому что сокрушилъ полчища Тотъ, Который есть миръ нашъ. И Господь имя Тому, Коему говоримъ мы словами Исаіи: «Господи, Боже нашъ!» (Исаіи XXVI, 13). Господь имя Ему. Мы не были, и Онъ создалъ насъ, погибали, и Онъ нашелъ насъ, продали самихъ себя, и Онъ искупилъ насъ. Господь... имя Ему. «Колесницы фараона и войско его ввергнулъ Онъ въ море» (Исх. XV, 3—4). Гордость вѣка этого и безчисленное множество грѣховъ, коими служили мы діаволу, смылъ Онъ въ крещеніи. По три всадника посадилъ онъ на колесницы,

[1]) Здѣсь, повидимому, есть пропускъ, откуда можно заключить, что бесѣда эта сокращена и не сохранилась въ цѣлости.

т.-е. тотъ, кто, преслѣдуя, мучилъ насъ страхомъ скорбей, страхомъ униженія и страхомъ смерти. Все это потоплено въ Чермномъ морѣ, потому что «мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть» (Римл. VI, 4), погреблись съ Тѣмъ, Кто за насъ предался бичеванію, поношенію и былъ убитъ. Такъ въ Чермномъ морѣ сокрылъ всѣхъ враговъ Тотъ, Кто крестною смертью, коею покрылъ грѣхи наши, освятилъ крещеніе. Но если враги наши погружены въ бездну, какъ камень, то лишь тѣми одними владѣетъ діаволъ, надъ тѣми тяготѣетъ иго его, о которыхъ написано: «егда пріидетъ нечестивый во глубину золъ, не радитъ» (Peccator cum in profundum venerit malorum, contemnit—Притч. XVIII, 3), потому что они не вѣрятъ, что имъ отпустится то, что сдѣлано ими; вслѣдствіе такого отчаянія они опускаются еще глубже. Но «десница Твоя, Господи, прославилась силою; десница Твоя, Господи, сразила врага. Величіемъ славы Твоей Ты низложилъ возставшихъ противу Тебя. Ты послалъ гнѣвъ Твой, и онъ попалилъ ихъ, какъ солому» (Исх. XV, 6—7). Мы устрашились гнѣва Твоего и увѣровали въ Тебя, и всѣ грѣхи наши попалены. Вѣдь, почему отъ дуновенія гнѣва Божія «разступились воды (per spiritum irae tuae divisa est aqua), влага стала, какъ стѣна, огустѣли пучины въ сердцѣ моря» (ст. 8), почему въ этомъ раздѣленіи воды влага сгустилась, и открылся путь народу освобожденному? Почему не черезъ дуновеніе Божіе раздѣлилась вода, какъ не потому, что страхъ предъ гнѣвомъ Божіимъ, которымъ пренебрегаетъ грѣшникъ, идущій въ бездну погибели, побуждаетъ и ко крещенію, когда мы спасаемся водою, не затопляющею насъ, но проходя чрезъ нее какъ по пути? «Врагъ сказалъ: погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насытится ими душа моя; обнажу мечъ мой, истребитъ ихъ рука моя». Не разумѣетъ врагъ силы таинства Господня, которая бываетъ отъ спасительнаго крещенія для тѣхъ, кои вѣруютъ и надѣются на это таинство, и еще думаетъ, что грѣхъ продолжаетъ господствовать надъ крещенными, такъ какъ и они искушаются немощью плоти; не знаетъ онъ, гдѣ, когда и какъ совершается окончательно обновленіе всего человѣка, каковому обновленію основаніе полагается въ крещеніи, которое предуказывается здѣсь и содержится, какъ упованіе, твердою надеждой. Тогда лишь «смертное сіе облечется въ безсмертіе»,

когда ,по упраздненіи всякаго начальства и всякой власти, Богъ будетъ все во всемъ (1 Коринѳ. XV, 53, 54, 24, 28). Теперь же, пока «тлѣнное тѣло отягощаетъ душу» (Премудр. Солом. IX, 15), врагъ говоритъ: «погонюсь, настигну», но «Ты дунулъ духомъ Твоимъ, и покрыло ихъ море» (ст. 10). Теперь уже не говорится о гнѣвѣ Божіемъ, когда море покрыло враговъ. А немного прежде сказано было, что отъ дуновенія гнѣва Твоего разступились воды, хотя проходящій тамъ народъ Божій и получилъ избавленіе. Но, вѣдь, не гнѣвается уже Богъ на того, кто безнаказанно грѣшитъ (cui sunt impunita peccata) и опускается все глубже и глубже. Подобно свинцу онъ погружается въ глубину грѣха тѣмъ больше, чѣмъ больше замѣчаетъ, что тѣ, которые оправданы вѣрою и содержатъ упованіе будущей жизни, твердо переносятъ бѣдствія настоящей жизни, проводя ее въ скорбяхъ, въ перенесеніи коихъ подкрѣпляетъ ихъ Духъ Божій. Итакъ, послалъ Богъ Духа Своего для утѣшенія и испытанія праведниковъ въ скорбяхъ, и покрыло море нечестивыхъ, которые думали, что не только нѣтъ разницы между тѣми и ими, но что скорѣе на тѣхъ разгнѣвался Богъ, которые подвергались столькимъ испытаніямъ, а къ нимъ милостивъ, потому что они радовались на свое благополучіе. Такъ «они погрузились, какъ свинецъ, въ великихъ водахъ». «И кто, какъ Ты, Господи, между богами», Славный во святыхъ, кои не хвалятся о себѣ, кто, какъ Ты, дивный въ величіи, Творецъ чудесъ (ст. 11)? Но все это, что совершилось тогда, предуказывало нѣчто будущее, потому что это были образы для насъ. «Ты простеръ десницу Твою: поглотила ихъ земля» (ст. 12). Однако, никого изъ египтянъ въ то время не поглотила земля (terrae hiatus). Водою поглощены они были, въ морѣ погибли. Что же значитъ это: «Ты простеръ десницу Твою: поглотила ихъ земля?» Не справедливѣе ли поэтому разумѣть здѣсь подъ десницею Божіей Того, о Комъ Исаія говоритъ въ словахъ: «и кому открылась мышца Господня» (Исаіи LIII, 1)? Это есть именно Самъ Единородный Сынъ Божій, Коего не пощадилъ Отецъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ (Римл. VIII, 32). Онъ также простеръ на крестѣ десницу Свою, и земля поглотила нечестивыхъ въ то время, когда они, считая уже себя побѣдителями, издѣвались надъ Нимъ. Поэтому и сказано: «земля отдана въ

руки нечестивыхъ; лица судей ея Онъ закрываетъ» (Іова IX, 24), т.-е., закрываетъ Божество Свое. Такъ Господь велъ народъ Свой, какъ бы, носимый на томъ деревѣ, на которомъ земля, т.-е. плоть Господа простертая, поглотила нечестивыхъ. Не на кораблѣ переплылъ народъ море. Но «Ты ведешь милостію Твоею (justitia tua) народъ сей (tuum)», не своею праведностію превозносящійся, но живущій вѣрою по Твоей милости (sub gratia tua), «народъ сей, который Ты избавилъ» (ст. 13). Потому что знаетъ Господь своихъ (2-е Тимоѳ. II, 19).

3. Вотъ теперь увѣренъ ты въ силѣ твоей, т.-е. во Христѣ твоемъ, что «немощное Божіе сильнѣе человѣковъ» (1 Коринѳ. I, 25). «Ибо хотя Онъ и распятъ въ немощи, но живъ силою Божіею» (2-е Коринѳ. XIII, 4). Увѣренъ ты въ силѣ твоей, въ святой помощи твоей. Вѣдь, тѣмъ, что смертная плоть Его обновлена чрезъ воскресеніе, и что тлѣнное облеклось въ Немъ въ нетлѣніе, мы и укрѣпляемся, уповая на будущее и по причинѣ этого перенося все настоящее. Остается намъ послѣ крещенія переходъ чрезъ пустыню, черезъ жизнь, которая совершается въ надеждѣ, пока не придемъ въ землю обѣтованія, въ землю живыхъ, гдѣ Господь—достояніе наше, въ вѣчный Іерусалимъ. Пока не придемъ сюда, вся эта жизнь—пустыня для насъ, одно испытаніе. Но именемъ Того, Кто побѣдилъ міръ, все побѣждаетъ народъ Божій. Какъ въ крещеніи, подобно врагамъ, сзади преслѣдующимъ, потопляются прошедшіе грѣхи наши, такъ и во время странствованія по пути этой жизни, когда мы ѣдимъ духовную пищу и пьемъ духовное питіе, мы одолѣваемъ всѣхъ противниковъ нашихъ. И безъ сомнѣнія, устрашило враговъ нашего странствованія имя нашего Владыки. Вѣдь, сначала воспылалъ гнѣвъ язычниковъ къ погубленію самаго имени христіанскаго. Но гнѣвъ этотъ ничего не могъ сдѣлать; онъ обратился въ скорбь, и по мѣрѣ того, какъ вѣра стала возрастать и овладѣвать всѣмъ, скорбь болѣе и болѣе обращалась въ страхъ, такъ что и гордецы этого вѣка, подобно птицамъ небеснымъ, стали искать убѣжища и защиты подъ сѣнію того дерева, которое изъ ничтожнѣйшаго зерна горчичнаго стало великимъ (Матѳ. XIII, 31, 32). Такъ и въ пѣсни этой, гдѣ воспоминается все, что случилось тогда, какъ образъ, указывается послѣдовательно на гнѣвъ,

на скорбь и на страхъ язычниковъ. «Услышали народы, говорится тамъ, и трепещутъ (iratae sunt): ужасъ объялъ жителей Филистимскихъ; тогда смутились князья Эдомовы,— трепетъ объялъ вождей Моавитскихъ, уныли всѣ жители Ханаана. Да нападетъ на нихъ страхъ и ужасъ; отъ величія мышцы Твоей да онѣмѣютъ они, какъ камень, доколѣ проходитъ народъ Твой, Господи, доколѣ проходитъ сей народъ, который Ты пріобрѣлъ» (ст. 14—16). Такъ было, такъ и теперь бываетъ. Цѣпенѣя отъ удивленія, враги церкви становятся, какъ камни, пока мы не достигнемъ отечества. Тѣ же, которые пытаются противиться, побѣждаются нынѣ знаменіемъ креста Господня, какъ тогда Амаликитяне побѣждались, какъ только Моисей простиралъ свои руки (Исх. XVII, 8—13). Такъ же и мы вводимся и насаждаемся на горѣ Господней, которая изъ малаго камня, видѣннаго Даніиломъ, выросла и заполнила всю землю (Дан. II, 34, 35). Это и есть уготованное жилище Божіе. Это и есть храмъ Божій святый и святилище дома Его, которое отъ Него (ст. 17). «Ибо храмъ Божій святъ, говоритъ апостолъ, а этотъ храмъ— вы» (1-е Коринѳ. III, 17). И чтобы кто-нибудь не сталъ относить этого къ земному Іерусалиму, гдѣ былъ временный храмъ, указывается затѣмъ, что рѣчь идетъ о вѣчномъ царствѣ, которое есть вѣчное наслѣдіе Божіе, вѣчный Іерусалимъ. Потому что далѣе слѣдуетъ: «которое (жилище, или наслѣдіе) создали руки Твои, Владыко»! «Господь, царствуяй вѣки, и на вѣкъ, и еще» (по латинск. подлиннику: qui regnas semper et in sempiternum et adhuc—ст. 17—18). Но развѣ есть что-либо продолжительнѣе вѣчности (in sempiternum)? Кто можетъ сказать это? Для чего же прибавлено: «и еще» (et adhuc)? Можетъ быть, потому прибавлено «и еще», чтобы всякій разумѣлъ тутъ дѣйствительно вѣчное, такъ какъ подъ вѣчнымъ понимается иногда и время болѣе или менѣе продолжительное. Или же прибавлено для того, чтобы показать, что Господь всегда царствуетъ на небесахъ, которыя Онъ «поставилъ на вѣки и вѣки; далъ уставъ, который не прейдетъ» (Псал. CXLVIII, 6), и что навсегда (in sempiternum) будетъ царствовать Онъ надъ тѣми, которымъ прощены грѣхи послѣ того, какъ обратились они отъ преступленія заповѣди, коихъ взыскалъ Онъ отъ времени и даровалъ имъ вѣчное блаженство, а также, что доселѣ

(adhuc) Господь царствуетъ надъ тѣми, коихъ вразумлялъ Онъ справедливѣйшими наказаніями подъ игомъ народа Своего. Вѣдь, никто не исключается изъ царства Того, вѣчному закону Коего въ распредѣленіи даровъ и воздаяніи наградъ и наказаній, закону справедливѣйшаго управленія (justissima ordinatione) подлежатъ всѣ твари. Потому что «Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать» (Іакова IV, 6)... «Когда вошли кони фараона съ колесницами его и съ всадниками его въ море, то Господь обратилъ на нихъ воды морскія, а сыны Израилевы прошли по сушѣ среди моря» (Исх. XV, 19).

4. Такъ воспѣлъ Моисей и сыны Израилевы, такъ воспѣла Маріамъ пророчица и женщины Израилевы. Такъ и мы теперь поемъ,—и мужчины и женщины, и духъ и плоть наши. Потому что «тѣ, которые Христовы, говоритъ апостолъ, распяли плоть со страстями и похотями» (Галат. V, 24). На это (т.-е. на распятіе плоти) и указываетъ именно, какъ согласно понимается всѣми, тотъ тимпанъ, который взяла Маріамъ, чтобы воспѣвать на немъ. Для того, чтобы сдѣлать тимпанъ, на дерево натягивается кожа (caro); такъ точно и изъ креста (на коемъ распятъ былъ Господь) научаются люди исповѣдывать сладкій даръ благодати. Итакъ, сдѣлавшись смиренными чрезъ благодать крещенія, и умертвивъ нашу гордость, вслѣдствіе которой гордый врагъ господствовалъ надъ нами, такъ что хвалящійся уже хвалится теперь Господомъ (1-е Коринѳ. I, 31), будемъ пѣть Господу, «ибо высоко превознесся Онъ, коня и всадника ввергнулъ въ море» (ст. 1 и 21).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Отъ переводчика . . . . . I—V.

Бесѣда 1-я. О томъ, что Христосъ въ Писаніи изображается неодинаково. Противъ аріанъ . . . . . 1—11

Бесѣда 2-я. О жертвѣ вечерней. Изъясненіе Евангелія отъ Іоанна, прологъ. . . . . 12—17

Бесѣда 3-я. О Сусаннѣ и Іосифѣ, съ увѣщаніемъ о цѣломудріи . . . . . 18—28

Бесѣда 4-я. О любви къ Богу и о любви къ міру . . 29—37

Бесѣда 5-я. О презрѣніи къ міру . . . . . 38—45

Бесѣда 6-я. О нашемъ хожденіи вѣрою въ настоящей жизни. . . . . 46—49

Бесѣда 7-я. О страхѣ Божіемъ . . . . . 50—54

Бесѣда 8-я. О страхѣ Божіемъ . . . . . 55—59

Бесѣда 9-я. О любви и о слѣпцѣ прозрѣвшемъ . . . 60—65

Бесѣда 10-я О любви . . . . . 66—69

Бесѣда 11-я. О пользѣ покаянія . . . . . 70—90

Бесѣда 12-я. О пользѣ покаянія . . . . . 91—107

Бесѣда 13-я. Къ новопросвѣщеннымъ, въ 8-й день послѣ крещенія . . . . . 108—111

Бесѣда 14-я. Къ воздерживающимся отъ брачной жизни. 112—120

Бесѣда 15-я. О жизни и нравахъ своихъ клириковъ . 121—129

Бесѣда 16-я. О жизни и нравахъ своихъ клириковъ . 130—141

Бесѣда 17-я. Похвала миру . . . . . 142—148

Бесѣда 18-я. О мирѣ и любви . . . . . 149—154

Бесѣда 19-я. О единеніи между братіями и о любви между ближними (Сир. XXV, 2). О враждѣ и о мирѣ съ донатистами . . . . . 155—167

Бесѣда 20-я. Объ одномъ донатистѣ, обратившемся къ Церкви. Произнесена за бдѣніемъ въ память Максиміана . . . . . 168—169

Бесѣда 21-я. О воскресеніи мертвыхъ . . . . . 170—187

Бесѣда 22-я. О воскресеніи мертвыхъ . . . . . 188—220

Бесѣда 23-я. О пѣсни въ книгѣ „Исходъ“ (гл. XV, 1-21). 221—227

Опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
7	8 сверху	они	Они
11	4 сверху	не	но
16	2 сверху	во—стока	вос—тока
18	6 сверху	тенцовъ	птенцовъ
21	16 сверху	Своего	Ея
22	1 снизу	воздержаннымъ	воздержнымъ
24	18 сверху	которую	которой
27	10 снизу	бѣденъ?	бѣденъ.
30	16 сверху	послѣдовалъ	наслѣдовалъ
30	19 сверху	какъ	такъ
31	11 снизу	Но тѣмъ ли	Не тѣмъ ли
34	10 снизу	вспомнишь	вспомнить
36	15 сверху	Мене	Меня
38	Въ началѣ	О преарѣнію	О презрѣніи
39	15 сверху	своихъ	своимъ
40	13 сверху	большое	небольшое
41	12 сверху	говорить	говоришь
42	14 снизу	Павлъ	Павелъ
42	6 снизу	препираешь	препираешься
44	13 сверху	сколько много	сколь много
44	21 сверху	не обманываюсь, я	не обманываюсь я
44	8 снизу	Недоумѣваешь ты	недоумѣваешь ты
48	4 снизу	словамъ: „если	словамъ: „Я есмь путь", Онъ говоритъ далѣе: „если...
53	9 снизу	Въ немъ	Въ Немъ
61	12 сверху	защищаетъ	заглушаетъ
71	8 сверху	превозносилъ	ни превозносилъ
71	15 снизу	приходящій	приходятъ
76	23 сверху	скоропреходящая и неизвѣстна	скоропреходяща и не извѣстна,
83	7 сверху	Коринѳ.	I Коринѳ.
85	5 сверху	найти	выйти
85	18 сверху	извержите	извергните
91	4 снизу	распоряжаться	распоряженія
92	11 сверху	общенія	обѣщанія

93	18 сверху	образцы	образы
96	17 сверху	и такое	и не такое
101	13 сверху	а я для міра	и я для міра
102	19 снизу	можетъ	можетъ быть
110	18 снизу	что они не любятъ	чего они не любятъ
115	17 снизу	и многіе	а многіе
117	5 сверху	чтобы тѣмъ	чтобы то
117	15 снизу	услышаны	услышаны,
119	19 снизу	дѣчь	дочь
121	7 снизу	Однѣ	Одно
125	7 снизу	Итакъ, какъ	И такъ какъ
127	13 сверху	отступать	отступить
145	10 сверху	не лучше	не лучше ли
145	13 снизу	извлеченія	излеченія
145	8 снизу	идущимъ	ищущимъ
147	17 снизу	отца	Отца
154	15 сверху	pietalis	pietatis
157	20 снизу	что не теряешь	чего не теряешь
159	9 и 33 сверху	что	чего
162	6 снизу	церковь	церкви
168		Maximiam	Maximiani
172	10 сверху	Къ этомъ	Къ этому
174	15 сверху	И если нѣкоторые	Нѣкоторые даже
174	18 сверху	то	но
176	3 снизу	не вижу. Если бы	не вижу, если бы
180	12 сверху	ученія	ученіе
200	2 снизу	нести.	нести ея.
207	15 сверху	Нежели	Неужели
213	17 сверху	какъ пророчество	за пророчество
219	18 снизу	не убиваетъ	не убываетъ